



ВЕЛИКИЙ
ОКТЯБРЬ

ХРОНИКИ КРАСНОГО ОКТЯБРЯ

Николай
СТАРИЛОВ

Николай СТАРИЛОВ

**ХРОНИКИ
КРАСНОГО
ОКТЯБРЯ**

АЛГОРИТМ

Москва, 2007

УДК 323
ББК 63.3(2)
С 77

С 77 **Старилов Н. И.**
Хроники Красного Октября / Н. И. Старилов. — М.: Алгоритм, 2007. — 352 с. — (Великий Октябрь).

ISBN 978-5-9265-0448-1

Поток бессовестной и гнусной клеветы на революцию не ослабевает; тем более важным представляется нам издание этой книги. В ней показаны события Февраля и Октября семнадцатого года глазами их участников. Концепция этого труда состоит в том, чтобы показать основное действующее лицо революции — народ, тех «рядовых» людей, руками которых, собственно, она и делалась. Автор попытался с помощью свидетельств ее участников и документов той эпохи дать объективную картину происходящего, из которой следует, что именно народ сверг бездарного «Николашку Кровавого», доведшего страну до глубочайшего кризиса; именно народ не захотел терпеть гибельную политику Временного правительства, пустую болтовню Керенского — и установил в России советскую власть, власть рабочих и крестьян, действительно демократическую власть, учитывающую интересы подавляющего большинства населения.

УДК 323
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9265-0448-1

© Старилов Н. И., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Предисловие

Февральская и Октябрьская революции 1917 года вызвали и продолжают вызывать самые противоречивые оценки, что вполне понятно. Удивительно другое: в современной России Февраль и Октябрь семнадцатого являются теми событиями, которые сближают в их негативном восприятии политические силы, враждебные по отношению друг к другу. Ярые демократы и отчаянные национал-патриоты с одинаковой ненавистью относятся к революционному семнадцатому году. Они используют одни и те же приемы, чтобы опорочить революцию: Февраль, по их трактовке, был следствием масонского заговора или демагогической агитации подрывных элементов общества; в результате была разрушена великая процветающая держава и свергнут с престола государь, воплощающий в себе лучшие качества российского монарха.

Октябрь был организован немецким генеральным штабом, заслывшим в Россию своего агента Ленина, который страдал параноидальными диктаторскими наклонностями, патологической русофобией и отличался изуверской жестокостью. Или еще один вариант: Октябрьская революция — воплощение иудейского плана по разрушению России и истреблению русского народа, — не случайно, Троцкий прибыл в нашу страну из Америки, где на чикаг-

ских бойнях работающие там евреи отработывали приемы убийства животных, дабы применить потом полученные навыки в убийстве лучших представителей земли русской. Отсюда кожаные куртки вождей революции — это, в сущности, видоизмененная униформа чикагских убийщиков скота, одевающих кожаные фартуки, чтобы не испачкаться кровью.

В своей оголтелой злобе к Октябрю и демократы, и национал-патриоты противопоставляют «ленинско-троцкистскому отребью», захватившему тогда власть, благородных чистых деятелей контрреволюции и белого движения. Трогательно смотреть, как дружно подставляют плечи либералы и националисты под гробы с останками генералов белой армии, которые привозятся со всего света в Москву и погребаются на лучших кладбищах столицы.

Поток бессовестной клеветы и гнусных измышлений на революцию не ослабевает; тем более важным представляется нам издание этой книги. В ней показаны события Февраля и Октября семнадцатого года глазами участников тех событий. Концепция этого труда состоит в том, чтобы показать основное действующее лицо революции — народ, тех «рядовых» людей, руками которых, собственно, она и делалась. Автор попытался с помощью свидетельств ее участников и документов той эпохи дать объективную картину происходящего, из которой следует, что именно народ сверг бездарного «Николашку Кровавого», доведшего страну до глубочайшего кризиса; именно народ не захотел терпеть гибельную политику Временного правительства, пустую болтовню Керенского, — и установил в России советскую власть, власть рабочих и крестьян, действительно демократическую власть, учитывающую интересы подавляющего числа населения.

Часть первая

ФЕВРАЛЬ

Калейдоскоп событий. 22 февраля 1917 г.

День прошел у его величества как всегда в заботах — принял несколько человек, читал, затем простился с семьей и проехал с женой в храм божий помолиться. Аликс проводила его на станцию. Они нежно простились, и Ники уехал в ставку. В дороге он читал, скучал и отдыхал. Из-за очередного приступа кашля на воздух не выходил.

Александра Федоровна — Николаю II. 22 февраля 1917 г.:

«Дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят этого — сколь многие недавно говорили мне: нам нужен кнут. Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и вместе с тем горячая любовь. Я слишком хорошо знаю, как ведут себя ревущие толпы, когда ты находишься близко. Они еще боятся тебя. Они должны бояться тебя еще больше, так, чтобы, где бы ты ни был, их охватывала бы все та же дрожь. Прощай, моя любовь, возвращайся скорее к твоему старому Солнышку».

Письмо не установленного военной цензурой солдата Г. И. Попову в село Ялты:

«В одно прекрасное время наши герои и немцы сошлись вместе, подали руки и поцеловались. Они нас угощали папиросами, водкой и коньяком, а мы им давали на-

шего хлеба, который нужно было рубить топором, и им хлеб не понравился, и сказали, что им хоть и мало дают хлеба, но не такую гадость. Германцы просто одеты и веселый народ. Наши и их полевые караулы вместе всю ночь сидят, гуляют, а утром возвращаются пьяные. Да, подружались с немцами».

Письмо не установленного военной цензурой солдата:

«Наши военные дела не весьма важные. По-видимому, так и кончится на неблагоприятных условиях. Это потому, что мы можем только на бумаге расписывать хорошо. Все расписывали, что выступление Румынии нашему противнику собьет спесь, и погибнет его армия, а он с перепугу да занял Бухарест, с которым уже надо распрощаться навсегда, так, как и нам с Польшей, а на бумаге мы все забираем и забираем, и похвалиться прежде времени умеем. Мы будем похваляться на бумаге и расписывать в газетах, а войска наши будут бить».

Александра Федоровна — Николаю II:

«В Думе все дураки. В Ставке сплошь идиоты. В Синоде одни животные. Министры — мерзавцы. Дипломатов наших надо перевешать. Разгони всех. Прошу тебя, дружок, сделай это поскорее. Только поскорей закрой Думу, прежде чем будут представлены их запросы. Газеты всем недовольны, черт бы их побрал. Думу надо прихлопнуть, заставь их дрожать. Все они должны научиться дрожать перед тобой. Когда же ты, наконец,хватишь рукой по столу и накричишь? Тебя должны бояться. Покажи им, что ты хозяин. Ты владыка, ты хозяин в России. Помни это. Мы не конституционное государство, слава богу, будь львом в борьбе против маленькой кучки негодяев и республиканцев, будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех. Будь решительным и более са-

модержавным, показывай свой кулак там, где это необходимо. Докажи, что ты один властелин и обладаешь сильной волей, будь строгим, это необходимо, они должны слышать твой голос и видеть недовольство в твоих глазах. Они должны, они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать, и надо теперь же положить этому конец. Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова. Твое старенькое Солнышко».

Донесение пристава 2-го участка Выборгской части петроградскому градоначальнику 22 февраля 1917 г.:

«Среди рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба. Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слушать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков».

Николай II — Александре Федоровне. 23 февраля 1917 г.:

«Ты пишешь о том, чтобы быть твердым — повелителем. Это совершенно верно, будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место. Спи спокойно, хоть я не могу согреть тебя. Твой муженек Ники».

Донесения охранного отделения:

«Свод сведений о ходе рабочих беспорядков в городе Петрограде, возникших 23 февраля 1917 г. 23 февраля с утра явившиеся на заводы и фабрики рабочие Выборгского района постепенно стали прекращать работы и толпами выходить на улицу, выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба, который особенно чувствовался в названном фабричном районе, где,

по наблюдениям местной полиции, за последние дни многие совершенно не могли получить хлеба. Вскоре весть о забастовке разнослась по предприятиям других районов, мастеровые которых также стали присоединяться к бастующим. Забастовщики, энергично разгоняемые нарядами полиции, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в других, проявляя в этом особое упрямство. Около двух часов дня охрана порядка и спокойствия в столице была принята военными властями в лице начальника охраны полковника Павленкова.

Второй участок Спасской части. В пятом часу дня толпа рабочих до 150 человек, преимущественно молодежи, вышли с Садовой улицы на Невский проспект с пением «Рабочей марсельезы», направляясь к Адмиралтейскому проспекту, но была рассеяна полицейскими нарядами и казачьим разъездом. Часть рабочих успела против здания Городской Думы снять и унести с трех моторных вагонов трамвая рукоятки. При рассеивании толпы, часть таковой, прижимаясь к стенам домов, выдавила стекла в трех магазинах».

Телеграмма Николая II Александре Федоровне.

23 февраля 1917 г. 15 час. 40 мин.:

«Прибыл благополучно. Ясно, холодно, ветрено. Кашляю редко. Чувствую себя опять твердым, но очень одиноким. Сердечно благодарю за телеграммы тебя и Бэби. Мысленно всегда вместе. Тоскую ужасно. Нежно целую всех. Ники».

Донесения охранного отделения:

«Петергофский участок. 23 февраля в мастерских Путиловского завода и Путиловской верфи были вывешены объявления директоров завода генерал-майора Дубницкого и верфи полковника Кутейникова о закры-

тии завода и верфи от того же числа и о расчете рабочих, причем в объявлении по Путиловской верфи отмечено, что мастерские закрываются на неопределенное время ввиду непрекращающихся нарушений рабочими нормального хода работ, несмотря на неоднократные предложения администрации верфи приступить к работам. Прибывающие рабочие мастерских верфи допущены туда не были.

Лесной участок. На заводе «Айваз» (Выборгское шоссе, 21/25), не работает 2123 человека. В 2 часа дня обсуждался вопрос о забастовке, каковая и была объявлена под влиянием подстрекательства работающих там женщин, несмотря на заявление администрации завода о том, что заводом организована выпечка хлеба для своих рабочих до 1500 фунтов в день.

Первый участок Петроградской части. В 2 часа 45 минут дня толпы рабочих, преимущественно из подростков, сняли рабочих с картонажной фабрики Киббель (на Большой Ружейной ул.) и пытались также снять рабочих трубного завода на Кронверкской ул. 7, где силою сорвали одну половину ворот, и фабрики конторских книг «Ф. Кан» на той же улице, 21, но не успели в этом, так как подоспевшими нарядами полиции были рассеяны.

Четвертый участок Петроградской части. Около семи часов вечера толпа рабочих Литейного завода «Вулкан» до 1500 человек, остановившись у ворот механического завода 1-го Российского товарищества воздухоплавания на Корпусной ул., стала ломиться в ворота. Бывший здесь полицейский надзиратель Вашев после тщетных требований разойтись, вынул револьвер. Окружив моментально Вышева и выбив из его рук револьвер, рабочие избili его палками, и, проникнув на завод, сняли рабочих. Полицейскому надзирателю Вишеву причинены серьезные ушибы и перелом нижней челюсти. Он отправлен в больницу».

Александра Федоровна — Николаю II. 23 февраля 1917 г.:

«Мой ангел., любовь моя! Ну, вот — у Ольги и Алексея корь. У Ольги все лицо покрыто сыпью, у Беби больше во рту, и кашляет он сильно и глаза болят. Ах, любовь моя, как печально без тебя, как одиноко, как я жажду твоей любви, твоих поцелуев, бесценное сокровище мое, думаю о тебе без конца! Ясный солнечный день, и не очень холодно. Если им будет нехорошо, буду тебе телеграфировать очень часто. Прощай, мой единственный. Господь да благославит и сохранит тебя! Осыпаю тебя поцелуями. Навсегда твоя».

Донесение охранного отделения:

«Первый и второй участки Выборгской части. При рассеивании все возраставшей толпы, направлявшейся от Нижегородской улицы к Финляндскому вокзалу, был сбит с ног младший помощник пристава первого участка Выборгской части коллежский секретарь Гротиус, пытавшийся задержать одного из рабочих, причем коллежскому секретарю Гротиусу причинены рассеченная рана на затылочной части головы, пять ушибленных ран головы и поранение носа. По оказании первоначальной помощи пострадавший был отправлен в свою квартиру. К вечеру 23-го февраля усилиями чинов полиции и воинских нарядов порядок повсеместно в столице был восстановлен».

Дневник Николая II:

«23 ф. четверг. Проснулся в Смоленске в 9 1/2 час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время франц. книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним. Пусто показалось

в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими... Вечером писал и пил общий чай».

Калейдоскоп событий. 24 февраля 1917 г.

Сампсониевский проспект загрохотали многотысячные толпы рабочих Выборгской стороны. Демонстрация как в воронку вошла в узкое горло проспекта, а дальше пути не было — казаки стройным, красивым рядом стояли, ожидая бунтарей.

Встали все заводы Выборгской стороны. Забастовавшие рабочие ходили от завода к заводу и снимали с работы тех, кто еще не решился примкнуть к всеобщей стачке петроградского пролетариата. Что чувствовали люди с красными знаменами и полотнищами лозунгов в первых рядах колонны? Им нельзя, да и некуда было бежать. А сзади напирало тело стотысячной толпы, которое росло как сказочный богатырь по минутам.

Офицер привстал на стременах, повернув голову, закричал что-то казакам и обнажил шашку. Стало вдруг очень тихо, но никто не успел разобрать слов офицера. Да и так все было ясно. Не в первый раз рабочие сходились с казаками. Сотня клинков сверкнула в воздухе. Казаки рванулись вперед, но никто из рабочих не побежал, только расступились перед мордами офицерских коней.

Придерживая лошадей казаки не спеша въезжали по одному в бреши, проделанные офицерами, положив клинки на лошадиные гривы. На лицах у них были презрительные улыбки, направленные в спины офицеров. Один казак, помоложе, подмигнул молодой работнице. Казаки не стегают рабочих нагайками, в это трудно было поверить, стоя рядом с казачьими лошадьми, но еще труднее было поверить, что казаки — на стороне народа.

И вдруг над толпой загредело «ура». А казаки ухмыляются. Снова команда, и снова офицеры рьяно врезаются

в толпу, теперь уже с тыла. И вновь «ура» в честь казаков, не захотевших избивать голодных рабочих. На искаженных, бледных лицах офицеров злоба и страх, но перелом еще не произошел. Казаков не увели, а опять построили перед демонстрантами.

Подойдя вплотную к казакам, рабочие заговорили с ними. Те слушали, улыбались и делали вид, что не замечают, как тысячи людей, словно река меж валунов, проходят сквозь их строй. У Литейного моста стояла сильная застава из полиции и казаков. Ее начальник — старый полковник, выехав к рабочим, уговаривал разойтись, но, заметив, как сотни людей «просачиваются» сквозь казачий наряд на мосту, крикнул зычным голосом:

— В нагайки!

Конные полицейские набросились на прорвавшихся, но демонстранты держались, пытались отбиваться и кричали городовым:

— Что же вы, сволочи, делаете? Казаки и те вон стоят, а вы народную кровь пить хотите?

Вид спокойно стоявших казаков и в самом деле смущал. Полицейским становилось как-то не по себе. Они замаялись и опустили нагайки. Один полковник ничего не слышал и не видел, кроме голов бунтовщиков, каждую из которых он хотел отметить плетью. К нему подбежали рабочие — дернули, пузырем вздулась шинель над свалившимся на булыжник полковником, но тут же опала под ударами. Полицейские едва отбили полуживого начальника.

Демонстрация двинулась на мост, но навстречу бежали те, кто раньше перешел через Неву. «Стреляют! Стреляют!» — кричали они. Толпа заколебалась в нерешительности. Кто-то крикнул: «Товарищи, по льду!» Со всех концов Питера в центр, на Невский, шли тысячи рабочих.

Донесения охранного отделения:

«Первый участок Литейной части. К 11 часам утра на Невском образовалась громадная толпа, рассеянная конными частями. Затем на Невском проспекте в течение всего дня до позднего вечера появлялись толпы, вследствие чего их приходилось разгонять много раз нарядами полиции и конных частей.

Первый участок Казанской части. В 11 часов 10 минут дня на Казанском мосту, на Невском проспекте, собралась толпа рабочих, числом до 1000 человек, преимущественно женщин и подростков, выкрикивавшая: «Дайте хлеба, хотим есть». Толпа эта вскоре была разогнана казаками и пешими городовыми.

Второй участок Васильевской части. Около 9 часов утра толпа мужчин и женщин остановилась перед зданием завода «Сименс и Гальске» (6 линия, 61), вызывая рабочих криками и свистками, но прибывшим нарядом полиции в числе 19 человек собравшиеся были рассеяны. Позже были получены сведения, что к забастовке присоединились и вышли на улицу рабочие означенного завода. Образовавшаяся толпа до 5000 человек направилась к Среднему проспекту с пением: «Вставай, подымайся, рабочий народ». Конный отряд городских врезался в толпу, дабы рассеять ее. В это время появился патруль казаков в 9 человек под командой урядника, к которому бывшие в полицейском наряде помощники пристава второго участка Васильевской части титулярный советник Евсеев и поручик Пачогло обратились за помощью. Патруль сначала последовал за толпой, не принимая участия в действиях конных городских, и, доехав до Среднего проспекта, скрылся. На погонах казаков были инициалы «Н.2». Рассеянная полицией толпа эта в большинстве направилась в район Гаванского участка».

Александра Федоровна — Николаю II. 24 февраля 1917 г.:

«Бесценный мой! Погода теплее, 4 1/2 градуса. Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально. Вчера вечером Бэби был весел. У Ольги 37,7. Вид у нее хуже, изнуренный. Каким страшно одиноким должен был ты чувствовать себя первую ночь. Не могу представить тебя без Бэби, мой бедный, милый ангел! Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость. У Ольги и Татьяны совсем темно, так что я пишу у лампы (на диване). Беспорядки хуже в 10 часов, в 1 — меньше — теперь это в руках Хабалова.

Без конца целую тебя, нежно преданная и горячо любящая твоя старая

Женушка».

Донесения охранного отделения:

«Четвертый участок Петроградской части. В 6 час. вечера собравшиеся у Петроградского Механического завода рабочие вечерней смены до 1500 человек, не приступившие к работам, были рассеяны нарядом полиции. При этом из толпы рабочих были брошены в городских конно-полицейской стражи Фому Долгова и Илью Кулемина комья мерзлого снега, причинившие первому ушиб подбородка и второму ушиб спины. Ушибы незначительны и городские эти остались на службе.

Гаванский участок. Полицией задержаны Николай Бурмашев, 16 лет, за попытку остановить трамвай и Лазарь Ерохин, 17 лет, за подстрекательство к забастовке».

Из письма Николая II Александре Федоровне.

24 февраля 1917 г.:

«Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания».

Приказ генерала Хабалова, командующего Петроградским военным округом, от 24 февраля 1917 г.:

«Войскам употреблять в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка».

Калейдоскоп событий. 24 февраля 1917 г.

— Кирпичников¹, в ружье!

— Что случилось?

— Идут!

— Кто идет?

— Черт его знает... — Штабс-капитан Цуриков махнул рукой и вышел из подвала, где сегодня утром разместился первый взвод учебной команды лейб-гвардии Волынского полка.

Кирпичников отвел взвод на Знаменскую площадь и построил его фронтом к Невскому проспекту. Солдаты, ничего еще не знавшие ни о событиях в городе, ни о том, зачем их вывели из казарм на улицу, с беспокойством оглядывались вокруг. Прямо на них шла демонстрация с флагами, сзади подступала толпа, в которой были и рабочие, и студенты, и чистая публика. Демонстранты закричали:

— Солдатики, не стреляйте!

¹ Здесь и далее в разделах «Калейдоскоп событий» автором книги использованы воспоминания участников революции, а также имена, приводимые в этих воспоминаниях. — *Примеч. ред.*

Кирпичников, с трудом разжимая почему-то одеревеневшие губы, в ответ крикнул:

— Не бойтесь, стрелять не будем.

Плохо соображая, что делает, он подошел к Цурикову:

— Они идут, хлеба просят, пройдут и разойдутся.

Штабс-капитан с насмешливой улыбкой посмотрел на него и ничего не ответил. Сегодня ночью он уезжал на фронт и не собирался делать за начальника учебной команды грязную работу. Толпа обошла солдат, окружила памятник Александру III, прокричала «ура» солдатам и начала митинговать. Так простояли до шести часов вечера.

Кирпичников опять подошел к Цурикову:

— Ваше высокоблагородие, солдаты с утра не кормлены, еле стоят, нужно ухаживать.

Штабс-капитан похлопал перчатками по ладони левой руки, постоял, делая вид, что решает этот вопрос, хотя на самом деле ему было невыносимо скучно, хотелось поесть и выпить. Разыграв колебание, за которым унтер-офицер следил с серьезным выражением на лице, Цуриков пошел к телефону. Однако с командиром батальона связаться не удалось, и Кирпичников направил солдата.

Донесение охранного отделения:

«Первый участок Александро-Невской части. Около 3 часов дня толпа, двигавшаяся по Невскому проспекту по направлению к Знаменской площади, впереди которой рассыпным строем ехали казаки (около полусотни), прорвалась на площадь. Толпа эта была встречена 15 городскими конно-полицейской стражи, пытавшимися ее рассеять, но встреченные визгом, свистом, криками и градом поленьев, камней и осколков льда, лошади испугались и понесли своих всадников назад. На месте оста-

лись казаки, в присутствии которых у памятника императора Александра III произошло митинговое собрание, откуда слышались возгласы: «Да здравствует республика, долой войну, долой полицию», а также крики «ура» по адресу бездействовавших казаков, которые отвечали толпе поклонами. При столкновении с толпой был поранен пленом в правую щеку конный городской Боков и получил ушиб левой руки вахмистр Орешкин».

Дневник Николая II:

«24 ф. пятница. В 10 1/2 пошел к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком мне от имени бельгийского короля вручен военный крест. Погода была неприятная — метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру».

Калейдоскоп событий. 25 февраля 1917 г.

Толпа на Знаменской становилась все гуще. Ораторы сменяли друг друга. Некоторые выступали в поддержку требования Государственной Думы об «ответственном министерстве».

Член Выборгского райкома большевиков рабочий завода «Эриксон» Каюров и насколько его спутников попытались пробиться к памятнику, с постаментов которого, держась за косолапую ногу венценосца, выступали ораторы, но в это время из переулков вылетела конная полиция и стала избивать демонстрантов. Кто побежал, кто схватился с полицейскими. Каюров с товарищами подошел к казакам:

— Братья-казаки, помогите рабочим в борьбе за их мирные требования, вы видите, как разделяются проклятые фараоны с нами, голодными рабочими. Помогите!

Казаки молчали, переглядывались и ничего не отвечали. Большевики отошли с угрюмыми лицами. Но тут раздался разбойничий посвист, и казаки бросились в драку.

У Каюрова сжалось сердце. Спасения ждать было неоткуда. Демонстрантам нечего было противопоставить вооруженной силе. «Смотри», — закричал, толкая его в бок, рабочий.

Городовые во весь опор удирали от казаков, хлеставших по их жирным спинам нагайками. Сверкнул клинок какого-то расщипавшего казака, и зарубленный пристав кулем свалился на землю. Пока демонстранты собирались к памятнику, казаки отошли на свое место и стояли там как ни в чем не бывало. Полиция исчезла, но появились солдаты, плотными шеренгами загораживая выходы с площади. Люди с беспокойством наблюдали эти приготовления, но ободренные поведением казаков не хотели верить, что солдаты будут стрелять в народ. Они и не стреляли, поэтому их быстро увели и на смену им пришли хорошо обмундированные солдаты учебной команды. Эти стояли с каменными лицами, на попытки демонстрантов заговорить не отвечали. Но вот один из солдат едва слышно шепнул: «Уберите офицера».

Человек десять стали окружать поручика, но тот, будто почувствовал что-то, обернулся и, ласково улыбаясь, сказал:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь.

Все поняли это так, что стрелять не будут и отошли. Приближалась еще одна демонстрация. Каюров увидел под знаменами члена Выбогского райкома Чугурина и своего сына, идущего рядом с ним в распахнутом полушубке.

Залп. Все бросились ничком на мостовую, но стреляли в воздух. Ободренные этим, уверенные, что в них стрелять не будут, рабочие побежали вперед. Раздался еще один залп, потом еще...

*Листовка Петербургского Комитета большевиков.
25 февраля 1917 г.:*

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить. На фронте — кровь, увечье, смерть. Набор за набором, поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню. Нельзя молчать!

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода и молчать без конца — это трусость, бессмысленная, преступная, подлая. Все равно не спасешься. Не тюрьма — так шрапнель, не шрапнель — так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

Прятать голову и не смотреть вперед недостойно. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже. Дождемся повальных болезней, холеры.

Требуют хлеба — отвечают свинцом! Кто виноват? Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются, не успевают считать барыши. Тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши шлют на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

По доброй воле они не откажутся от наживы и не прекратят войны. Пора укротить черносотенного и буржуазного зверя.

Либералы и черносотенцы, министры и Государственная Дума, дворянство и земство — все слилось во время войны в одну озверелую шайку. Царский двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем. Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе.

Умираем в траншеях. Нельзя молчать. Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей и братьев!

В Германии, Австрии, в Болгарии поднимает голову рабочий класс. Он борется там против своей озверелой буржуазии за мир и свободу. Поможем ему и себе. Поможем борьбой против своих угнетателей. Поднимайтесь все! Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов.

Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не ослабят организацию, а усилят ее. Пользуйтесь всяким случаем, всяким удобным днем. Всегда и везде с массой и со своими революционными лозунгами. Пусть приспешники капитала назовут наши действия стачечным азартом и вспышкопускательством. Спасение в немедленной и повседневной борьбе, а не в откладывании ее на дальний срок.

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции и в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа! Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует Социалистический Интернационал!

Петербургский комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии.

25 февраля 1917 г.».

Александра Федоровна — Николаю II. 25 февраля 1917 г.:

«...легкий снежок, пока сплю хорошо, но несказанно тоскую по тебе, любовь моя. Стачки и беспорядки в городе более, чем вызывающи (посылаю тебе письмо Калинина ко мне). Оно, правда, немного стоит, т.к. ты, наверное, получишь более подробный доклад от градоначальника. Это — хулиганское движение, мальчишки и девочки бегают и кричат, что у них нет хлеба — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Прежде всего твори свою волю, мой дорогой. Только что поставила свечку у Знаменья. Устала после приемов. Разговаривала с Апраксиным и Бойсманом. Последний говорит, что здесь необходимо иметь настоящий кавалерийский полк, который сразу установил бы порядок, а не запасных, состоящих из петербургского люда. Гурко не хочет здесь держать своих улан, а Гротен говорит, что они вполне могли бы разместиться».

Донесение охранного отделения.

«Вызванные в помощь полиции войска, хотя и не оказывают сочувствия демонстрантам, но не оказывают и устрашающего воздействия на участников уличных беспорядков».

Указ Николая II:

«На основании статьи 99 Основных Государственных законов повелеваем: занятия Государственной Думы и Государственного Совета прервать 26-го февраля сего года и назначить срок их возобновления в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат

не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано «НИКОЛАЙ».

В Царской Ставке. 25-го февраля 1917 г.

Скрепил: Председатель Совета Министров
князь *Николай Голицын*».

Донесение осведомителя охраны о заседании Петербургского Комитета большевиков. 25 февраля 1917 г.:

«Петроградская организация социал-демократической рабочей партии в течение двух дней происходивших в Петрограде волнений решила использовать в партийных целях возникшее движение и, взяв руководство участвующих в нем масс в свои руки, дать ему явно революционное направление».

Донесения охранного отделения:

«Суворовский участок. Около 8 часов утра у дома 5 по Косой линии толпа набросилась на городского Франца Ваха, 53 лет, и, избив его, отняла у него шашку и револьвер «Наган». У него оказались рассеченные раны на правой стороне лба, на левой брови и на нижней губе, а также выбиты 2 зуба.

Первый участок Выборгской части. Около 10 часов утра огромная толпа в несколько тысяч человек продвигалась по направлению к Александровскому мосту с целью проникнуть в город. Навстречу этой толпе с полусотней казаков и городскими конной стражи выехал полицмейстер пятого отделения полковник Шалфеев, который, устроив у Симбирской ул. заслон из казаков и конных городских, подъехал к толпе и предложил ей разойтись. Здесь толпа набросилась на него, стащила с лошади и стала наносить ему удары ломиком и толстой палкой, причинив

ему перелом лучевой кости правой руки, раздробление переносицы и несколько повреждений кожных покровов на голове. Поднятый городовыми полковник Шалфеев в тяжелом состоянии доставлен в военный госпиталь.

Та же толпа набросилась на чинов конно-полицейской стражи, кинувшихся на выручку полицмейстеру, причем какой-то человек атлетического сложения поднял над головой вахмистра конной стражи Лисина большой лом с целью нанести удар, но Лисин выхватил револьвер, ударил им в лицо злоумышленника и свалил его с ног. В то же время из толпы стреляли и бросали разными тяжелыми предметами в конных городовых, которые также ответили выстрелами. В то время, когда из толпы раздалась выстрелы, оказавшийся на панели у дома 11 по Нижегородской ул. городской первого участка Выбогской части Москалев, видя, что ему из толпы не выбраться, вошел в ворота этого дома. Вбежавшие вслед несколько рабочих побили Москалева и отобрали у него шашку и револьвер».

Калейдоскоп событий. 25 февраля 1917 г.

Утром волынцев снова привели на Знаменскую площадь. Цуриков уехал, и вместо него ротой командовал капитан Машкин. Тут же вертелись два прапорщика из Пажеского корпуса (солдаты называли их «идиотами») — Вельяминов-Воронцов и Ткачура. Выставили часовых, а роту опять развели по подвалам.

В одиннадцать часов прибежал вестовой Машкина с приказом строить роту. Каждый прапорщик вывел полуроту. Капитан осуществлял общее руководство операцией по борьбе с внутренним врагом. Демонстрация с красным флагом подошла к памятнику. Один из молодых солдат, взятый из деревни, закричал:

— Вашекорodie, оратор речь говорит!

Тимофей Кирпичников бросил ему: «Тихо, serene-кий», — таким тоном, по которому нельзя было понять, осуждает он то, что солдат высовывается без приказа, или то, что доносит офицеру.

Воронцов предложил Машкину:

— Надо разогнать.

Капитан засмеялся, с любопытством глядя на прапорщика. Кирпичников подошел к офицерам:

— Разрешите мне одному сходить.

Машкин отвернулся. Воронцов удивленно сказал:

— Тебя убьют.

— Никак нет.

Воронцов повернулся к Машкину, повторил:

— Надо разогнать.

— Валяйте, прапорщик, — нехотя разрешил Машкин.

Воронцов, как будто его ударили с двух боков, подско-чил, повернулся к первому взводу:

— На плечо, за мной — шагом марш! Крепче ногу!

Солдаты заворчали под нос: «Здесь кузнецов нет!» — но припечатали сапогом по мостовой.

Донесение охранного отделения:

«Второй участок Василевской части. В 11 часов утра при появлении забастовщиков в Петроградском трубном заводе была вызвана начальником завода рота Лейб-Гвардейского Финляндского запасного батальона под командою подпоручика Иосса. Ввиду неуместных шуток и неповиновения толпы подпоручик Иосс произвел из револьвера выстрел, которым был убит слесарь Дмитриев.

Третий участок Московской части. За попытки снять с работ задержано 4 молодых людей, причем у одного из них найдено два металлических шара».

Калейдоскоп событий. 25 февраля 1917 г.

Пройдя шагов двадцать, прапорщик скомандовал: «На руку!» и пошел отнимать флаг у демонстрантов, споткнулся о выступ на мостовой и упал. Тут же ему в спину полетели куски льда. Прапорщик вскочил, вырвал флаг из рук демонстранта и вернулся к солдатам, держащим винтовки наперевес.

— Братцы, не заметили, кто бросал в меня? — требующим сочувствия голосом спросил Воронцов.

— Никак нет, вашескородие, — ответили ему «братцы», посмеиваясь про себя.

— Сволочи, — пробормотал прапорщик сквозь зубы, и непонятно было, кому он адресует ругательство — рабочим или солдатам.

Демонстранты, посоветовавшись, подошли к шеренге солдат и попросили вернуть флаг.

— Господа, прошу всех разойтись, — уговаривал Машкин.

Воронцов и Ткачура визжали:

— Разойтись всем, будем стрелять.

Из толпы вышел студент без обеих рук, подошел к Воронцову:

— Что ты делаешь, Сашка? Мы с тобой на одной скамье сидели, а ты в меня стрелять хочешь?... Стреляй!

Воронцов отвернулся, громко оказал Ткачуре:

— Хулиганы.

Подъехала сотня казаков, стали разгонять толпу без особого рвения, но люди понемногу расходились. Офицеры ушли в гостиницу «Северную» пьянствовать.

Донесение охранного отделения.

«Второй участок Александро-Невской части. Около 1 часу дня на углу Невского проспекта и Михайловской ул.

толпа демонстрантов остановила извозчика, на котором городской Ерошин вез подкинутого ребенка в воспитательный дом, и, набросившись на Ерошина, выхватила у него из кобуры «Наган» с патронами».

Калейдоскоп событий. 25 февраля 1917 г.

Солдаты под командой Кирпичникова стояли на улице до шести часов вечера. Потом пришли пьяные Машкин и прапорщики, приказали идти в подвалы. Там солдаты сидели еще пять часов, а офицеры пили в гостинице. Глубокой ночью роту отвели в казармы.

Кирпичников собрал у себя всех взводных учебной команды и фельдфебеля второй роты Лукина.

— Товарищи! — Кирпичников запнулся, оглядел унтер-теров.

— Вот что я вам хочу сказать, завтра с нами пойдет Лашкевич. Вы его знаете — будем стрелять. Я предлагаю — не стрелять.

Лукин вздрогнул:

— Нас повесят!

Все молчали. Пряча глаза, Лукин сказал, что зашиб руку, придется завтра идти в лазарет.

Донесение охранного отделения.

«Первый участок Казанской части. Выстрелами, произведенными из толпы, был ранен городской 3 отделения конно-полицейской стражи Илья Кулемин в живот (отправлен в Обуховскую больницу). Около двух часов дня к Казанскому мосту снова подошла толпа численностью до 5000 человек с красным флагом и пением революционной песни. Часть этой толпы подошла к дому 3 по Казанской улице, во дворе коего содержались до 25 человек арестованных участников уличного беспорядка под охраной городских, причем намеревались освободить этих задержанных. К толпе подъехал взвод каза-

ков 4-го Донского казачьего полка с офицером, который въехал во двор дома и освободил арестованных, причем казаки нанесли удары ножнами шашек окарауливавшим арестованных городовым Шупову и Крогуленцу. По показанию одного из городских, один из казаков, въехавших во двор, где находились арестованные, ударяя шашкой городских, ругал их бранными словами и говорил: «Служите вы за деньги».

Означенная толпа была окончательно разогнана казаками при помощи подоспевшего отряда конных жандармов под командой штаб-ротмистра Подобедова. За подстрекательство к уличным беспорядкам задержан рабочий Арсенала, состоящий на учете военно-обязанный Николай Козырев, 27 лет».

Телеграмма командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву. 25 февраля 1917 г. 17 час. 40 мин.:

«Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба, на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицеймейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы при-

став Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспорядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка».

Протокол допроса генерала Хабалова от 22 марта 1917 г.

«Хабалов: Затем, около девяти часов я получил телеграмму за подписью его императорского величества: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Эта телеграмма, как бы вам сказать, быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: «завтра же...» государь повелевает прекратить во что бы то ни стало. Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: «Хлеба дать», — дали хлеба и кончено. Но, когда на флагах надпись «Долой самодержавие» — какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? Царь велел: стрелять надо... Я убит был, положительно убит! Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату... Нужно сказать, что каждый вечер собирались все начальники участков военной охраны, докладывали, что происходило в течение дня, и затем выясняли, что делать на завтра. И тогда к 10 часам должны были собраться начальники участков, командиры запасных батальонов для выслушивания распоряжений на завтрашний день.

Председатель: Это было 25 февраля?

Хабалов: Совершенно верно, как раз через час после получения этой телеграммы они должны были собраться. Когда они собрались, я прочел им телеграмму, так что телеграмма эта мною была оглашена и ее видели другие чле-

ны совещания. Я тогда объявил: «Господа! Государь приказал завтра же прекратить беспорядки. Вот последнее средство, оно должно быть применено... Поэтому, если толпа малая, если она не агрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд, пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа агрессивная, с флагами, то действуйте по уставу, предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала — открывайте огонь». Как доказательство моего состояния нервного общу вот что. Это меня нисколько не оправдывает, потому что в моем положении нервы должны быть железные и терять голову никогда не нужно, следовательно, это не извинение, а только объяснение... Вечером ко мне обращается городской голова и говорит, что он, наконец, придумал какой-то проект распределения хлеба. Нужно сказать, что в этот день ко мне заезжал министр внутренних дел Протопопов...

Председатель: 25-го?

Хабалов: Да, может быть и 25-го, он несколько раз приезжал. Вероятно это было 25-го. Вероятно он приехал в дом градоначальника и тут что-то такое сказал: «Там город выдумал какой-то проект заведования продовольствием, но это неправильная организация, это революционный проект». Хотя толком он ничего не сказал — что там такое? Я же этого проекта раньше не видал... Так вот: звонит городской голова и говорит, что выработан проект. А я ему отвечаю: «Вы выдумали какой-то незаконный проект, который совершенно не согласен с городским положением, я не могу на это согласиться». Он мне говорит: «Что мне с ним делать?» «Делайте, что хотите!» — вот мой ответ, показывающий, мне кажется, что у человека голова была не в порядке... Затем, в этот же вечер меня пригласили на заседание Совета Министров. Там, вначале, помню, что председатель Совета Министров... что-то

такое говорил, дай бог памяти, надо вспомнить... Трудно сказать, так в этом заседании скользили мысли, бросались с одного предмета на другой! Сначала шел разговор о том, почему арестовали двух рабочих депутатов, которые незадолго перед тем выпустили воззвание с приглашением бастовать.

Председатель: Это было 25-го или 26-го?

Хабалов: Виноват, это было на 25-е. Заседание Совета Министров началось, я думаю, часов в 12 ночи.

Председатель: На понедельник или на воскресенье?

Хабалов: На воскресенье. То ночное заседание, о котором я вам доложил, происходило в тот самый вечер, когда я получил телеграмму... Совет Министров был 25-го. В этом заседании, я точно не знаю, был уже, кажется, объявлен перерыв занятиям в Государственной Думе? Кажется уже был объявлен перерыв... хотя не могу доложить, был ли объявлен или только собирались объявить.

Председатель: Расскажите вкратце, что же было на этом заседании Совета Министров?

Хабалов: На этом заседании было следующее, была довольно длинная речь министра земледелия о том, может ли этот современный кабинет поладить с Государственной Думой и работать с Государственной Думой. Он пришел к тому заключению, что работать невозможно, и, что этот состав министров не может работать с Государственной Думой. Это после всех речей и прений по продовольственному вопросу оказалось, что, в сущности, большинство Государственной Думы, так сказать, считало распоряжения министра земледелия целесообразными и готово было их одобрить, но оно не могло их одобрить, потому что оно стало бы в противоречие с самим собою! А поэтому какие бы даже целесообразные распоряжения ни производили, все равно Государственная Дума с ними работать не станет! А, следовательно — выход

один, уход всего министерства. Хотя последнего он категорически не сказал, но, по-моему, можно было догадаться, затем говорил довольно длинную речь министр иностранных дел Покровский, который высказал общее мнение, что с Государственной Думой поладить нужно, без Государственной Думы работать нельзя, и, что в сущности говоря, требования Государственной Думы таковы, что они должны быть приемлемы и, что те, кто Государственной Думе неуютны, должны уйти. Потом была речь Кригер-Войновского, которая тоже сводилась к тому, что Государственная Дума вовсе не так революционно настроена, что в речах... этого... как его?... Родичева и еще кого-то были очень веские соображения. Вторая была, кажется, речь Шингарева, точно не помню... По словам Кригер-Войновского, получилось впечатление от этих речей вполне умеренное... смысл речи Кригер-Войновского был таков, что, если Государственной Думе неуютен этот состав, если она не желает с ним работать, то об этом следует доложить государю и просить заменить нас другим составом, затем довольно длинно докладывал Протопопов. Но так как, в сущности, он докладывал о том, что происходило на улицах и докладывал, по моему мнению, необстоятельно, то я попросил позволения сказать, что происходило на улицах, и доложил то, что я вам доложил, т.е. последовательно те события, которые были в этот день, а именно: происшествие на Знаменской площади, где был убит пристав, затем происшествия на Невском. Я доложил затем о происшествии на Трубочном заводе. И вот уже не помню — доложил ли я эту телеграмму или нет? Но я доложил о том, какое распоряжение было мне дано. В конце концов высказались несколько министров — военный, юстиции и земледелия — что, если уже дело так обстоит на улицах, что в войска стреляют, кидают и т.д., то таким беспорядкам должна быть противопоставлена сила.

Председатель: Генерал, что же? Про эту телеграмму вы не помните, доложили ли вы ее? Вам ведь не было смысла не докладывать о ней?

Хабалов: Конечно, не было. Мне был полный смысл доложить. Но доложил ли я или нет — не могу сказать...

Председатель: Но надо полагать, что доложили.

Хабалов: Думаю, что доложил. Но хоть под присягу меня ведите, я не могу точно сказать — я не помню.

Председатель: Вы говорите: Протопопов довольно обстоятельно доложил о событиях дня. Какой был вывод в речи Протопопова — какое его предложение?

Хабалов: Опять-таки этого не могу вам доложить. Ну, словом, Протопопов стоял здесь за то, чтобы беспорядки были прекращены вооруженною силою... по-моему, такой смысл...

Председатель: Перед ним высказался Риттих и некоторые другие министры на тему о том, что Дума и даже умеренные ее круги — не Родичев и Некрасов, а другие — недовольны министерством и не желают с ним работать. Вы, конечно, знаете, что главным образом это касалось Протопопова. Не можете ли вы нам сказать, каково было отношение Протопопова к таким речам этих министров?

Хабалов: Я должен вам сказать, что Протопопов говорил несколько раз... я ожидал, признаюсь, что Протопопову следовало бы сказать: «Я ухожу» — по-моему, так, но такого слова я не слышал.

Председатель: Вы долго были на этом заседании?

Хабалов: Я думаю, часа два...

Председатель: До его конца?

Хабалов: Нет, я уехал до конца. Я видел, собственно, что я буду присутствовать в заседании Совета Министров, где будут говорить об отставке министерства. При чем же я тут? А между тем — было три часа ночи...»

Донесение охранного отделения:

«Четвертый участок Нарвской части. За день в районе участка толпа подростков отобрала ключи от нескольких моторных вагонов трамвая. По наблюдению полиции в этих случаях можно предполагать снисходительную податливость со стороны самих вагоновожатых».

Дневник Николая II:

«25 ф. суббота. Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2¹/₂ заехал в монастырь и приложился к иконе божьей матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всеобщей. Весь вечер занимался».

Калейдоскоп событий. 25 февраля 1917 г.

С утра 25-го все заводы Охты не работали. Военные, химические, выпускающие взрывчатку. Все.

Население Охты вышло на улицы. В водоворотах толпы возникали митинги. Полицейские патрули, шныряя повсюду, еще пытались по старой привычке разогнать гигантские толпы, но сами тонули в людской массе. Толпа выбрасывала их сильно помятыми, иногда без оружия, но с синяком под глазом. Казаки, нагло поглядывая по сторонам, вдруг приподнимались на стременах, бросали коней вскачь и, размахивая нагайками, пронеслись по улице. Трогать большие толпы рабочих они опасались, отыгрываясь на случайных прохожих и детях.

Шпики и переодетые городовые высматривали особо активных «бунтовщиков» — которые иногда их узнавали и жестоко били. К вечеру все выходы в город были перекрыты. На мосту Петра Великого, на набережной Невы стояли отряды пехоты. Охту изолировали от Петрограда. Никто не знал, что происходит в городе. О происходящих

там событиях охтенцы могли только догадываться, слыша выстрелы.

Неизвестность порождала беспокойство. Провокаторы пустили слух будто, если рабочие не прекратят забастовку, власти взорвут пороховые заводы.

Нескольким рабочим удалось днем пробраться через заставы. Они сообщили, что Питер заполнен демонстрантами, войска и полиция выведены на улицы с оружием. Наступившую ночь рабочий класс Охты встретил на улицах у костров.

На набережной Невы, возле больницы Елизаветинской общины стояли казаки. Своим видом добавляли рабочим ненависти к монархии. То и дело слышались громкие насмешки и свист в адрес «опоры трона». Дети, осмелев, подбегали поближе и бросали в казаков снетки. Все видели, что их эта храбрость злила не на шутку, им хотелось бы пройтись нагайками по детским головам, но черное, мрачное грозное, колеблющееся на улицах море рабочих не давало им возможности отвести душу.

У одного из костров пожилой рабочий рассказывал про «пятый год».

— А казаки не смели трогать народ... и сам Витте чуть не на коленях ползал перед Носарем, вот что было-то. Все виноваты эти псы чубатые, — показал рабочий на казаков.

— Кабы не ихние нагайки, так и до сей поры Совет бы правил... Сволочи они, вот что!

Все словно по команде повернули головы в сторону казаков. Осторожно и медленно они приближались к рабочим. Кто-то взял головню из костра и бросил ее в казаков.

— Кажу! — раздался визг.

— Я те, холуй, дам «кажу»! Бей их!

— Бей!

— На казаков!

— Бить!

— Долой!

Раздался рев, свист, все море людей зашевелилось и стремительно бросилось на казаков. Они остановились, мгновение колебались и, повернув коней, бросились наутек.

— Удрали сволочи!

— Трусы!

— Да куда же храбрость-то ихняя девалась?

— Видно, не так страшен черт...

Рабочая Охта праздновала свою первую победу.

Листовка Петербургского Комитета большевиков.

26 февраля 1917 г.

«Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Братья солдаты!

Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев.

Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение поработанному народу и конец братоубийственной бессмысленной бойне. Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!

Петербургский Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии».

Александра Федоровна — Николаю II. 26 февраля 1917 г.:

«...Один бедный жандармский офицер был убит толпой, и еще несколько человек. Вся беда от этой зевающей публики, хорошо одетых людей, раненых солдат и т.д.,

курсисток и проч., которые подстрекают других, Лили заговаривает с извозчиками, чтобы узнавать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и объявили, что если они выедут утром, то в них будут стрелять. Какие испорченные типы! Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, это не похоже на 905 год, потому что все обожают тебя и только хотят хлеба. Досадно, что дети не могут покататься даже в закрытом автомобиле. Я только что брала Марию к Знаменью поставить свечи, ходили на могилу нашего друга¹. Мягкая погода, очень солнечно. Я принесла тебе этот кусочек дерева с Его могилы, где я стояла на коленях. В городе дела вчера были плохи. Произведены аресты 120—130 человек. Главные вожакИ привлечены к ответственности за речи в Гос. Думе. Министры и некоторые правые члены Думы совещались вчера вечером о принятии строгих мер, и все они надеются, что завтра все будет спокойно. Те хотели строить баррикады т.д. В понедельник я читала гнусную прокламацию. Но мне кажется, все будет хорошо. Солнце светит так ярко, и я ощущаю такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас. Навеки, дорогой Ники, твоя старая Солнышко».

Генерал Хабалов — генералу Алексееву. 26 февраля 1917 г.

13 часов 05 минут.:

«Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшихся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями: «Долой войну!» На

¹ Речь идет о могиле Г. Распутина, убитого заговорщиками в декабре 1916 года. — *Примеч. ред.*

предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздались несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9-го запасного кавалерийского полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. Сегодня. 26 февраля с утра в городе спокойно».

Калейдоскоп событий. 26 февраля 1917 г.

Утром с Выборгской стороны на Невский снова пошли рабочие. Всех мучил один вопрос — неужели солдаты не присоединятся, не поймут, на чьей стороне правда, не решатся сбросить офицерское ярмо, снова будут стрелять в своих братьев?

На Невском шла беспорядочная стрельба, били пулеметы. Навстречу рабочим Выборгской стороны бежали люди с искаженными ужасом лицами. Полиция по всему Невскому расстреливала людей. Сновали кареты «скорой помощи». Казалось — все, революция гибнет, не успев начаться. Но нет, далеко не все разбежались по домам. Из-за углов боевые группы революционной молодежи расстреливали полицейских, демонстранты пробирались к Николаевскому вокзалу. Здесь, за цепью солдат, пока не стрелявших, бурлило людское море. Говорили ораторы, раздавалось пение революционных песен. В двух шагах расстреливают их товарищей, и здесь в любой момент может прозвучать команда офицера, но люди хотя бы на

час, хоть на несколько минут хотят почувствовать себя свободными!

На пожарной каланче Александро-Невской части разгуливали городовые с винтовками, постреливая по недозволенно собирающимся. Были убитые. Взрослые и дети.

Протокол допроса генерала Хабалова от 22 марта 1917 г.:

«Хабалов: В воскресенье 26-го числа войска выступили и заняли, по обыкновению, все посты, которые полагаются по расписанию. Оказалось, что им пришлось стрелять в толпу в разных местах. Волынцы стреляли в толпу на Знаменской и Суворовском. Затем Павловский полк стрелял на Невском около Казанского собора, затем около четырех часов дня... Но я не могу доложить вам, господа, где и сколько стреляли... Нужно сказать, обстановка здесь была отчаянная! Я находился сам в здании градоначальства, и народу туда набилась целая куча. В этот день я уже о раздаче хлеба никаких распоряжений не делал. Около четырех часов мне сообщили, что четвертая рота лейб-гвардии Павловского полка, расквартированная в зданиях придворно-конюшенного ведомства и, которая, как оказалось впоследствии, состояла преимущественно из эвакуированных, а численностью доходила до 1300 человек, — что она выбежала на улицу, стреляя вверх с какими-то криками и толпится на Конюшенной площади, около мостика, недалеко от храма Воскресения Христова. Запросив командира батальона по телефону, я получил сведения, но не от него, а от кого-то другого, что рота эта требует, чтобы увели в казарму остальных и чтобы не смели стрелять. Причем указано было, что сама рота стреляла во взвод конно-полицейской стражи. Это последнее мне показалось неверным. С какой стати станут стрелять по конно-полицейской страже? Потом выяснилось, что эта рота действительно взбунтовалась. Она, соб-

ственно, не выходила, ее не вызывали вовсе — вызывали учебную команду и другие роты. А эта рота не была вызвана и сидела в своей казарме... Так вот, эта рота бунтует, требует, чтобы вернулись другие, остальные роты в казармы и чтобы не смели стрелять... Тогда я приказал командиру батальона принять меры к увещеванию, водворить роту эту в казармы, потребовать, чтобы офицеры ее были непременно при роте, так как по моим сведениям по телефону, там было два офицера, а их должно быть не два, а много больше. Я передал начальнику охраны, полковнику Павленкову, чтобы он, со своей стороны, принял меры, чтобы это не разрослось, не разыгралось дальше. Кроме командира батальона и офицеров приказал еще полковому священнику, чтобы он уговорил их, устыдил и привел к присяга верности и чтобы рота шла в казармы, а винтовки свои сдала... В конце концов, после увещевания батальонного командира и после увещевания священника, эта рота вернулась в свои казармы и винтовки помаленечку сдала. Но не все винтовки: 21 винтовка исчезла! Следовательно, исчезли, по-видимому, и люди с ними...

Меня все время требовал военный министр, чтобы по телефону я ему сообщал, что делается в городе. Я по телефону и сообщал. Когда было сообщено вечером об этой роте, он потребовал сию же минуту полевой суд и расстрелять... Признаюсь, я считаю невозможным не то что расстрелять, но даже подвергнуть какому-либо наказанию человека, не спросив его, хотя бы упрощенным судом, не осудив его, а тем паче — предать его смертной казни. Поэтому я потребовал прокурора военно-окружного суда с тем, чтобы спросить, как быть с этой ротой, в которой первоначально было 800 человек. «Что же делать?» «Несомненно, должно быть дознание и только после дознания — полевой суд». «Ну, тогда, — я говорю, —

800 человек, это штука! Дело немыслимое: это в неделю не допросишь».

Я приказал начальнику моего штаба, генералу Хлебникову, а может быть, Чижевскому... назначить целую следственную комиссию — было назначено 5 человек с генералом во главе. А куда я приказал, чтобы сам полк выдал нам виновных, дабы их арестовать. Первоначально предполагалось арестовать весь батальон и посадить здесь, — в Петропавловской крепости, поэтому поздно вечером я вел переговоры: найдется ли такое помещение, чтобы можно было арестовать такую массу. Когда же оказалось, что в действительности их не 800, а 1500 человек, то это оказалось физически невозможным, ибо нет такого помещения ... Ну, тогда я приказал арестовать хотя бы самых главных зачинщиков, приказал их допросить. Их было 19 человек и их препроводили в крепость.

Председатель: Их полк сам выдал?

Хабалов: Их выдало само полковое начальство, несомненно — начальство. Простите, я говорю: полк, но полков здесь нет — здесь числятся запасные батальоны. Они по числу так велики, что превышают мирный состав полка в три-четыре раза. Так, в этой роте было 1500 человек, а во всем полку в мирное время 1770 человек. И, таким образом, одна эта рота по числу людей почти равнялась полку мирного времени.

Стало быть, те, кто находился в крепости, вовсе не были такие люди, которых завтра расстреляют, а это были люди, подлежащие суду. Затем, расстреляю ли я их или нет — это вопрос, ибо до сих пор я никого не расстрелял. Когда случалось, заменял каторжными работами на разные сроки... Вот уже это обстоятельство, это возмущение роты Павловского полка, оно уже показало, что дело обстоит неблагоприятно. На следующий день войска должны были, опять-таки по-прежнему, занять те самые пункты...

Председатель: Простите! Это вы переходите к понедельнику. Но что же, генерал, вы сообщили о результатах в Ставку?

Хабалов: Да, совершенно верно — я сообщил в Ставку. Сообщил я следующее: «Не могу выполнить повеление вашего величества», и, что «беспорядки продолжаются...». А я — не могу... В штабе округа, если телеграмма требуется — она должна быть».

Калейдоскоп событий. 26 февраля 1917 г.

Утром 26 февраля учебная команда Волынского полка выступила на Знаменскую площадь под командой штабс-капитана Лашкевича. Он приказал выслать в дозоры по пять человек от каждого взвода и разгонять толпу.

Дозоры делали это плохо. Лашкевич злился, подзывая солдат, крыл их так, что пенсне его в золотой оправе дрожало на узкой переносице, заменял другими. Наблюдать за дозорами поручил Кирпичникову. Он стал ходить по площади, просил демонстрантов разойтись, войти в солдатское положение.

Рабочие отвечали ему:

— Мы тебе не мешаем и уходить не просим, и ты нам, друг, не мешай.

Лашкевич подозвал Кирпичникова:

— Если дозоры не смогут разогнать толпу — сходитьесь к гостинице, а по сигналу рожка собираться бегом.

Через полчаса раздался сигнал рожка. Кирпичников не спеша пошел к гостинице, на ходу подсказывая чересчур прытким солдатам:

— Быстро не беги, ногу зашибешь.

Построив команду у гостиницы, Лашкевич выбрал десять человек и приказал Кирпичникову идти с ним. Тех, кто попадался по дороге, штабс-капитан сбивал кулаком

на мостовую и бил ногами. Догнав какую-то девушку, бросил ей:

— Пошла вон!

Девушка обернулась:

— Торопиться мне некуда, а вы будьте повежливей.

Лашкевич схватил ее за меховой воротник и стал мотать из стороны в сторону, выкрикивая ругательства. Солдаты наблюдали эту сцену с ненавистью и презрением: капитан оправдывал свою кличку, данную ему солдатами — «очковая змея».

Кирпичников отвернулся и отошел в сторону.

Повалив девушку на землю и пнув ее сапогом в живот, Лашкевич нашел глазами унтера, улыбнулся:

— Не хотите присутствовать? Какой добрый. А ну-ка, Березкин, дай ей прикладом.

Солдат подошел и с каменным лицом помог девушке подняться:

— Барышня, будьте добры, уходите скорее.

— Березкин, сволочь, ко мне! Живо! Говори, ты почему... такая, не исполняешь приказа?!

Солдат молчал.

— Если повторится, я тебя... застрелю, — уже спокойным тоном сказал Дашкевич.

Березкин и все остальные знали, что капитан не шутит. Кирпичников отстал от Лашкевича, подошел к дозору:

— Ребята, что будем делать?

— Цельная беда — так и так погибать будем, — наперебой шепотом заговорили солдаты.

— Помните, если заставят стрелять, стреляйте вверх. Не исполнять приказа нельзя — можем погибнуть. Бог даст, вернемся сегодня в казармы, там решим, что делать.

Лашкевич, вернувшись с дозором к учебной команде, приказал во славу веры, царя и отечества колоть, бить, стрелять немца внутреннего. Подпоручик Лях, началь-

ник пулеметной команды, бегал по панели у гостиницы и орал:

— Стрелять, непременно стрелять, господа!

Солдаты с угрюмой злобой смотрели на расходившегося сопляка. Прапорщик Вельяминов-Воронцов приказал сигнальщику играть три раза. Люди, привыкшие за эти дни к частым сигналам воинских рожков, не обратили внимания на «предупреждение».

Прапорщик скомандовал:

— Прямо по толпе, шеренгой. Шеренга...пли!

Громыхнул залп. С верхних этажей домов посыпалась известка и стекла. Толпа разбежалась — не было ни одного убитого или раненого.

Воронцов заорал:

— Целить в ноги, мать вашу! В бегущую толпу, пли!

Залп. Снова ни убитых, ни раненых. Вздрагивая от возбуждения, с разругавшимся лицом Воронцов почти ласково приговаривал:

— Зачем волнуетесь, стреляйте спокойно.

Кирпичников поддакнул:

— Верно, верно, вы, ребята, волнуетесь. Вы лучше стреляйте, — и подмигнул солдатам.

Толпа разбежалась не вся. Многие прижались к дверям парадных входов, к воротам, притаились за углами домов.

Николай II — Александре Федоровне. 26 февраля 1917 г.:

«Моя любимая! Поезда все опять перепутались. Письмо твое вчера пришло после 5 часов. Сегодня же последнее, 647, пришло как раз перед завтраком. Крепко целую за него. Я был вчера у образа прес. девы и усердно молился за тебя, моя любовь, за моих детей и за нашу страну, а также за Аню. Скажи ей, что я видел ее брошь, приколотую к иконе, и касался ее носом, когда прикладывал-

ся. Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову!

Целую всех нежно, навеки твой *Ники*».

Калейдоскоп событий. 26 февраля 1917 г.

Какой-то старичок вышел из-за дома и спокойно шел по улице, видимо не понимая, что происходит. Воронцов приказал ефрейтору Слескаухову:

— Стреляй в этого.

Ефрейтор пальнул три раза и третьим выстрелом сшиб фонарь. Воронцов выхватил у него винтовку и стал стрелять по жавшимся к дверям и воротам людям. Первым же выстрелом он ранил хорошо одетую девушку. Она села, схватившись за колено и заплакала.

Появившийся откуда-то пожилой генерал подошел к Воронцову и приказал оказать раненой помощь. Он помог ей сесть в автомобиль, посадил с ней двух солдат, и они уехали в городскую больницу. Воронцов усмехнулся вслед сердобольному генералу, закурил и с папиросой в зубах стал стрелять. Стрелял он метко. Трое были убиты, раненый мужчина ползал по грязной мостовой, оставляя за собой расплывающуюся полосу крови.

— Кирпичников, — позвал Воронцов. — Позвони-ка, братец, в «скорую помощь», пусть уберут.

Показался какой-то безоружный солдат — видно шел из увольнения, а может, раненый на фронте и бывший сейчас в отпуску на долечивании. Воронцов его застрелил. Приехала карета «скорой помощи», забрала убитых и раненых.

Воронцов опять стал стрелять, приговаривая:

— Какие умные, питаете доверие к врачам, знаете, что вас вылечат.

Он убил еще четырех человек и пошел в гостиницу выпить. За него остался прапорщик Ткачура. Появился батальонный командир полковник Висковский и приказал никого не пропускать на Знаменскую площадь.

Ткачура смотрел оловянными глазами на людей, шедших с Николаевского вокзала, и твердил:

— Никого не пропускать.

Кирпичников предложил ему пойти в гостиницу:

— Я здесь побуду за вас, покажу им, как бунтовать.

Когда прапорщик вошел в гостиницу. Кирпичников махнул рукой:

— Идите, кому куда нужно, только побыстрей.

Донесение охранного отделения:

«В 4¹/₂ часа дня Невский просп. на всем его протяжении был очищен от толпы, причем на Знаменской площади чинами полиции подобрано около 40 убитых и столько же раненых. Одновременно на углу Итальянской и Садовой улиц обнаружен труп убитого прапорщика лейб-гвардии Павловского полка с обнаженной шашкой в руке.

В 5 часов дня на углу 1-й Рождественской улицы и Суворовского проспекта произведенным войсками по собравшейся толпе залпом 10 человек было убито и несколько ранено.

Во время беспорядков наблюдалось как общее явление крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа в ответ на предложение разойтись бросала камнями и комьями сколотого с улиц снега. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу.

Слушательницы высших женских учебных заведений проникали в места, где были десятки раненых, оказывали им помощь и вели себя по отношению к чинам полиции, стремившимся их оттуда удалить, в высшей степени дерзко».

Калейдоскоп событий. 26 февраля 1917 г.

Через полчаса пришли Воронцов и Ткачура.

— Ну как, стрелял без меня? — спросил Воронцов.

— Прикладами, вашскородие.

— Молодец, Кирпичников!

По Старо-Невскому проспекту пришли волынцы из другой учебной команды, попросили командира взамен выбывшего по ранению.

Воронцов приказал Кирпичникову:

— Принимай команду, иди и стреляй.

Кирпичников отвел волынцев подальше и сказал:

— Мало нас секут розгами и бьют. Думайте больше! — бросил их и вернулся назад.

Воронцову доложил, что встретил офицера и передал ему команду, потом подошел к взводным Маркову и Козлову:

— Что делается? Стыд и грех!

Унтера помолчали, потом предложили:

— Когда вернемся в казарму, обдумаем.

В полночь прибежал вестовой от Лашкевича с приказом снять дозоры и построиться во дворах домов, но самим в казарму не идти.

Решение Государственной Думы:

«Совет старейшин, собравшись в экстренном заседании и ознакомившись с указом о роспуске, постановил: Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах».

Калейдоскоп событий. 26 февраля 1917 г.

На смену волынцам пришел гвардейский саперный батальон.

На улицах было тихо и пустынно, только казачьи разезды маячили двухголовыми тенями. Кирпичников обратился к подошедшему Лашкевичу:

— Позвольте идти!

Лашкевича словно кольнули шилом, он закричал:

— Ты еще не снял роту?! Ты... твою мать, весь день прятался от меня!

Подбежал к строю и начал последними словами крыть команду.

Придя в себя после освежительной вспышки, он сказал:

— Плохо, нет самостоятельности. Вы проходили только теорию стрельбы, теперь у вас есть некоторая практика. На войне то же самое. Главное — самостоятельность и настойчивость... Все-таки спасибо.

— Р-рады стараться!

Лашкевич приказал:

— На плечо, повзводно в казармы шагом марш.

Кирпичников остался с начальником. Пришли пьяные Воронцов и Ткачура и попросили штабс-капитана, чтобы он разрешил им самим отобрать патроны у солдат. Лашкевич отказал, напомнив, что патроны отбирают взводные, потом поблагодарил офицеров за службу.

Кирпичников и Лашкевич пошли в казармы. Зашли в канцелярию. Штабс-капитан снял шинель, устало опустился в кресло:

— Завтра команда пойдет в восемь часов. Будить в шесть. Я приду в семь. Людям скорей ложиться спать.

— Сегодня не обедали, ваше высокоблагородие, не ужинали, чаю не дали.

— Ничего-ничего, теперь не такое время, чтоб чай распивать.

Приказав всем ложиться спать, Кирпичников остался наедине с младшим унтер-офицером Марковым, посмотрел ему в глаза и спросил:

— Согласен завтра не идти?

— Согласен, — спокойно и твердо сказал Марков, как о чем-то давно им решенном.

— Собери всех взводных.

Кирпичников приказал дневальному в случае появления дежурного офицера немедленно доложить ему. Пришли взводные.

— Что будем делать? Отцы, матери, сестры, братья, невесты просят хлеба. Мы их будем бить? Вы видели кровь, которая лилась сегодня по улицам? Я предлагаю завтра не идти. Я лично — не хочу. Лучше умереть с честью, чем стрелять в своих!

— Мы от тебя не отстанем. Будем все заедино.

— Ну, если так... Не выдавать друг друга и живыми в руки им не даваться. Смерть только сейчас страшна, а убьют — ничего не будет.

Позвали отделенных. Те прибежали кто в чем.

— Мы, взводные командиры, решили завтра не идти стрелять. Вы, наши помощники, как решаете?

— Согласны. Только твою команду и будем исполнять.

— Решено. Завтра не идем. Исполнять мою команду и смотреть, что я буду делать. Дневальному наблюдать за пулеметами и пулеметчиками. Из учебной команды никого не выпускать. Встаем не в шесть по приказу, а в пять, собираемся повзводно, объясняем людям, что мы присягали бить только врага, а не наших родных.

Разошлись по местам. Кирпичников позвал инструктора команды младшего унтер-офицера Дреичева:

— Иди завтра к батальонному инструктору, бери у него патроны, будто бы по приказу штабс-капитана Лашкевича. Бери сколько сможешь.

Койки Маркова и Кирпичникова стояли рядом, и они обсуждали, что может завтра произойти.

— Если никто не присоединится, зайдем казарму, один пулемет поставим на лестнице, второй — против оружейной мастерской, тогда им нас без артиллерии не взять.

— Ежели к нам не присоединятся, нас повесят тут же.

— Лучше помереть за свободу... Пусть люди помнят учебную команду Волынского полка... Как видно, нет в России тех людей, которые восстали бы против буржуазии и царя. А вдруг, даст бог, присоединятся к нам части! Может, все надеются на начало, а зачинщиков нет?

Они лежали одетые. Марков взял свою винтовку, положил рядом с собой, поцеловал и усмехнулся:

— Вот моя милая, верная жена.

Председатель Государственной Думы Родзянко — генералу Алексееву. 26 февраля 1917 г. 21 час 53 минуты.

«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно, ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно.

Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону, в Петрограде останав-

ливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28. На Урале из 92 доменных печей остановились 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. России грозят унижения и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, воодушевившись вновь в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед вашим высокопревосходительством поддержать это мое глубокое убеждение перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение. Помогите вашим представительством спасти Россию от катастрофы. Молю вас о том от всей души».

Дневник Николая II:

«26 февраля. Воскресенье. В 10 часов пошел к обеду. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народу и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сенатора Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино».

Калейдоскоп событий. 26 февраля 1917 г.

Вечером Каюров по пути с опустевшего Невского проспекта зашел домой перекусить и направился на собрание районного комитета большевиков Выборгской стороны. Обсуждались текущие события и завтрашние действия большевиков. Кое-кто высказался за окончание забастовки, мотивируя это большими жертвами.

Из-за ареста Петербургского комитета партии на квартире Куклина, выданного, по-видимому, провокатором, которого сейчас не было ни времени, ни возможности искать, выборгским большевикам пришлось взять на себя функции ПК и ответственность за действия партии в масштабе всего города. Во время обсуждения Каюров обратил внимание на неизвестного ему солдата. Ему сказали, что это товарищ из броневого дивизиона.

Ввиду чрезвычайной важности обсуждавшихся вопросов Каюров выступил против присутствия непроверенных товарищей. Он подошел к солдату, повторил ему то же самое и спросил:

— Почему нам не помогаете?

Солдат смущенно ответил:

— Помогаем.

Каюров удивился:

— Чем?

Оказалось, что появившийся сегодня на Невском броневик был их, но из-за отсутствия патронов и запасных стволов к пулеметам они не смогли стрелять в полицию.

— Так зачем же вы выехали на улицу невооруженные, ведь вы своим появлением ободрили полицию, а в ряды рабочих внесли лишнее замешательство! — возмутился Каюров.

— Ну, а что будете делать завтра?

Солдат обещал выехать в боевом порядке, так как все уже подготовлено.

Усталость после бурно прошедшего дня и сильный мороз не дали возможности закончить собрание. Решили собраться на следующий день в 8 часов утра на квартире у Каюрова.

26-го утром на Охте было какое-то странное затишье. На Большом проспекте, где в эти дни было особенно много народу, людей почти не было, как в обычный воскресный день. Патрули из городских, усиленно рыскавшие вчера по Охте, исчезли, и только казачьи патрули иногда проносились по улицам. Мастерские и заводы были закрыты. На улицах перед ними царил та же безлюдная тишина. Постепенно к закрытым воротам предприятий стали подходить рабочие. Кто-то сказал, что многие с утра ушли на Выборгскую, где казаки стреляют в народ. Решили идти на подмогу. Вперед послали несколько человек посмотреть, нет ли возле участка городских.

В участке было тихо, и только две фараоновские рожи выглядывали в настежь открытые окна. Дорогой говорили мало. У всех были возбужденные и в то же время мрачные лица. Кто-то рассказывал, как вчера он дрался в городе с полицейскими, которые никого не хотели пропускать на центральные улицы.

Пройдя Большой проспект, рабочие вышли на Полюстровскую набережную. Издали было видно, что у дачи Дурново стоит большая толпа. Здесь шел митинг. Шум и говор, царившие кругом, заглушали ораторов. Но вот на бочке появился молодой рабочий. Его звонкий голос клином врезался в шум толпы, и после первых же его слов наступила тишина:

— Наши семьи голодают. Городовые и казаки стреляют в нас. Царь ведет братоубийственную войну. Народная кровь льется реками. Долой царя! Долой народных кровопийц! Долой войну! Солдаты — наши братья, они будут с нами!

Охваченная единым порывом толпа закричала:

— Ура!!!

Тысячная толпа двинулась в путь по узкой набережной. Взметнулся вверх красный флаг. По дороге к Арсеналу несколько охтенских рабочих решили узнать, что происходит в городе. Пути через Охтенский и Литейный мосты были перекрыты полицейскими патрулями. Пришлось переходить Неву по ненадежному весеннему льду. С трудом, по колено в воде добрались они до другого берега. По Пальменбахской и Суворовскому пошли на Невский. В переулке их остановили городовые и предупредили, что дальше идти опасно — на Невском стреляют. Сказав городовым, что идут домой, рабочие пошли дальше, посмеиваясь над заботливыми фараонами.

Слышались пулеметные очереди, винтовочные залпы. У выхода с Суворовского на Невский стояли люди. Кругом шли летучие митинги.

Через толпу охтенцы пробились к Знаменской площади. Здесь им открылось зрелище, которое они запомнили на всю жизнь.

Площадь вокруг памятника Александру III была заполнена народом. У Николаевского вокзала стояли казаки. По

обеим сторонам Лиговки расположились казаки и конные городовые, а на Невском кипело сплошное море голов с развевающимися над ними красными языками флагов и транспарантов. Здесь были и старики, и дети, рабочие, работницы, студенты — все те, кого называют народом.

Где-то совсем близко стреляют. В середине толпы говорит оратор, но несмолкающее, несущееся со всех сторон «ура!» покрывает все остальные звуки, и виден только беззвучно открывающийся рот человека.

Вдруг раздался крик. Прямо на толпу неслись с саблями наголо конные городовые. Поднялась паника. Кто старался убежать, кто хотел спрятаться за других. Ужас на мгновение затуманил разум многих. Молодой человек в студенческой фуражке вытащил из-под пальто какой-то предмет, похожий на жестяную коробку из-под леденцов, стукнул его о сапог и бросил в городовых.

Раздался оглушительный взрыв. Три лошади с седоками повалились на землю. Городовые отъехали немного назад и дали залп. На площади началось столпотворение... Бежали все, но каждый в свою сторону, толпа задыхалась, рвалась и вся, кроме своих краев, оставалась на месте.

На помощь городовым прискакали казаки и с остервенением стали избивать бегущих. Площадь усеяли тела убитых и раненых, зарубленных, сбитых лошадьми. С Невского на площадь с винтовками наперевес бежали солдаты.

Замершие днем улицы Охты к вечеру снова оживились. Возвратились ушедшие с утра на Выборгскую сторону и Пороховые заводы охтенцы. Все чувствовали, что пролитая сегодня кровь — не поражение, близится развязка. Пора было дать последний и решительный бой холопам самодержавия. Распространился слух, что в полицейские участки привезены пулеметы, которые установят на

чердаках домов. Это известие было искрой, брошенной в порох. Раздались голоса, призывающие идти на участок, и рабочие пошли на другой конец Большого проспекта Охты, чтобы раз и навсегда покончить с фараонами.

Из участка раздались выстрелы. К счастью, никто не пострадал. Колонна свернула на Георгиевскую улицу, чтобы оттуда приступить к осаде.

У входа в участок стоял ненавидимый всей Охтой за жестокость околоточный Гудков. Рядом с ним, потрясая револьвером, что-то кричал охтенский пристав. Окна участка были открыты, и видно было, как мимо них пробегают с винтовками городовые.

В городе шла непрерывная стрельба. Виднелись зарева пожаров. В толпе стал усиливаться шум и кто-то зычно крикнул:

— Товарищи, айда на участок!

Только это и было нужно. Под оглушительное «ура» рабочие напали со всех сторон на растерявшихся полицейских, не успевших сделать ни одного выстрела.

Городовых обезоруживали и выводили на улицу. Там их стали избивать чем попало. Они не сдавались, во все горло выкрикивали угрозы и старались привычно сунуть кулаком в лицо. Кое-кто из них струсил и бухнулся на колени.

— Братики... пощадите! Ради Христа! — вопил Галкевич, один из самых ретивых.

— Вы-то нас щадили?!

Слишком много у всех накопилось: голод, тоска по мертвым детям, память об ударах нагайками и тюремной баланде. Где уж было думать о пощаде душителей народа.

Разделавшись с городовыми и освободив заключенных, битком набитых в темный сырой подвал участка, выбро-

силы на улицу все бумаги и подожгли. Потом со всех четырех углов запалили участок и собрались на Большом проспекте.

Решили идти к солдатам, расквартированным на Пороховском шоссе, перетянуть их на свою сторону и достать у них оружие.

Несмотря на приподнятое и даже слегка разъяренное настроение, шли спокойно и организованно, магазины не трогали, хотя почти все уже по несколько дней не видели хлеба.

Неподалеку от казарм группа рабочих остановила колонну, объявив, что у железнодорожной насыпи стоит какой-то батальон, с которого и нужно бы начать. Выделили несколько человек. Через четверть часа они вернулись, рассказав, что встретили не солдат, а сущих баб. На предложение присоединиться они долго ломались и все спрашивали, что за зверь такой «эта революция» и «для чего она». Кончили тем, что, чуть не пустив слезу, стали уверять рабочих-депутатов, что они «старые солдаты» и хотят честно служить за «веру, царя и отечество».

— Ну и черт с ними! Идем к другим!

Из казармы выбежали трое солдат. Они рассказали, что почти половина состава посажена на гауптвахту. Рабочие бросились туда, своротили забор, выломали двери. Освобожденные стали радостно пожимать руки освободителям, благодарить. Раздались крики: «Одевайся! Выходи!»

В казармах все сошло неожиданно гладко. Солдаты без всяких расспросов оделись и стали выходить. Растерянные, перепуганные офицеры не сопротивлялись, покорно согласились выдать обмундирование освобожденным с гауптвахты и открыть оружейный склад. Никто и не заметил, как наступило утро 27 февраля.

Калейдоскоп событий. 27 февраля 1917 г.

Утром у Каюрова собрались человек сорок представителей заводов и фабрик. Петербургский комитет представлял Шутко, завод «Айваз» — Шурканов (как позже выяснилось, провокатор), обратившийся к собравшимся с горячей речью, призывая их во что бы то ни стало продолжать борьбу, не останавливаясь ни перед чем. Он выполнял волю потерявшей разум охранки — подбить рабочих на вооруженное восстание, которое гарнизон столицы утопит в крови.

Большинство высказалось за продолжение борьбы. В разгар собрания вбежал сияющий представитель завода «Лейснер» и начал рассказывать о событиях в городе, но тут вошли сразу несколько товарищей, только что освобожденные восставшими солдатами из «Крестов». Секунду, окаменев, все смотрели на них, ничего не понимая, потом бросились их обнимать и расспрашивать. Особенно горячо расцеловал освобожденных выдавший их в свое время охранке Шурканов...

Кирпичников поднял команду в пять утра. Патроны были доставлены в половине седьмого. Солдаты построились в боевом снаряжении в длинном коридоре на втором этаже казармы.

Кирпичников обратился к команде:

— Надеетесь ли вы на меня, будете ли исполнять мои приказы?

Солдаты нестройно, но одобрительно зашумели.

— Хватит кровь лить, кланяться этим трутням, тянущим из нас последние соки! — продолжал Кирпичников. — Умрем за свободу! Другие части, может быть, поддержат нас... Всем младшим офицерам будем отвечать на приветствие: «Здравия желаем, ваше высочорodie!» Виду не подавать. А Лашкевичу не отвечать, кричать «ура!».

Без десяти восемь пришел прапорщик Колоколов.

Кирпичников командовал:

— Смирно, равнение на середину!

Прапорщик поздоровался с Кирпичниковым, потом с остальными.

— А правда, геройски действовали молодцы волынцы вчерашний день? — спросил Кирпичников.

Колоколов нервно улыбнулся, глядя в серые непроницаемые глаза унтера, и почему-то неожиданно для себя выдал «да» с большим трудом.

— Сегодня действовать еще лучше будем. Посмотрите, как сегодня будут молодецки действовать.

И Кирпичников спокойно улыбнулся.

Колоколову опять показалось, что унтер-офицер издевается над ним, он всей своей кожей ощущал опасность, исходящую от него и солдат, молча стоящих в строю, несмотря на команду «вольно». Однако он произнес:

— Да, я надеюсь на учебную команду.

В десять минут девятого дневальный доложил, что идет штабс-капитан. Все повернулись к Кирпичникову. Он едва заметно кивнул головой.

От Колоколова не укрылся этот кивок, этот ясный ответ на какой-то вопрос команды. Какой вопрос? Что они задумали? Бунт? На что они надеются? В городе десятки тысяч войск, верных правительству. Бессмысленный солдатский, крестьянский бунт. Перебьют офицеров, потом повесят тех, кто уцелеет при разгроме казарм правительственными войсками.

Предчувствие ужасной опасности охватило прапорщика. За несколько секунд до появления Лашкевича он принял решение. Вошедший штабс-капитан поздоровался с Колоколовым, потом с Кирпичниковым.

— Здравствуй, Кирпичников... — Протянул унтеру руку.

Не все, нестройно, потому что штабс-капитан еще не здоровался с ними, солдаты закричали «ура!». Лашкевич

отдернул руку, не заметив, что Кирпичников так и не протянул ему своей, обернулся и, ехидно улыбаясь, спросил:

— Что такое?

Колоколов заметил все и все понял. С озабоченным лицом он вышел из коридора.

— Довольно крови! — крикнул ефрейтор Орлов.

Лашкевич вздрогнул, сунул руку в карман шинели и пошел перед строем, с ненавистью вглядываясь в лица «нижних чинов». Они внимательно следили за его движениями, и в руках их были винтовки.

Штабс-капитан не выдержал, почти ласково спросил Маркова:

— Объясни, что это значит — «ура»?

— Стрелять больше не будем и понапрасну лить братскую кровь тоже не желаем.

Лашкевич сделал шаг к Маркову, свистящим шепотом сказал: «Что?» — и потащил из кармана руку. Марков встретил взгляд штабс-капитана без колебаний, винтовка его слетела с плеча, и кончик трехгранного штыка сверкнул в нескольких вершках от груди Лашкевича. Тот побледнел, потом покраснел, отступил назад и опять пошел перед строем.

Остановился, достал из кармана листок:

— Солдаты, братцы, я прочитаю вам сейчас телеграмму царя. Он приказывает немедленно прекратить беспорядки, недопустимые...

Солдаты закричали «ура!», но Лашкевич, переждав крики, дочитал телеграмму до конца. Кирпичников заметил, что нет Колоколова, почему-то не появляются два «идиота» — прапорщики Ткачура и Воронцов, и решил действовать.

— Господин Лашкевич, приказываю вам немедленно покинуть казарму.

— Ты... ты?! — Лашкевич, словно ударенный обухом, качнулся, потом повернулся и пошел.

Через двор он уже бежал, оглядываясь, и в фигуре его, минуту назад разбитой и безвольной, была энергия ненависти. Он бежал в батальон за помощью.

Звякнули разбитые стекла, казарма наполнилась пороховым дымом. Лашкевич упал, перевернулся на бок, подогнул ноги к животу и замер.

Кирпичников вывел команду во двор:

— Довольно защищать разных толстопузых Сухомлиновых и Штюрмеров. Ура!

Кирпичников послал Маркова в соседнюю роту просить присоединиться.

Марков вернулся быстро.

— Ну что, выходят?

— Кто выходит, кто нет.

Тогда Кирпичников взял первое отделение и пошел в помещение подготовительной роты. Войдя в казарму, он приказал выходить и строиться с оружием, но его команду не исполнили.

Кирпичников, задыхаясь от злости, закричал:

— Что, будете стрелять в голодных матерей, детишек своих убивать? Взводные, выводи команду во двор!

Солдаты зашевелились. Взводные, посовещавшись, приказали одеваться и выходить.

Кирпичников скомандовал:

— На плечо! Идем умирать за свободу! Шагом марш!

По Виленскому переулку пошли к остальным ротам. Навстречу полуодетый солдатик:

— Братцы, против вас там пулеметы готовят!

Восставшие повернули назад и пошли к казармам Литовского и Преображенского полков. Вошли во двор и с криками «ура!» стали стрелять в воздух. Горнист заиграл тревогу.

Кирпичников, Марков и еще несколько унтер-офицеров вошли в казарму. Уговаривали солдат часа полтора.

Без толку. Тогда пошли, вскрыли склад боеприпасов, освободили арестованных из гауптвахты. С их помощью уговорили.

Три восставших полка вышли на Парадную улицу. Кирпичников послал вперед дозор с пулеметом во главе со старшим унтер-офицером Конюховым. Все вместе дошли до Кирочной улицы, повернули налево. Кирпичников отделился от основной колонны с частью сил и пошел в казармы гвардейских саперов. Те сразу отворили ворота, убили своего полковника и быстро с оркестром вышли на улицу. Был полдень.

Навстречу колонне двигалась рота Литовского полка с офицером, который приказал стрелять в восставших. Его закололи штыками солдаты его же роты.

По пути попался жандармский дивизион. Колонна остановилась. С полсотни жандармов присоединились к колонне, но потом быстро как-то исчезли.

***Военный министр генерал Беляев — генералу Алексееву.
27 февраля 1917 г. 13 часов 15 минут.***

«Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас еще не удалось подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие».

Калейдоскоп событий. 27 февраля 1917 г.

На Знаменской площади восставшие встретили остальные роты Волынского полка. Они шли с оркестром, игравшим «Марсельезу». Кирпичников радостно сказал:

— Ну, ребята, теперь пошла работа!

Вышли на Литейный. Сняли рабочих в артиллерийском управлении.

На другой стороне реки была выстроена полурота Московского полка. Подходившие к мосту восставшие стреляли вверх. Московцы, подумав, что стреляют в них, открыли ответную стрельбу без команды офицера, одиночными выстрелами.

Кирпичников и его колонна в это время дошли уже почти до половины моста. Упали несколько убитых и раненых. Все залегли. Кирпичников закричал:

— Что вы делаете?! Если мы пойдем назад — все погибнем!

Никто не двинулся с места.

Кирпичников подошел к лежащему Маркову и, думая, что он убит, печально сказал: «Верный товарищ».

Марков встал, смущенно пряча глаза. Затем он, ефрейторы Орлов и Вахов стали поднимать солдат. Кирпичников один подошел к московцам. Еще издали он заметил, как солдаты показывали винтовками вверх. Он понял, повернулся и побежал к своим:

— Московцы будут стрелять в воздух! Вперед!

Офицеры сбежали, московцы присоединились к колонне, и Кирпичников повел их на «Кресты», но, когда они пришли к тюрьме, заключенные уже были освобождены. После этого большинство солдат пошли в свои казармы, а человек двести из разных полков — к казармам Московского полка.

Полк стоял на большой площади перед казармами. Его офицеры открыли огонь. Ответив выстрелами, восставшие отошли за дома. Полк был уведен в казармы.

Рабочие, пришедшие с колонной, запели «Марсельезу». Солдаты стояли молча, некоторые уходили прочь.

Кирпичников, взяв с собой взвод, пошел через площадь. Из окон казарм стреляли.

Подъехал молоденький прапорщик на гнедой кобыле, закричал:

— Кому свобода дорога — вперед!

С ним пошли Кирпичников и его взвод, попали под пулеметный огонь. Прапорщик крикнул Кирпичникову:

— Идем к саперам.

Кирпичников побежал рядом с ним.

Саперы на уговоры не поддались. Хотя оттуда, где они стояли, было всего шагов пятьдесят до казарм, убитые, лежавшие на брусчатке, красноречивее слов свидетельствовавали о силе пулеметного огня.

Прапорщик на своей кобылке выскочил под пулемет и, не обращая внимания на пули, уговаривая солдат, несколько раз проехал перед ними. Солдаты не двигались с места. Когда прапорщик понял, что все бесполезно и повернул лошадь в укрытие, пуля попала ему в затылок.

Кирпичников вернулся к тому месту, где оставил своих людей. Там никбго не было. Он растерянно огляделся, думая, что пришел не туда, куда надо, потом вспомнил ориентиры, убедился, что здесь.

Площадь и снег. Тела убитых. Забор. Кирпичников собрал по переулкам около двадцати солдат разных частей и пошел с ними на зарево окружного суда.

По Литейному проспекту шли неизвестные Кирпичникову войска, вооруженные рабочие. Дрожащим от радости голосом Кирпичниковскомандовал своему отряду «на караул» для встречи войск и присоединился к ним. Так дошли до Пантелеймоновской.

Здесь стояли семеновцы. Кирпичников приблизился к ним, не обращая внимания на угрозы офицеров. Второй раз за сегодняшний день он шел вот так, с открытой грудью, навстречу штыкам и смерти. И второй раз смерть обошла его стороной. Штыки его не коснулись, поразив сопротивлявшихся офицеров.

Протокол допроса генерала Хабалова от 22 марта 1917 г.:

«Хабалов: С утра с понедельника происходит следующее. Позвольте вернуться немножко назад: нужно сказать, что это несчастное распоряжение о том, чтобы употреблять в дело и винтовку, было вызвано, между прочим, и тем, что кавалерия была вымотана. Она разгонит одну толпу — соберется другая! Словом, мотались непоеные лошади и некормленные люди, и они вымотались, выдохлись... Так вот, начинаю с утра. Утром я на своей квартире, дай бог памяти...

Председатель: Вы не устали, генерал? Может быть, сделать перерыв? Или воды дать?

Хабалов: Нет, благодарю. Воды не надо, я не нервничаю. Но при всем желании быть правдивым и последовательно рассказать то, что было, это трудно сделать, потому что эти события — ведь это котел!..

Председатель: Пожалуйста, будем разбираться.

Хабалов: Словом, по какому-то случаю утром... Да, вот что такое? Ночью, ночью! Сообщили про второй флотский экипаж, Балтийский, что будто ночью он поднимет восстание и что там, не знаю, какие-то агитаторы... Словом, мне это передавали ночью, но ночью не могли меня дозвониться по телефону, и это передали моему начальнику штаба. Утром рано мне это же передал градоначальник — утром рано, часов в 7 или 6, пожалуй. Имейте в виду, что я в 3 часа ночи пришел, значит, ночью не спал. Ночью мне звонили о том, что второй флотский экипаж волнуется, будто восстанет, станет во главе мятежников, бастующих, теперь я узнал, что ночью уже были приняты меры, был произведен обыск, оказалось, ничего подобного нет — все эти сведения фальшивые. Вообще фальшивых сведений была масса, и в первые дни и во время беспорядков целая

куча фальшивых сведений была! Утром же, часов в 7 или 6, мне звонят по телефону из Волынского полка — командир батальона — о том, что учебная команда этого полка отказалась выходить. Сначала было сообщение, будто бы они убили своего начальника учебной команды, а по другим сведениям — он сам застрелился перед фронтом, когда они отказались ему повиноваться. Ну, тогда я передал командиру батальона одно: «Постарайтесь — постарайтесь, чтобы это не пошло, не разрослось дальше. Верните в казармы и постарайтесь обезоружить — пусть они сидят дома». Сам же немедленно отправился в дом градоначальника. Нужно сказать, что полковник Павленков страдает грудной жабой (вообще все офицеры, здесь находящиеся, — больные, а все здоровые — в армии; сюда же эвакуированы все больные). И с утра в этот день полковник Павленков был не в состоянии явиться на службу, поэтому я вызвал в градоначальство заместителя его полковника Михайличенко лейб-гвардии Московского полка и приехал сам. Когда приехал туда, то там, по полученным сведениям, оказалось, что к волынцам, которые стоят на улице и винтовок сдавать не желают, присоединяется и рота Преображенского полка, состоящая из эвакуированных, затем то же самое — часть литовцев. А вслед за этим дальнейшие сведения о том, что эта вооруженная толпа с присоединившейся толпой фабричных и других двигается по Кирочной, что она разгромила казармы жандармского дивизиона и что вслед за тем она громит и помещение школы прапорщиков инженерных войск. Тогда приходилось подумать об усмирении этой толпы. Мною был сформирован отряд в составе двух рот кексгольмцев, двух рот преображенцев, роты стрелков его величества, если не ошибаюсь, — словом, тех, кого можно снять из ближайших окрестностей, с Невского. К ним была присоединена вызванная полковником Михайличенко пулеметная рота

из Стрельны, присоединен эскадрон драгун 9 запасного полка. И вот этот отряд в составе шести рот, пятнадцати пулеметов и полутора эскадронов под начальством полковника Кутепова, георгиевского кавалера, был отправлен против бунтующих с требованием, чтобы они положили оружие, а если не положат, то, конечно, самым решительным образом действовать против них... Тут начинается в этот день нечто невозможное... А именно: отряд двинут, двинут с храбрым офицером, решительным, но он как-то ушел и результатов нет. Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен был бы столкнуться с этой наэлектризованной толпой — организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду, а тут — ни да, ни нет! Посылаю — известий нет. Посылаю три разъезда казаков, из тех казаков, которые были у меня. Нужно сказать, что, отправивши этот отряд, я остался без войск и надо было собирать другой отряд, чтобы в случае восстания дальнейшего иметь что противопоставить. Отправляю и этот отряд из трех разъездов — получаю только сведение, что отряд Кутепова дошел только до Кирочной, что двинулся по Кирочной и Спасской, но что дальше продвигаться не может — надо посылать подкрепление. Получаю вслед за тем известие с тем, что окружной суд разгромлен и подожжен. Литвинов, бренд-майор, доносит по телефону, что приехал с пожарной командой тушить окружной суд, но толпа не дает и что он это сделать не в состоянии. Тогда были взяты не помню какие две роты, посланы были туда, к окружному суду, чтобы разогнать эту толпу и допустить пожарных для тушения пожара... Но опять эти посланные роты вышли, пропали, и вести нет! Вслед за тем донесение от Московского полка. Московский полк был расположен так: часть его была расположена на Сампсониевском проспекте у ка-

зарм — эта часть должна была не допускать толпу собираться на Сампсониевском проспекте около заводов, а другая часть — четвертая рота с пулеметами — должна была занять Литейный мост и Нижегородскую улицу и здесь не пропускать толпу рабочих в Литейную часть — отсюда, а равно из Литейной — сюда. Словом, чтобы держать в своих руках по возможности подход к складу огнестрельных припасов. Около полудня было получено донесение, что четвертая рота подавлена толпой, что офицеры, которые пытаются сопротивляться, — кто убит, кто ранен, что вслед за тем колоссальнейшие толпы запружают Сампсониевский проспект, что остальные роты стоят на дворе казарм, будучи бессильными, очевидно, предпринять что-нибудь... Положение становилось критическим! Дать что-нибудь в подкрепление становилось трудным — к кому я ни обращался, везде говорят, что у них свободных рот нет, что дать не могут. Только к вечеру выяснилось, что могли дать семеновцы, измайловцы и егеря, но из них прибыло в конце концов только три роты измайловцев и три роты егерей. Засим — Финляндский полк дать мне не может... наряду с этим... Хотя, виноват, я не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение...

Председатель: Пожалуйста, пожалуйста! Это очень важно.

Хабалов: Повторяю, наряду вот с этим идет ряд требований — дать роту туда-то для охраны, дать сюда для охраны... Председателю Совета Министров дать караул для охраны его... Но, признаться, я считал, что это значит бросить 20 человек? Что такое 20 человек? Охраны ничего не дадут равно, а вот разве только лишнее кровопролитие будет. Где караула нет — оно лучше! Но ввиду настоятельных просьб послана была рота, которая должна была занять Моховую с двух концов: с стороны Симеоновской и со стороны Пантелеймоновской. Затем,

когда выяснилось, таким образом, что Выборгская сторона захвачена восставшей толпой, затем и Литейная часть, а что остальные части города сравнительно, относительно благополучны, то мною предложено было собрать, оттянуть возможный резерв под начальством полковника Преображенского полка кн. Аргутинского-Долгорукова у себя на Дворцовой площади и затем направить таким образом: часть направить на поддержку Кутепова, который, очевидно, не мог справиться, а другую часть направить на Петроградскую сторону вместе с лейб-гренадерами и ротой Московского полка и постараться отбросить этих мятежников по возможности к северу, к морю... ибо положение было тем хуже, что сзади находятся заводы пороховые — взрывчатых веществ.

Сохрани Бог! Взрыв одного из этих заводов — и от Петрограда не осталось бы ничего. Положение создано трудное. И проект формирования резервов оказался очень трудным, потому что прибывшая третья рота Преображенского полка оказалась без патронов, достать же патронов было невозможно, потому что бастующая толпа занимала Выборгскую сторону... Достать негде!..

Председатель: Я хочу спросить вас по нескольким пунктам вашего показания. Вы выразились по поводу начавшихся волнений, что вам казалось или вы полагали, что они имеют провокационный характер. Как вы понимаете это выражение?

Хабалов: Я так понимаю: ранее из того, что мне доносило охранное отделение и что послужило поводом к аресту рабочей группы, я уже видел, что цель в конце концов устроить восстание, свергнуть существующее правительство и заменить его временным правительством. Стало быть, раз такая цель поставлена — первоначально восстание приурочивалось к 14 февраля, но затем 14 февраля почему-то не вышло.

То, что не вышло 14-го, почему не выйдет 28-го? Так что мне казалось, что не столько действительный недостаток хлеба, сколько это поджигание...

Председатель: То есть вы «провокационный характер» понимаете в смысле «революционный»?

Хабалов: Революционный, но в смысле, что, может быть, известные группы, может анархические или другие, устроят — те, словом, которые бунтуют, мутят...»

Генерал Хабалов — Николаю II. 27 февраля 1917 г.

12 часов 10 минут.

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 26 февраля рота эвакуированных запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка объявила командиру роты, что она не будет стрелять в народ. Рота обезоружена и арестована. Дознание производится. Командир батальона полковник Экстен ранен неизвестным из толпы. Сегодня, 27 февраля, учебная команда запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка отказалась выходить против бунтующих, вследствие чего начальник ее застрелился, затем вместе с ротой эвакуированных того же батальона направилась частью к расположению лейб-гвардии Литовского и частью лейб-гвардии Преображенского батальонов, где к ним присоединилась рота эвакуированных последнего батальона. Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта».

Полковник Павленков — Николаю II. 27 февраля 1917 г.

13 часов 40 минут.

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 27 сего февраля из толпы тяжело ранен ко-

мандир запасного батальона л.-гв. Павловского полка полковник Экстен и ранен того же полка прапорщик Ридигер. Временно исправл. должность начальника гвардейских запасных частей полковник Павленков».

Листовка РСДРП (большевиков):

«Настал час освобождения поработенного народа, настал час мести и расправы с царским правительством!

Переполнилась чаша терпения!

Армия с вами, товарищи, и в этом залог победы второй русской революции.

Вернуться назад нельзя, вернуться назад — это значит предать восставших солдат и обречь их к расстрелу.

Для победы нам нужна организованность. Нам нужен руководящий центр движения. Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное Революционное Правительство».

Калейдоскоп событий. 27 февраля 1917 г.

После окончания собрания Каюров пошел к Московским казармам, которые со всех сторон обстреливались рабочими. Солдаты не сопротивлялись, а, кто с винтовками, кто без них, перепрыгивали через забор и смешивались с рабочими. Стреляли офицеры из пулеметов, установленных в амбразурах окон.

Заметив растерянность солдат, Каюров подошел к ним и резким тоном спросил, почему они не помогают революции. Солдаты молча переминались с ноги на ногу и пожимали плечами. Им явно не хватало командира.

— Стройся, — скомандовал Каюров.

Солдаты почти с радостью по привычке быстро встали в шеренгу. Теперь уже растерялся Каюров — он не знал, как полагалось командовать дальше.

Солдаты сразу это почувствовали и начали пересмеиваться.

Из неловкого положения рабочего-большевика вывел безусый прапорщик. Увидев его, Каюров закричал:

— Прапорщик, именем революции приказываю вам принять командование!

Сердце Каюрова бешено подпрыгивало в груди: солдаты за нас! Нужно было действовать, не дать событиям выйти из-под контроля, выдвинуть требования, близкие и понятные рабочим.

Найдя среди восставших нескольких членов райкома Выборгской стороны и просто рабочих-большевиков, Каюров привел их к себе на квартиру, где после короткого обмена мнениями предложил выпустить от имени ЦК партии большевиков манифест:

— Надо сделать это раньше, чем очухаются другие партии и группы, иначе может случиться, что руководство революцией возьмут в свои руки соглашатели, а то и прямые контрреволюционеры, вы можете, товарищи, догадаться, как они будут «руководить» революцией!

Манифест поручили написать Каюрову и Хахареву, который начал под диктовку Каюрова, потом продолжил сам.

Написанное воззвание Каюров отнес на квартиру Павлова, зная, что там находятся члены Русского бюро ЦК.

Там он застал Молотова и Залуцкого, предложил им отредактировать текст и немедленно отдать печатать. Молотов, третий день не выходивший на улицу, неуверенно спросил:

— Не преждевременно ли, товарищ Каюров?

Вместо ответа Каюров рассказал о том, что происходит в городе. Он видел, что членам бюро плохо верится в его слова, но они все же согласились с ним — просмотрели текст, приложили печать Бюро ЦК и обещали передать манифест для печатания.

Во второй половине дня манифест был расклеен на улицах Петрограда, принявшего вид осажденного города.

Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Ко всем гражданам России.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благодеяние царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших.

Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии создать Временное Революционное Правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискации монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-ми часового дня и созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствия населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все полные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением.

Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства подавить всякие противонародные контрреволюционные замыслы.

Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам. Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии.

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! В открытую борьбу с царской властью и ее приспешниками!

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам, создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими дружными усилиями восставших мы крепили нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия!

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под красное знамя революции!

Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует революционный рабочий класс!
Да здравствует революционный народ и восставшая
армия!

Центральный Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии».

Калейдоскоп событий. 27 февраля 1917 г.

По всему Петрограду были слышны выстрелы. Высоко в небо поднимались столбы дыма от горевших полицейских участков.

Каюров вышел на Сампсониевский проспект к баракам, занятым самокатчиками, подошел к часовым, спросил:

— Что вы стоите, товарищи?

Солдаты усмехнулись, с пренебрежением глядя на рабочего, офицеры, стоявшие рядом, густо пересыпая свои слова бранью и размахивая пистолетами, заорали, чтобы он убирался прочь.

Подойдя к стоявшей за углом дома толпе вооруженных рабочих и солдат, Каюров предложил напасть на казармы и вывести самокатчиков. Кто-то спокойно ответил ему, что уже послано за броневиком, без которого трудно будет взять предателей — они окопались и выставили пулеметы. Подходили рабочие и солдаты. Не все они, возбужденные победами, хотели ждать. Началась перестрелка. Подожгли забор, окружавший казармы.

Самокатчикам не хватало сил удерживать все два десятка барakov, и они засели в трех. Остальные запылали.

Примчался броневик. Остановившись метрах в двадцати от барakov, он дал по ним несколько орудийных выстрелов, одновременно поливая их из пулеметов.

Несколько минут продолжалась ожесточенная перестрелка, но исход боя был предрешен. Оставшиеся в живых офицеры, сорвав с себя погоны и кокарды, бежали через прилегавшие огороды. Солдаты сдались.

Теперь Выборгская сторона была полностью в руках революции — не осталось ни одной воинской части, не примкнувшей к ней. Только городовые, засевшие с пулеметами на чердаках, с отчаянием обреченных или просто не в силах понять, что все кончено, надеясь на подход царских войск, которые, конечно, «восстановят порядок», стреляли из пулеметов по восставшему народу. Когда дом, из которого стреляли, брали приступом, среди городских с немалым удивлением часто обнаруживали долгогривого «батюшку» со следами пороховой гари на лице и руках.

Вечером на совещании большевиков района было обсуждено продовольственное положение примкнувших к революции солдат. Решено было помочь им, и уже через два часа в реквизированных трактирах и ресторанах начали работать несколько солдатских столовых...

Поезд подошел к Финляндскому вокзалу ранним утром 27 февраля. Получивший трехдневный отпуск матрос Дыбенко вышел на привокзальную площадь.

Кругом разъезжали усиленные патрули конных жандармов. Растерянно озираясь, Дыбенко спросил у одного из них:

— В город пройти можно?

— Куда тебе?

— К Невскому.

— Нельзя.

Дыбенко поехал к своим знакомым на Выборгскую сторону. Вошел в квартиру.

— Как?! Пропустили из Финляндии? Матросы идут на поддержку?

Совершенно растерявшийся Дыбенко удивленно крутил головой:

— Ничего не понимаю. Лучше расскажите, в чем дело.

Лица присутствующих омрачились.

— Как? Неужели ничего не знаешь? Ведь в городе восстание началось. Вчера на Невском жандармы пытались разогнать демонстрацию голодных рабочих и женщин, но ничего не могли сделать. Были посланы казаки. Проехались по улицам, но бездействовали. Перед рабочими выступил один студент, офицер пытался его зарубить, но казаки и рабочие не дали. По городу запрещено ходить без разрешения. Сегодня ожидается выступление рабочих и солдат. Говорят, что идут войска с фронта на подавление революции. В Кронштадте уже началось восстание.

— Хорошо. Дайте умыться. Через час я кое-что узнаю более подробно от своих друзей, если сумею к ним пробраться, а пока хорошо бы чего-нибудь перекусить.

Но не успели сесть за стол, как с улицы послышались винтовочные выстрелы. Выглянув в окно, увидели: примчались два грузовика с вооруженными рабочими, студентами и женщинами. Стрельбой полицейских автомобилей были остановлены. Упала раненая женщина, и в треске выстрелов было не слышно, как ударилась ее винтовка о булыжник. Люди быстро выскочили из машины, спрятались за колеса и начали отстреливаться. Какой-то студент возился у пулемета, но не мог с ним ничего сделать. Выскочивший из дома Дыбенко подбежал к нему, оттолкнул и через несколько секунд открыл огонь по полиции.

Из окон домов, из-за заборов в полицейских полетели камни, поленья и цветочные горшки. Студент, радостно возбужденный окончившейся схваткой и немного смущенный, обратился к матросу:

— Вот хорошо. Вы, конечно, с нами пойдете, не правда ли?

— Да, я с вами, но скажите мне наконец, что творится в городе?

— В городе восстание. Есть сведения, что к нему присоединился Волынский полк.

Грузовики понеслись к казармам Московского полка, но, когда они туда приехали, там уже стояли другие автомобили под красными флагами.

Последние донесения охранного отделения.

27 февраля 1917 г.

«1. 27 февраля в 9 час. утра полицейский надзиратель Любицкий доложил, что в Волынском полку в д. 13/15 по Виленскому пер. взбунтовалась учебная команда, причем убит из ружья заведывающий командой штабс-капитан Лашкевич, затем взбунтовался Литовский полк, находящийся в казармах по Кирочной ул., где начал грабить цейхгауз и вывозить на моторах патроны и ружья, и к ним присоединилась часть Преображенского полка, находящегося в этих казармах.

2. 27 февраля 1917 г. полицейский надзиратель Любицкий доложил, что в 12 час. дня в Преображенском полку (Кирочная ул., д. 37) солдаты убили командира полка Богдановича за невыдачу патронов и оружия; группы этих солдат разошлись по направлению к Невскому пр. и Государственной Думе и на Выборгскую сторону, где находятся цейхгаузы этого полка, и разослали по всем частям войск на лошадях и автомобилях солдат, чтобы взбунтовались и другие части. Начинается стрельба. Публики по Госпитальной, Парадной и другим улицам очень мало».

Родзянко — Николаю II. 27 февраля 1917 г.

12 часов 40 минут.:

«Занятия Государственной Думы указом Вашего величества прерваны до апреля — последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядки. На войска гарнизона надежды нет.

Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры Высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно».

Сообщения Петроградского комитета журналистов:

«В 1 час дня председатель Совета Министров доложил по телефону Председателю Государственной Думы Родзянко о подаче им в отставку.

По слухам, подали в отставку и остальные члены кабинета, за исключением Протопопова.

Около 2 часов дня сильные отряды революционной армии, сопровождаемые вооруженным народом, подошли к зданию Государственной Думы.

Навстречу революционной армии вышли члены Государственной Думы Н.С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский, А. И. Скобелев и мн. другие. Появление депутатов, а особенно наиболее популярных в народных массах, было встречено громким «ура». С речами к войскам выступали Чхеидзе, Керенский, Скобелев. Лица, руководившие солдатами, сняв караул у Таврического дворца, приняли охрану Государственной Думы на себя, заняли почту и телеграф в здании и поставили часовых у телефонных аппаратов.

В половине третьего часа дня в Полуциркульном зале под председательством М. В. Родзянко состоялось совещание членов Государственной Думы. На обсуждение был поставлен вопрос об организации Временного Комитета для поддержания порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами. Ввиду многолюдности собрания выбор Временного Комитета поручено произвести совету старейшин.

По окончании совещания в кабинете М. В. Родзянко состоялось заседание совета старейшин, на котором состоялись выборы членов Временного Комитета Государственной Думы.

Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами: 1. М. В. Родзянко, 2. Н. В. Некрасов, 3. А. И. Коновалов, 4. И. И. Дмитрюков, 5. А. Ф. Керенский, 6. Н. С. Чхеидзе, 7. В. В. Шульгин, 8. С. И. Шидловский, 9. П. Н. Милюков, 10. М. А. Караулов, 11. В. Н. Львов, 12. В. А. Ржевский.

Около 5 1/2 часов вечера в помещение Государственной Думы под сильным конвоем революционного народа был доставлен председатель Государственного Совета, бывший министр юстиции И. г. Шегловитов. После краткого совещания по распоряжению членов Временного Комитета Шегловитов временно помещен под сильной охраной в министерском павильоне Таврического дворца».

Николай II — Александре Федоровне. 27 февраля 1917 г.

19 часов 06 минут.

«Ее величеству. Сердечно благодарю за письмо. Выезжаю завтра 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в Петроград. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены. Всегда с тобой. Сердечный привет всем.

Ники».

Генерал Беляев — генералу Алексееву.
27 февраля 1917 г. 19 часов 22 минуты.

«Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удастся, напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города».

Генерал Беляев — генералу Алексееву.
27 февраля 1917 г. 19 часов 29 минут.

«Совет Министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. Ввиду проявленной генералом Хабаловым растерянности назначил в помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует».

Генерал Хабалов — генералу Алексееву.
27 февраля 1917 г. 20 часов 10 минут.

«Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большею частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством генерал-майора Занкевича, с коими буду продолжать борьбу».

Николай II — Александре Федоровне. 27 февраля 1917 г.

«Мое сокровище! Нежно благодарю за твое милое письмо. Это будет моим последним. Как счастлив я при мысли, что увидимся через 2 дня! У меня много дела, и потому письмо мое кратко. После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов. Это, конечно, совершенно справедливо. Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал. Удивляюсь, что делает Павел? Он должен был бы держать их в руках. Благослови тебя бог, мое дорогое Солнышко, крепко целую тебя, детей. Навеки твой Ники».

Дневник Николая II:

«27 февраля. Понедельник. В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад, к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи переехался в поезд».

Генерал Алексеев — генералу Беляеву.

27 февраля 1917 г. 22 часа 25 минут.

«По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назначается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями. Двадцать восьмого февраля вместе с генерал-адъютантом Ивановым в Петроград высылаются из ставки три

роты георгиевского батальона. От северного фронта высылается бригада 15-й кавалерийской дивизии и бригада пехоты. От западного фронта высылаются одна бригада Уральской казачьей или одна бригада второй кавалерийской дивизии, одна бригада пехоты. Прошу срочно сформировать для генерал-адъютанта Иванова штаб из чинов Главного управления Генерального штаба, Главного штаба и штаба округа. От Западного и Северного фронтов, кроме того, будет назначено по одной кольтовской пулеметной команде. Срочно телеграфируйте, вызвана ли вами из Павловска гвардейская запасная батарея».

*Разговор по прямому проводу генерала Алексеева
с великим князем Михаилом Александровичем.
27 февраля 1917 г. 22 часа 30 минут.*

«У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу вас доложить от моего имени государю императору нижеследующее: для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета Министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облаченном доверием вашего императорского величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета Министров, ответственного единственно перед вашим императорским величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. Ввиду чрезвычайно серьезного положения не угодно ли будет вашему императорскому величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего императорского величества имени, причем с своей стороны полагаю, что таким лицом в на-

стоящий момент мог бы быть князь Львов. Генерал-адъютант Михаил.

— Сейчас доложу его императорскому величеству телеграмму вашего императорского высочества. Завтра государь император выезжает в Царское Село. Генерал-адъютант Алексеев.

— Позволяю себе доложить, что если последует сейчас какое-либо повеление государя императора, то я немедленно телеграфирую его вашему императорскому высочеству. Генерал Алексеев.

— Я буду ожидать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить его императорскому величеству, что, по моему убеждению, приезд государя императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. Генерал-адъютант Михаил.

— У аппарата его императорское высочество великий князь Михаил Александрович? Государь император повелел мне от его имени благодарить ваше императорское высочество и доложить вам следующее. Первое. Ввиду чрезвычайных обстоятельств государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиной часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собой надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград из наиболее надежных частей четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личную просьбою о том, чтобы высказанные вашим императорским высочеством мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах

его императорскому величеству как относительно замены современных деятелей Совета Министров, так и относительно способа выбора нового Совета, и да поможет вашему императорскому величеству господь бог в этом важном деле. Генерал Алексеев.

— Со своей стороны сообщаю вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращения его величества, так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час. Генерал-адъютант Михаил.

— Завтра при утреннем докладе еще раз доложу его императорскому величеству желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградиво. Желая здоровья вашему императорскому высочеству и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать государю императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейшего хода войны и жизни государства. Генерал Алексеев».

Генерал Беляев — генералу Алексееву.

27 февраля 1917 г. 23 часа 53 минуты.

Из Царского Села вызваны небольшие части двух гвардейских запасных полков и по просьбе свиты генерала Гротена более войск из Царского Села вызывать не предложено. Батарея была вызвана из Петергофа, но грузиться в поезд для следования в Петроград отказалась. Так как батареи обоих училищ не имеют снарядов, артиллерийский огонь сегодня не применялся».

Граф Капнист — начальнику Морского штаба

Верховного главнокомандующего адмиралу Русину.

28 февраля 1917 г. 00 часов 35 минут.

«Положение к вечеру таково: мятежные войска овладели Выборгской стороной, всей частью города от Литейного

до Смольного и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчас сообщают о стрельбе на Петроградской стороне. Сеньорен-конвент Государственной Думы по просьбе делегатов от мятежников избрал комитет водворения порядка в столице и для сношения с учреждениями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходят легко на сторону мятежников. На улицах офицеров обезоруживают. Автомобили толпа отбирает. У нас отобрано три автомобиля, в том числе вашего высокопревосходительства, который вооруженные солдаты заставили выехать со двора моей квартиры. Командование принял Беляев, но, судя по тому, что происходит, едва ли он справится. В городе отсутствие охраны, и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поезда не ходят. Морской министр болен инфлюэнцей, большая температура — 38, лежит, ему лучше. Чувствуется полная анархия. Есть признаки, что у мятежников плана нет, но заметна некоторая организация, например кварталы от Литейного по Сергиевской и Таврической обставлены их часовыми. Я живу в штабе, считаю, что выезжать в Ставку до нового вашего распоряжения не могу».

Генерал Беляев — дворцовому коменданту Воейкову.

28 февраля 1917 г. 1 час 55 минут.

«Мятежники заняли Мариинский дворец. Благодаря случайно услышанному по телефону разговору там теперь члены революционного правительства. Министры, кроме Покровского и Войновского-Кригера, заблаговременно ушли из дворца. Относительно этих двух сведений не имею».

Генерал Алексеев — генералам Рузскому и Эверту.

28 февраля 1917 г. 2 часа 12 минут.

«Государь император повелел назначить сверх войск, высылаемых в Петроград, согласно предшествовавшей

моей телеграммы, еще по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта, имея на орудие по одному зарядному ящику и сделав распоряжение о дополнительной присылке снарядов в хвосте всего движения назначенных войск. Краткий обзор событий в столице сообщу вам двадцать восьмого февраля».

*Докладная записка главнокомандующего войсками
Петроградского военного округа
генерал-адъютанта Иванова — генералу Алексееву.
28 февраля 1917 г. 7 часов 23 минуты.*

«Начальнику штаба Верховного главнокомандующего. При представлении моем сего числа около 3 часов утра государю императору его императорскому величеству было благоугодно повелеть доложить вам для поставления в известность председателя Совета Министров следующее повеление его императорского величества: «Все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно».

Калейдоскоп событий. 28 февраля 1917 г.

Утром Каюров встретился со Шляпниковым, который сообщил ему о создании Петроградского Совета Рабочих Депутатов.

На Сампсониевском проспекте против фабрики Ландрина выстроились две роты солдат инженерных войск. Тут же избрали ротного командира, но куда идти?

— В Думу! — крикнул кто-то.

Его поддержали. «Ну что же, Совет тоже в Таврическом»? — подумал Каюров и встал во главе колонны.

В Думе он прошел в Екатерининский зал. Здесь Родзянко воспевал заслуги русских солдат перед родиной, вспоминая Отечественную войну и Мамаево побоище.

Все это было слишком старо, и Каюров, решив, что это не страшно революции, вернулся в свой район, где в это время по заводам проходили выборы в Совет, в отличие от вчерашнего дня они шли на всех заводах и фабриках.

Генерал Хабалов — генералу Алексееву.

28 февраля 1917 г. 8 часов 21 минута.

«Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное».

Протокол допроса генерала Хабалова от 22 марта 1917 г.

«Хабалов. В Адмиралтействе мы предполагали обороняться, заняв для обороны фасады, выходящие к Невскому. Артиллерия была поставлена во дворе. Пехота размещена по второму этажу. Пулеметы тоже на втором этаже — на подходящих для обстрела углах. Но события вскоре показали, что и оборона наша безнадежна. У нас не только не было патронов, почти не было снарядов, но, кроме того, еще и есть было нечего.

Председатель. А сколько у вас было сил?

Хабалов. Я думаю, тысячи полторы...

Председатель. А дальше?

Хабалов. Решили очистить Адмиралтейство. Решено было также сложить все оружие здесь...

Председатель. Сдачи отряда не было?

Хабалов. Просто все разошлись постепенно, оставив оружие. Сдачи не было. Кому же сдаваться? Сдаваться было некому.

Председатель. Генерал, а вас кто задержал?

Хабалов. Меня задержала толпа нижних чинов, которая осматривала это здание».

**Генерал Алексеев — морскому министру адмиралу Григоровичу.
28 февраля 1917 г. 11 часов 05 минут.**

«Государь император повелел в случае требования генерал-адъютанта Иванова назначить в его распоряжение два наиболее прочных батальона Кронштадтской крепостной артиллерии».

**Генерал Беляев — генералу Алексееву.
28 февраля 1917 г. 11 часов 32 минуты.**

«Положение по-прежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска под влиянием утомления, а равно пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Сейчас даже трудно указать, какое количество рот является действительно надежным. На улицах все время идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов разоружают. При таких условиях сколько-нибудь нормальное течение государственных установлений и министерств прекратилось. Министры Покровский и Войновский-Кригер вчера в ночь выбрались из Мариинского дворца и сейчас находятся у себя. Скорейшее прибытие войск крайне желательно, ибо до прибытия надежной вооруженной силы мятежи и беспорядки будут только увеличиваться. Великий князь Михаил Александрович выехал из дома военного министра в 3 часа ночи, не мог проехать на вокзал и вернулся в Зимний дворец».

**Генерал Эверт — генералу Трубецкому,
начдиву 2-й кавалерийской дивизии.
28 февраля 1917 г. 11 часов 50 минут.**

«В то время как жестокий враг стоит упорной стеной на нашей родной земле, когда наши братья, томимые вра-

жеской неволей, ждут не дождутся, когда эта стена рухнет под мощным усилием всей России, когда все мы чуем, что час победы близок, что враг напрягает последние силы перед надвигающимся грозным призраком печального для него конца, у нас за спиной, в столице, начались беспорядки. Спокойная работа заводов, которая обеспечивала наши армии снарядами, патронами, снаряжением и вооружением, необходимыми, чтобы окончательно сразить надменного врага, нарушена, и с каждым новым днем беспорядков уменьшается материальная мощь храбрых наших войск, стоящих лицом к лицу с коварным врагом. Каждый такой день приносит нам вред, а противнику идет на пользу. В твердом, непоколебимом решении довести в тесном единении с союзниками навязанную нам войну до победного конца государь император повелел призвать к восстановлению порядка и правильной работы в тылу полки из действующей армии. Передайте командироваемым под вашим начальством полкам и батареям, что, исполняя высочайшее повеление и останавливая свой выбор на доблестных севцах, орловцах, павлоградцах и донских казаках 2-го наследника цесаревича полка с их батареями, я ни минуты не сомневаюсь, что, проникнутые, как и всегда, непоколебимой верностью царю и преданностью родине, они с честью выполнят возложенное на них в трудную для государства минуту ответственное дело, твердо памятуя, что порядок внутри России, который они призваны государем восстановить, нужен для победы над упорным врагом. Без этой победы невозможен мир, тот славный мир, который обеспечит свободное, спокойное и широкое процветание нашей родины. К этой победе до сих пор неуклонно шли их доблестные товарищи, смертью запечатлевшие верность престолу и России, к ней же всеми силами и помышлениями стремится вся армия и теперь. Напутствуя назначенные на государево дело полки, прошу вас напомнить им, что за-

лог успешного выполнения возложенной на них задачи лежит в строжайшем внутреннем порядке и полной дисциплине их самих, дабы прежде всего они всегда и везде служили для всех живым примером верных слуг своего царя и родины».

Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин — адмиралу Русину. 28 февраля 1917 г. 12 часов 00 минут.

«Мною объявлены Свеаборг, Моонзундская и Абоская позиции на осадном положении. В подчиненных мне частях все в полном порядке».

Донесения в военную комиссию Временного Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов:

«1. Стрельба с крыш из пулеметов по государственному банку — Екатерининский канал, 27, 29, 31, и усиленно из редакции «Петроградского листка».

2. Санитары лазарета Зимнего дворца просят прислать туда отряд войск, чтобы арестовать скрывающихся там лиц и прекратить стрельбу с крыши из пулеметов и охранять дворец.

3. Из достоверного источника мы узнали, что к Зимнему дворцу подано несколько автомобилей с целью удрать из последнего.

4. С Морской, угол Невского и Телефонной улицы, требуют подкрепления. Там жандармы пулеметами расстреливают санитарные автомобили, так что раненых невозможно подбирать».

Из воззвания Временного Комитета Государственной Думы. 28 февраля:

«Временный Комитет Государственной Думы обращается к жителям Петрограда с призывом во имя общих

интересов щадить государственные и общественные учреждения и приспособления, как-то: телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи, а также правительственные места и учреждения. Равным образом Комитет Государственной Думы поручает охране граждан заводы и фабрики, как работающие на оборону, так и общего пользования. Необходимо помнить, что порча и уничтожение учреждений и имуществ, не принося никому пользы, причиняет огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужна вода, свет и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равным образом имущество частных лиц. Пролитие крови и разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших эти деяния, и могут принести, кроме того, неисчислимые бедствия всему населению столицы...

Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием. Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко».

Граф Капнист — адмиралу Русину.

28 февраля 1917 г. 12 часов 05 минут.

«Весь город в руках мятежников и войск, перешедших на их сторону. Правительственные войска — несколько рот. Хабалов засел в Адмиралтействе, организует оборону как последнего редута. Опасаюсь, что это послужит только бесполезному истреблению драгоценных документов штаба и кораблестроения. Телефоны прерваны. Мятежники появились со стороны Гороховой».

Генерал Беляев — генералу Алексееву.

28 февраля 1917 г. 13 часов 30 минут.

«Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей, в том числе 4 роты, 1 сотня, 2 батареи и пулеметная рота, по требованию морского министра были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод всех этих войск в другое место не признан соответственным ввиду неполной их надежности. Части разведены по казармам, причем во избежание отнятия по пути следования ружья и пулеметы, а также замки орудий сданы морскому министерству».

Сообщение Петроградского комитета журналистов:

«В 2 часа дня член Государственной Думы священник Попов 1-й с крестом в руках благословлял революционные войска.

— Да будет, — сказал он, — памятен этот день во веки веков».

Николай II — Алесандре Федоровне.

28 февраля 1917 г. 15 часов 00 минут.

«Ее величеству. Выехал сегодня утром в 3 ч. Мысленно постоянно с тобой. Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете и спокойны. Много войск послано с фронта. Сердечный привет Ники».

Граф Капнист — адмиралу Русину.

28 февраля 1917 г. 16 часов 15 минут.

«Последние войска ушли из Адмиралтейства. Все пока спокойно, но вокруг мятежники. В городе довольно спокойно. Кое-где полиция постреливает из пулеметов без толка».

Майор Тонелли — генералу Ромену.
28 февраля 1917 г. 16 часов 28 минут.

«Революционное движение распространилось на весь город. Народ открыл камеры заключенных, преимущественно политических, занял крепость и почту. Офицеры арестованы и разоружены. Бронированные автомобили ездят по городу с красными флагами. Временное правительство составлено с Родзянко и Милюковым. Горожане и солдаты, вооруженные, проходят по улицам. Толпа аплодирует проезжающим революционерам и держится спокойно. Кабинет смещен, и Протопопов, говорят, бежал. «Астория» сожжена. Мы все находимся в главном штабе. Я просил капитана Руджиери предложить полковнику Ориго и капитану Борсарелли прибыть ко мне. Он сказал, что они хорошо устроены в посольстве. Телефон занят революционерами. Никакая власть не действует».

Подполковник Ловернь — генералу Жанену.
28 февраля 1917 г. 16 часов 32 минуты.

«Все петроградские войска перешли на сторону мятежников. До сих пор войска производят мало эксцессов, собственность уважается, убивают или разрушают только в виде репрессий или по ошибке. Некоторые заводы работают. Тюрмы открыты. Окружной суд и дом генерала Фредерикса сожжены. Комитет из членов Думы непрерывно заседает и взял на себя управление делами».

Генерал Занкевич — генералу Лукомскому.
28 февраля 1917 г. 17 часов 25 минут.

«Благоволите уведомить, когда прибудет назначенный главнокомандующим генерал-адъютант Иванов».

**Разговор по прямому проводу Морского штаба
Верховного главнокомандующего с Главным штабом.
28 февраля 1917 г. 18 часов 00 минут.**

«Наморштаверх¹ просит узнать, где каперанг Альтфатер. — Каперанг Альтфатер в Петрограде, уехать не может никуда, так как вокзалы заняты мятежниками. Обстановка теперь такова: Дума делает попытки собрать войска в казармы и подчинить их офицерам, но для этого ей необходимо опереться на какой-либо правительственный акт, который послужил бы началом успокоения. Таким актом должно быть прежде всего назначение заслуживающего общее доверие лица главой правительства, коему предоставить составить кабинет. Всякое промедление крайне опасно, потому что, с одной стороны, войска перепьются и исхулиганятся, а во-вторых, может образоваться рабочая организация, которая подымет социалистическое знамя и устранил Думу. Правительственных войск больше нет, и гарнизоны пригородных мест почти все примкнули к мятежникам. Про гарнизон Царского Села я не знаю. Едва ли, впрочем, какие-либо войска удержатся на стороне теперешнего правительства. Принял старлейт Арнаутов. Верно: генерального штаба подполковник Барановский».

Дневник Николая II:

«28 февраля. Вторник. Лег спать в 3^{1/4}, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, кот. посылаю в Петроград с войска-

¹ Наморштаверх — начальник генерального (верховного) морского штаба. В годы Первой мировой войны в русской армии и на флоте были приняты подобные сокращения. Так, например, «минмор» — морской министр, «наштасев» — начальник штаба северной группы войск, «наштазап» — начальник штаба западной группы войск, и т.д. — *Примеч. ред.*

ми водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час».

Сообщения Петроградского комитета журналистов:

«Временный Исполнительный Комитет Государственной Думы поручил гласному городской думы М. А. Крыжановскому организовать городскую милицию. Для этой цели в 8 час. вечера в помещении Александровского зала городской думы будет производиться запись студентов всех петроградских высших учебных заведений, желающих вступить в состав городской милиции. Студентам предлагается являться с матрикулами и другими документами, удостоверяющими их принадлежность к учебному заведению.

Комитет Думы отправил сегодня по телеграфу во все города Российской Империи официальное сообщение об образовании Временного Комитета: «Временный Комитет членов Государственной Думы сам заявляет, что до сего времени по его распоряжению никаких арестов не производилось и впредь аресты от имени Комитета будут производиться не иначе, как по особому в каждом случае распоряжению Комитета. Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко».

Калейдоскоп событий. 28 февраля 1917 г.

В 11 часов 15 минут вечера к Таврическому дворцу подошел господин в шубе и обратился к одному из студентов с вопросом:

— Скажите, вы — студент?

— Студент.

— Прошу вас, проведите меня к членам Исполнительного Комитета Государственной Думы. Я — бывший министр внутренних дел Протопопов. Я тоже желаю блага нашей

Родине и потому явился добровольно. Проведите меня к кому нужно.

Толпа народа и солдат, узнав Протопопова, встретила его возгласами возмущения. Бледный, пошатываясь, предстал он перед одним из членов Исполкома Думы, который, увидав, кто перед ним стоит, распорядился пригласить конвой. Солдаты взяли ружья наперевес и во главе огромной процессии повели Протопопова в министерский павильон.

Вскоре туда явился Керенский. Протопопов встал с кресла и, подойдя к нему, заявил:

— Ваше превосходительство, отдаю себя в ваше распоряжение.

— Бывший министр внутренних дел Протопопов! От имени Исполнительного Комитета объявляю вас арестованным! — провозгласил Керенский, не уточняя, от имени какого Исполнительного Комитета он выступает, ведь он ухитрился быть сразу и в буржуазном и в рабочем...

Калейдоскоп событий. 28 февраля 1917 г.

Вечером 27 февраля в Кронштадте были получены воззвания Петроградского Совета и манифест ЦК большевиков. Стало известно, что гарнизон Питера открыто выступил на улицы. Царские министры арестованы.

Весь день 28 февраля прошел в непрерывном матросском митинге. Устанавливалась связь с рабочими и солдатами. Из Ораниенбаума доносились раскаты артиллерийских выстрелов. Всем было ясно, что очередь за Кронштадтом.

Военная организация большевиков приняла решение выступать, причем немедленно. Ждать нечего — это было общее мнение.

Рабочие паровозного завода забастовали и потребовали к себе адмирала Вирена для дачи объяснений, что происходит в Петрограде. Адмирал заявил, что он с рабочими в стенах завода говорить не желает, а приглашает их завтра на Якорную площадь.

Вечером Вирен созвал совещание командного состава флота и крепости. На вопрос адмирала, пойдет ли кронштадтский гарнизон на подавление революции в Петрограде, все офицеры единодушно ответили: «Нет. Солдаты и матросы в этом случае просто присоединятся к восставшими». Несмотря на такой ответ, Вирен и адмирал Курош — комендант крепости, распорядились установить пулеметы вокруг Якорной площади.

В 7 часов вечера Колбин, учащийся минно-машинной школы, матрос-большевик, организовал в своей школе митинг, на котором присутствовали моряки из других частей. Он огласил решение военной организации большевиков Кронштадта о том, что в 9 часов вечера, в момент вечерней поверки, надо начать выступление.

Было решено заранее разобрать винтовки и шинели, чтобы сразу выйти на улицу.

На поверку в минную школу пришли помощник начальника берегового отряда лейтенант Скрыдлов и ротный командир школы подпоручик Ребров. Дежурный, как всегда, дал сигнал строиться на молитву, фельдфебель произвел перекличку. Отсутствующих не оказалось.

Ребров подал команду: «Петь молитву!» Матросы молчали. Тогда фельдфебель затянул: «Боже, царя храни...» В строю раздался легкий смех, и голос растерявшегося фельдфебеля оборвался. Ребров запел сам, а фельдфебель подхватил: «Спаси, господи, люди твоя...» Но и на сей раз они остались в гордом одиночестве.

Скрыдлов с перекошенным предчувствием опасности лицом вышел на середину строя и спросил:

— В чем дело?

Колбин выступил вперед и насмешливо посмотрел на лейтенанта:

— Если матросы и солдаты отказались спасти царя, то бог его не спасет, поэтому мы не желаем больше петь царский гимн и молитву. Наш гимн сегодня — долой самодержавие! Да здравствует революция!

Три сотни матросов разобрали винтовки и с криком «Да здравствует революция!» бросились во двор школы.

Около канцелярии путь им преградил дежурный офицер и, угрожая револьвером, потребовал вернуться на свои места. Его ударили прикладом в грудь, и он скатился вниз по лестнице, где был смят выбегавшими на улицу матросами. Разбили цейхгауз и, набив карманы патронами, построились во дворе.

Вечернюю тишину разорвали звуки «Марсельезы», это играл духовой оркестр пехотного полка, выходявшего против старой власти в полном боевом порядке.

Колбин запел: «Смело, товарищи, в ногу...» Голос его дрожал, а в голове проносились воспоминания о 13-м и 14-м годах — как выходили из заводских ворот на демонстрации, как щелкали затворами винтовок солдаты, как хлестали нагайками казаки. Слезы радости набежали ему на глаза от этих воспоминаний. Все сейчас было по-другому.

На Павловской улице матросский отряд встретился с солдатами гарнизона, и над тихим, притаившимся Кронштадтом разнеслось тысячеголосое «ура». Во 2-м Балтийском флотском экипаже не хотели открывать ворота. В глубине двора стояли молодые матросы, которых предназначали для усмирения «стариков».

Под дружным напором восставших ворота раскрылись. Раздался залп. Стреляли господа офицеры — моряки так и не решились поднять руку на товарищей. Несколько человек были ранены.

Быстро разделались с офицерами, и экипаж присоединился к восставшим. Отсюда пошли к казармам второго крепостного артиллерийского полка, который вышел навстречу в полном составе со всеми офицерами и во главе со слегка одуревшим от происходящего командиром, полковым знаменем и оркестром. Соединившись, вся колонна пошла в военную гавань, к стоявшим там учебным кораблям минного отряда.

На Николаевском проспекте пылало здание охранки. Скорее всего, это было делом рук самих охранников — в Кронштадте было свыше трехсот шпиков среди рабочих, солдат и матросов, офицеров, интеллигенции (выявлено впоследствии было только три десятка).

На посту при входе в гавань восставшие впервые за всю ночь встретились с представителем старой власти — жандармом, который безропотно сдал оружие.

После присоединения судовых команд пошли в морской манеж на митинг. Здесь был создан революционный комитет и избраны представители в Петроградский Совет.

Митинг кончился, и все собравшиеся — около 30 тысяч человек — пошли к дому адмирала Вирена. Разоружили караул и пригласили адмирала выйти к народу. Через несколько минут тот вышел в парадном мундире, при орденах. Увидев, что среди собравшихся преобладают солдаты и матросы, он привычно скомандовал:

— Смирно!

В ответ раздался смех и кто-то из рабочих с иронией сказал:

— Ваше превосходительство, вы вчера приглашали нас на Якорную площадь, но мы сами пришли за вами. Извините, что немного рановато, но нам надоело ждать.

Вирен сразу как-то съежился, стал маленьким и каким-то жалким, незаметным. Ему предложили снять погоны и следовать на Якорную площадь. Адмирал был расстрелян на рассвете по приговору революционного народа там, где собирался устроить ему кровавую баню.

Калейдоскоп событий. 28 февраля 1917 г. Поздним вечером, после освобождения Тучкова моста от жандармов, будущий председатель Центробалта матрос Дыбенко поехал с поручением в Таврический, где, по слухам, был главный штаб революции, связаться с руководителями, доставить сведения и получить указания для дальнейших действий. Придя во дворец и увидев царящую там неразбериху, он понял, что его целям не суждено осуществиться. В эти дни и ночи Таврический был и тюрьмой, и парламентом, и «министерством» по переговорам с Николаем II, военным министерством, только без ставки и войск. Все и всех здесь можно было увидеть, даже лоточников с горячими бубликами. Особенно много здесь было распорядителей — цветущих мужчин с деловито нахмуренными лицами, чем-то важно озабоченных, «делающих революцию».

Единственно, чего здесь не было, — порядка. Так и не сумев отыскать руководителей и ничего не узнав, Дыбенко вернулся на Выборгскую сторону.

На улицах горели костры, у них с винтовками в руках грелись рабочие, женщины, солдаты, студенты и даже буржуйчики в котелках.

Дыбенко наблюдал это единение, недоверчиво покачивая головой, все словно сроднились, взяли за оружие и пошли вместе на ненавистную царскую власть. Шатаясь от усталости, он нашел свой отряд и прилег отдохнуть.

В соседнем доме на чердаке засели городовые и постреливали из пулеметов.

Калейдоскоп событий. 1 марта 1917 г.

В полночь Ломоносов снял трубку телефона:

— Центральная Николаевской дороги? Соедините меня с начальником дороги инженером Невежиным.

— Ни кабинет, ни квартира не отвечают.

— Соедините с помощником.

— Один уехал встречать императорский поезд, другой болен.

— Дайте начальника движения!

— Нельзя добиться.

— Дайте дежурного по движению.

— Я дежурный по движению.

— Я — Ломоносов, по поручению комиссара Думы Бубликова. Вы мой голос узнаете?

— Так точно. Что прикажете?

— Где начальник движения?

— Похоже, болен: по телефону добиться нельзя. Пошли на квартиру — дверей не открывают.

— Кто же есть?

— Помощник начальника движения инженер Кожевников. Он на квартире, только вам его не добиться, у него номер неправильный. Позвольте, я вам его вызову?..

— Я — Кожевников. Это вы, Юрий Владимирович?

— Я — Ломоносов. Как у вас с поездами?

— Идут более или менее нормально. Вы из министерства?

— Да, я говорю по поручению члена Государственной Думы Бубликова. У вас какая-то заминка с начальством? По-видимому, начальник дороги и начальник движения больны? На вас лежит вся ответственность за правильность движения. Кто кроме вас может работать?

— Другой помощник, Страхов.

— Ну и прекрасно. Вы можете сменяться с ним. Но пока что день и ночь, в конторе или у телефона должны быть вы или он. Положение слишком ответственное.

— Как прикажете с императорским поездом?

— А что?

— Он имеет назначение Лихославль — Тосно — Александровская — Царское, но как бы в Тосно или даже в Любани чего не случилось.

— Вы получите, если будет нужно, новое назначение. А каково настроение служащих?

— Все на стороне Думы, но очень злы на Невежина и в особенности на Дьякова. Можно ждать эксцессов.

— До свиданья! Будьте спокойны и решительны. На вас смотрит вся Россия. Примите все меры к усилению подвоза продовольствия. Служащие должны доказать, что при новом режиме они могут работать еще лучше, чем при старом.

В 4 часа утра в кабинет Ломоносова вбежал чиновник из министерского телеграфа.

— Императорский поезд подходит к Малой Вишере!

Ломоносов бросился к Бубликову. Тот спал, уютно свернувшись калачиком на кожаном диване. Разбудить его не удалось — ругаясь сквозь сон, он опять упрямо ложился на диван.

Ломоносов позвонил в Думу:

— Государственная дума? Соединяйте с председателем. Михаил Владимирович, вы?

— Я — Родзянко. Кто говорит?

— Министерство путей сообщения. По полномочию комиссара Бубликова член Инженерного Совета Ломоносов. Вы меня знаете?

— Что вам угодно?

— Императорский поезд в Малой Вишере. Что прикажете с ним делать?

— Сейчас обсудим. Позовите Бубликова.

После вылитого ему в лицо стакана холодной воды Бубликов, ошалело мотая мокрой головой, подошел к телефону:

— Да, это я, Бубликов... Но что же делать? Везти в Царское? В Петроград? Держать в Вишере? Ждать?! Чего и сколько? Хорошо, будем ждать.

— Бубликов повесил трубку и, презрительно усмехнувшись, сказал Ломоносову:

— Не могут решиться...

Из телеграфной принесли записку: «Малая Вишера. В императорском поезде идет совещание. Смазчики испортили передний паровоз».

Через полчаса принесли вторую записку: «Малая Вишера. По распоряжению инженера Керна в 4.50 поезд литера «А» отправился обратно в Бологое».

Бубликов позвонил в Думу:

— Задержать?

— Еще не решено. Следите за поездом. Когда положение выяснится, получите указания.

Ломоносов в растерянном недоумении развел руками.

— Совещаются с Советом, — понимающе ухмыльнулся помощник Бубликова Рулевский.

— С каким Советом?

— Да вы разве не знаете, что по примеру 905-го года еще третьего дня образовался Совет Рабочих Депутатов? Чхеидзе — председатель, Скобелев и Керенский — товарищи. Разве с думцами революцию сделаешь? Сами видите, какую они канитель тянут. Совет уже выпустил два воззвания. Вот они.

Рулевский передал Ломоносову два листка.

«28 февраля. От совета Рабочих Депутатов. Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец.

Но солдаты не захотели идти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений.

Борьба еще продолжается — она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России. Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера, 27 февраля, в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда. Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами.

Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Совет Рабочих Депутатов».

— Но когда же выборы успели провести? — прочитав листки, недоумевающе спросил Ломоносов.

— Эх вы, Аким-простота! Какие теперь выборы. Пришли в Думу рабочие, солдаты, революционеры — ну, вот и Совет. Конечно же вошли и думские социалистические фракции. Нужно же создать революционный центр. Не Гучков же с Родзянко будут делать революцию!

В 9 часов утра из Бологого сообщили, что царский поезд прибыл туда. Опять Бубликов звонил в Думу, и теперь разрешение последовало: «Задержать поезд в Бологом, передать императору телеграмму председателя Думы и назначить для него экстренный поезд до станции Бологое».

В телеграмме Родзянко указывал на критическое положение династии и просил свидания. Телеграмму передали Воейкову под расписку, но ответа не было.

— Из императорского поезда поступило требование дать назначение поезду из Бологого на Псков. Что делать?

— Ни в коем случае. Царь хочет пробраться к армии.

— Слушаю, будет исполнено.

А через десять минут: «Бологое. Поезд литеры «А» без назначения отправился на Псков».

Бубликов в бешенстве заметался по кабинету:

— Что делать, говорите скорее.

— Положение серьезное, надо обсудить.

— Надо действовать.

— Обдуманно. Только обдуманно... Взорвать мост? Разобрать путь? Свалить поезд? Едва ли Дума нас похвалит. Да и кто все это будет делать? Лучше забьем одну-две станции товарными поездами, тем более что поезд без назначения, даже царский, не может не затираться товарными.

В это время в свой кабинет, занятый комиссаром Думы, вошел начальник движения Устругов. Бубликов бросился к нему:

— Сейчас же распорядитесь, чтобы на пути литеры «А» по Виндавской один из разъездов был загорожен двумя товарными поездами.

— Такие распоряжения я исполнять отказываюсь.

— Что-о?

Ломоносов с Рулевским выхватили револьверы, и Ломоносов приставил свой к животу Устругова. Тот побледнел как полотно и залепетал:

— Хорошо, хорошо... сейчас.

Вечером Ломоносов вместе с инспектором Некрасовым поехали на Николаевский вокзал проводить Родзянко, а главное, посмотреть, что там делается.

Некрасов был весь в красном — повязка на рукаве, бант на папаше. Ломоносову это показалось неприличным: сам он остался одетым строго по форме. К автомобилю, на котором они ехали, с правой стороны был прикреплен красный флаг. У солдата, сидевшего рядом с шофером, на шапке был красный бант.

По городу еще шла стрельба, кое-где с чердаков стреляли из пулеметов. Группы солдат, рабочих и студентов брали приступом эти дома.

На первый взгляд без толку по городу носились грузовики, полные вооруженных людей. На улицах было много испорченных и опрокинутых автомобилей, но в общем настроение было радостное, бодрое. Несмотря на стрельбу, улицы были полны людей, много женщин, детей. Кое-где на домах виднелись красные флаги. В воздухе витало что-то праздничное.

«Как на Пасху», — подумал Ломоносов.

Родзянко — генералу Алексееву.

1 марта 1917 года. 5 часов 51 минута.

«Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что ввиду

устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы».

Донесение в Думу. 1 марта 1917 года. 7 часов 10 минут.

«1. На Кирочной против Саперного батальона засела группа около 30 городских с пулеметом.

2. Сыскная полиция ответила, что ее больше не существует и что надо обращаться в Г. Думу».

Приказ Временного Комитета Государственной Думы:

«Г. офицеры Петроградского гарнизона и все г. офицеры, находящиеся в Петрограде!

Временный Комитет Государственной Думы приглашает всех г. офицеров, не имеющих определенных поручений Комиссии, явиться 1-го и 2-го марта от 10 час. утра до 6 час. вечера в зал Армии и Флота для получения удостоверений на повсеместный пропуск и точной регистрации, для исполнения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа для охраны столицы.

Промедление явки г.г. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания. Не теряйте, г. офицеры, ни минуты драгоценного времени!

Военная Комиссия Временного Комитета Государственной Думы.

Председатель Государственной Думы *М. Родзянко*».

Сообщение Петроградского комитета журналистов:

«От имени нового коменданта Николаевского вокзала на вокзале расклеено объявление, коим запрещается солдатам отбирать у офицеров оружие.

В приказе сказано, что от Государственной Думы не исходило распоряжение отбирать у офицеров оружие».

**Приказ № 1 Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.
1 марта 1917 г.**

«По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения и рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую

дисциплину, вовне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом, отменяется титулование офицеров «ваше превосходительство, благородие» и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих
и Солдатских Депутатов».

Калейдоскоп событий. 1 марта 1917 г.

К утру 1 марта весь Кронштадт был в руках восставших. У городских и охранников остался только один дом. Затем после артиллерийского обстрела оставшиеся в живых контрреволюционеры сдались.

В боях с полицией погибли семь человек. Они были торжественно похоронены на Якорной площади. Учитывая ошибки революции 5-го года, революционные моряки установили в городе образцовый порядок, уничтожив все питейные заведения и склады спиртных напитков.

Калейдоскоп событий. 1 марта 1917 г.

На улицах Петрограда с утра толпились люди. Спорили горячо, самозабвенно.

Одни кричали:

— Надо требовать на престол Михаила!

Другие:

— Родзянко президентом!

— Власть Думе!

— Власть Совету Рабочих и Солдатских депутатов!

Распространился слух, что флот движется на Питер, споили матросов и теперь они идут на защиту царя. К Бологому подошли войска генерала Иванова вместе с царем. Войска — сплошь георгиевские кавалеры, преданные царю.

Вечером пришли другие вести — на флоте восстание. В Кронштадте матросы расстреливают подряд всех офицеров, на кораблях подняты красные флаги. Из Гельсингфорса и Кронштадта посылают депутатов в Петроградский Совет, чтобы подготовить всеобщую резню офицеров. Войска Иванова присоединились к революции и возвращаются на фронт.

Демонстранты заполнили все улицы огромного города. У всех на груди — красные банты, на лицах — ликование. Рядом с голодными рабочими, работницами, солдатами идут буржуа и тоже поют: «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил!».

«Бедные, где это они так изголодались, истомились?» — глядя на торопливо мажущихся к революции буржуев, думал Дыбенко, проходивший со своим матросским деревянным чемоданчиком по улицам к вокзалу. Он должен был попасть на поезд в Гельсингфорс.

Комиссар Думы Бубликов — управляющему и начальнику движения Виндавской железной дороги.

1 марта 1917 г. 11 часов 00 минут.

«По распоряжению Исполнительного Комитета Государственной Думы благоволите немедленно отправить со

ст. Дно в направлении на Бологое два товарных поезда следом друг за другом и занять ими какой-либо разъезд, возможно восточнее ст. Дно и сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологого в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену пред отечеством».

Командующий войсками Московского военного округа генерал Мразовский — генералу Алексееву.

1 марта 1917 года. 13 часов 20 минут.

«Несколько тысяч артиллеристов 1-й запасной бригады на Ходынке захватили орудия и сараи с вооружением для формирований, часть коего передана революционерам. Громадное число учреждений, требующих охраны, большие толпы забастовщиков, большие расстояния и недостаток надежных войск препятствуют обезоружить бунтующих.

Число воинских чинов, переходящих к революционерам, все увеличивается. Благоволите уведомить о получении этой телеграммы».

Генерал Мразовский — генералу Алексееву.

1 марта 1917 года. 14 часов 30 минут.

«В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров».

Морской министр адмирал Григорович — адмиралу Русину и генералу Алексееву.

1 марта 1917 года. 17 часов 19 минут.

«Мною получена телеграмма коменданта Кронштадта: «Вечером начались беспорядки в некоторых сухопутных частях и береговых командах флота. Части ходят по ули-

цам с музыкой. Принимать меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, не нахожу возможным, так как не могу ручаться ни за одну часть».

Главный морской штаб — адмиралу Русину.

1 марта 1917 года. 17 часов 20 минут.

«Общее положение в Петрограде: Думе удалось собрать под свою власть довольно большое число войск, количество коих растет. По городу ставятся караулы и патрули, порядок понемногу восстанавливается. Необходимы, однако, решительные акты власти для удовлетворения требований общественного мнения, так как растет пропаганда социал-революционеров».

Граф Капнист — начальнику Морского штаба

Верховного главнокомандующего.

1 марта 1917 года. 17 часов 35 минут.

«Граф Капнист просит доложить наморштаверху, что за сегодняшней день изменений в общем положении после вчерашней телеграммы не последовало. Порядок налаживается с большим трудом. Есть опасность возможности раскола в самом Комитете Государственной Думы и выделения в особую группу крайних левых революционных партий и Совета Рабочих Депутатов».

Адмирал Русин — Николаю II.

1 марта 1917 года. 17 часов 53 минуты.

«Всеподданнейше доношу полученную мною телеграмму от командующего флотом Балтийского моря: «С 4-х часов утра 1-го марта прервано сообщение с Кронштадтом каким-либо путем. Главный командир порта убит, офицеры арестованы. В Кронштадте — анархия, и станция службы связи занята мятежниками».

Генерал Клембовский — командующим армиями.

1 марта 1917 года. 20 часов 29 минут.

«В Москве полное восстание и войска переходят на сторону сторонников Временного Комитета Государственной Думы, сформированного с Родзянко во главе для замены упраздненного правительства. В Кронштадте восстание, и Балтийский флот с согласия командующего флотом перешел на сторону Временного Комитета. Решение адмирала Непенина вызвано стремлением спасти флот. Генерал-адъютант Алексеев телеграфировал государю, прося издать акт, способный успокоить население и прекратить революцию. Генерал Алексеев докладывает, что спасение России и возможность продолжать войну будет достигнута только тогда, когда во главе правительства будет стоять человек, который будет пользоваться доверием населения и который образует соответствующий кабинет. Его величество еще не прибыл в Царское Село, и поезд находится близ станции Дно».

Сообщение Петроградского комитета журналистов:

«В 10 час. 30 мин. вечера под сильным конвоем привезен в Думу бывший военный министр генерал Сухомлинов.

Известие о привозе Сухомлинова облетело всю Думу и вызвало в солдатских массах невероятное возбуждение. С трудом, едва сдерживая солдат, провели бывшего военного министра в приемную комнату.

Сюда через некоторое время явился делегат от солдат Преображенского полка и в присутствии всех сорвал с Сухомлинова погоны».

Генерал Данилов — генералу Алексееву.

1 марта 1917 года. 22 часа 45 минут.

«Для сведения докладываю: оба литерные поезда — в Пскове. Дальнейший маршрут еще не выяснен».

Адмирал Непенин — адмиралу Русину.

1 марта 1917 года. 23 часа 00 минут.

«Получил известие, что Белоостров занят вооруженной толпой. Войска и жандармы обезоружены. Полковник Тюфяев и его штаб арестованы. Восстановление порядка в Кронштадте налаживается при содействии Комитета Государственной Думы, внимание коего обратил также и на положение в Белоострове и на необходимость прекратить дальнейшее движение».

Дневник Николая II:

«1 марта, среда. Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам, Господь!»

Родзянко — генералу Рузскому.

1 марта 1917 года. 23 часа 53 минуты.

«Все меры по охранению порядка в столице приняты. Сообщение по железным дорогам поддерживается тщательно и непрерывно. Опасений за подвоз продовольствия нет, распоряжения даны, возникающие беспорядки ликвидируются. Спокойствие хотя с большим трудом, но восстанавливается».

Николай II — Александре Федоровне.

2 марта 1917 года. 00 часов 15 минут.

«Ее величеству. Прибыл сюда к обеду. Надеюсь, здоровье всех лучше и что скоро увидимся. Господь с вами. Крепко обнимаю. Ники».

Николай II — генералу Иванову.

2 марта 1917 года. 00 часов 20 минут.

«Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне каких мер не предпринимать. Николай».

Разговор по прямому проводу генерала Клембовского с генералом Болдыревым.

2 марта 1917 года. 00 часов 25 минут.

«У аппарата генерал-квартирмейстер.

— У аппарата помощник начальника штаба. Здравствуйте. Где находится начальник штаба фронта?

— Генерал Данилов в настоящее время занят выполнением поручения, связанного с высочайшими указаниями. Может освободиться часа через полтора-два.

— Известно ли вам о прибытии сегодня конвоя его величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, кои отказались принять участие в восстании? Известно ли также о желании государыни императрицы переговорить с председателем Исполнительного Комитета Государственной Думы и, наконец, о желании великого князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с Исполнительным Комитетом?

Клембовский: Никак нет, эти известия нам неизвестны.

— В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному Правительству. В Петрограде арестованы Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Григер, Горемыкин, Дубровкин, два помощника градоначальника и Климович. Исполнительный Комитет Государственной Думы обратился с воззванием к на-

селению возить хлеб, все продукты на станции железных дорог для продовольствия армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители армии и флота постановили признать власть Исполнительного Комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства. Все изложенное надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада. Прошу сообщить о всех переговорах, которые ведутся между вами и Государственной Думой, хотя бы вкратце суть дела.

Клембовский: В точности будет исполнено.

Болдырев: До свиданья. Я кончил».

Генерал Лукомский — генералам Квецинскому и Данилову.

2 марта 1917 года. 2 часа 02 минуты.

«Вследствие невозможности продвигать эшелоны войск, направляемых к Петрограду, далее Лути и разрешения государя императора вступить в сношения с председателем Государственной Думы и с высочайшего соизволения вернуть войска обратно в Двинский район из числа направляемых с северного фронта наштаверх просит срочно распорядиться — те части, кои еще не отправлены, не грузить, а те, кои находятся в пути, задержать на больших станциях. Относительно дальнейшего направления или возвращения перевозимых частей последует дополнительное указание».

Генерал Данилов — командующему 42-м корпусом.

2 марта 1917 года. 2 часа 30 минут.

«Последовало высочайшее повеление об отмене назначения батальона Выборгской крепостной артиллерии, предназначавшегося для отправки в направлении на Петроград».

Из разговора по прямому проводу генерала Лукомского с генералом Даниловым.

2 марта 1917 года. 7 часов 15 минут.

«...И ты и генерал Алексеев отлично знаете характер государя и трудность получить от него определенное решение. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно — как это в сущности и предвидел главнокомандующий — явилось запоздалым. Очень осложнила дело посылка войск генерал-адъютанта Иванова. Я убежден, к сожалению, почти в том, что несмотря на убедительность речи Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться. Данилов».

Кирилл Романов — Павлу Романову:

«Дорогой дядя Павел! Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомысленно с нашим семейством — он прячется и только общается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю. Кирилл».

Воззвание Братства оо. дьяконов г. Петрограда:

«Аз есмь с вами до скончания века. Аминь. Настало время, когда православное Всероссийское духовенство должно подать свой голос в великом народном движении на пути к свету, правде, братской любви и свободе.

Православное духовенство Петрограда и всей России призывается к единению с народом. Промедление угрожает православию гневом народа.

Пастыри должны быть среди своих духовных чад. Православное Всероссийское духовенство неразделимо с великим свободным русским народом.

Подпись: Братство о. о. дьяконов г. Петрограда, посещающих в течение 3 лет лазареты раненых воинов».

Сообщение Петроградского комитета журналистов:

«Председатель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Н. С. Чхеидзе и министр юстиции А. Ф. Керенский сим сообщают, что всякого рода приказы, в которых солдаты призывают солдат не повиноваться офицерам и не исполнять распоряжений нового, Временного Правительства, являются злостной провокацией.

Между Исполнительным Комитетом Государственной Думы и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов достигнуто в настоящее время соглашение».

Генерал Алексеев — Николаю II.

2 марта 1917 года. 14 часов 30 минут.

«Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы.

От великого князя Николая Николаевича: «Генерал-адъютант Алексеев сообщил мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленапреклоненно молить Ваше Императорское

Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю бога подкрепить и направить вас. Генерал-адъютант Николай».

От генерала-адъютанта Брусилова: «Прошу Вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет — отказаться от Престола в пользу Государя наследника Цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. г.-а. Брусилов».

Александра Федоровна — Николаю II. 2 марта:

«Мой любимый бесценный ангел, свет моей жизни! Не зная, где ты, я действовала, наконец, через Ставку, ибо Родзянко притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это — величайшая низость и подлость, неслыханная в истории — задерживать своего государя. Может, ты покажешься войскам в Пскове и в других местах и соберешь их вокруг себя?»

Когда узнают, что тебя не выпускают, войска придут в неистовство и восстанут против всех.

О мой страдалец!

Всегда с тобой неразлучно твоя *Женушка*.

Пусть этот образок, который я целовала, принесет тебе мои горячие благословения, силу, помощь. Носи Его крест, если даже и неудобно, ради моего спокойствия».

Неотправленная телеграмма Николая II генералу Алексееву:

«Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

Неотправленная телеграмма Николая II Родзянко:

«Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. Николай».

Граф Капнист — адмиралу Русину.

2 марта 1917 года. 15 часов 37 минут.

«Положение прежнее. Большая опасность со стороны социалистов. Москва, Харьков и Симферополь, по-видимому, подчиняются Думскому Комитету. Минмор считает необходимым действовать в согласии с Комитетом Думы, о чем дал директивы на север. Адмиралу Корвину угрожала со стороны нижних чинов, считающих его немцем, опасность. По соглашению с караульным начальником он был арестован и отправлен в Думу, где получил свободно

отдельный пропуск, но остается там до отъезда на север. В Кронштадте анархия. Вирена, кажется, убили. Курош арестован. Два члена Думы попробовали восстановить порядок. В Луге и Ораниенбауме возмущение. Я виделся с Родзянко, к которому ездил в Думу с согласия минмора, причем выяснил, что Думский Комитет не вступал в связь со ставкой. Родзянко сказал мне, что вступит в сношение с генералом Алексеевым и с вами, дабы не было несогласных действий. Не откажите сообщить мне для доклада минмору позицию ставки, занятую в этом деле. Здесь приходится действовать по обстоятельствам, чтобы установить порядок и не нарушить интересов войны. Великий князь Кирилл Владимирович с батальоном гвардейского экипажа и вторым экипажем отдали себя в распоряжение Государственной Думы».

***Приказ Временного Комитета Государственной Думы
по городу Петрограду. 2 марта 1917 г.***

«Многие чердаки и крыши домов столицы заняты сторонниками старого порядка, надеющимися на его возвращение и позволяющими себе стрелять в войска и жителей.

Дворникам и управляющим домами предписывается внимательно обыскать все чердаки и крыши и проверить своих квартирантов. О всех подозрительных личностях обязаны немедленно донести военной комиссии Временного Комитета Государственной Думы. Виновные в укрывательстве будут предаваться военному суду. Член Временного Комитета М. Караулов».

***Генерал Аверьянов — генералу Алексееву.
2 марта 1917 года. 17 часов 55 минут.***

«Считаю долгом ориентировать ваше высокопревосходительство об истинном положении в Петрограде.

Временный Комитет прилагает все усилия удержать войска от перехода на сторону крайней левой рабочей партии и поставить их под команду офицеров, но эти усилия разбиваются энергичной пропагандой Совета Рабочих Депутатов. Хотя сегодня и установлено соглашение между Временным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов о необходимости сохранения порядка в войсках и установления связи их с начальниками, но соглашение это ненадежно, и разрушительная работа среди войск продолжается. Для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному Комитету, спасающему монархический строй, повелительно необходимо немедленное осуществление меры, изложенной в телеграмме председателя Государственной Думы, т. е. безотлагательное командирование генерала Корнилова, на доблестном имени коего пришли к соглашению все члены Временного Комитета».

Стенограмма речи А. Ф. Керенского.

«Во время обсуждения Советом вопросов, связанных с организацией Временного Правительства, на заседание Совета явился Керенский и попросил слова для внеочередного заявления. Слово ему было немедленно дано.

— Товарищи! Я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности. Товарищи, доверяете ли вы мне? *(Возгласы на всех скамьях: «Доверяем, доверяем».)* Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно. *(В зале сильное волнение. Керенского приветствуют рукоплесканиями, превращающимися в горячую овацию.)*

Товарищи! В настоящий момент образовалось Временное Правительство, в котором я занял пост министра *(бурные аплодисменты)*. Товарищи! Я должен был дать

ответ в течение пяти минут и потому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего о вступлении в состав Временного Правительства.

Товарищи! В моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук (*бурные аплодисменты, возгласы «правильно!»*).

Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав Временного Правительства в качестве министра юстиции (*новый взрыв аплодисментов*). Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей-депутатов, членов социал-демократической фракции IV Думы и депутатов II Думы (*бурные аплодисменты, переходящие в овацию*). Освобождаются все политические заключенные, не исключая террористов. Я занял пост министра юстиции до созыва Учредительного собрания, которое должно будет, выражая волю народа, установить будущий государственный строй (*бурные аплодисменты*). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитации по поводу формы будущего государственного устройства России, не исключая и республики (*бурные аплодисменты*). Ввиду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочий, я слагаю с себя звание товарища председателя Совета Рабочих Депутатов. Но для меня жизнь без народа невысказана, и я вновь готов принять на себя это звание, если вы признаете это нужным. (*«Просим, просим!»*)

Товарищи, войдя в состав Временного Правительства, я остался тем же, кем был — республиканцем (*шумные аплодисменты*). В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (*Бурные ова-*

ции, возгласы: «Верь, товарищ!») Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, убейте меня! (*Новый взрыв оаций.*) Я заявляю Временному Правительству, что я являюсь представителем демократии, но что Временное Правительство должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть. (*Аплодисменты, возгласы: «Да здравствует министр юстиции!»*)

Товарищи! Время не ждет. Я призываю к организации, дисциплине, прошу вас поддержать нас, ваших представителей, готовых умереть во имя интересов народа и отдавших ему всю свою жизнь.

Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите возможность осуществить все необходимые гарантии свободы до созыва Учредительного собрания (*аплодисменты*).

Товарищи! Позвольте мне вернуться к Временному Правительству и объявить ему, что я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель. (*Бурные аплодисменты, переходящие в оацию, возгласы: «Да здравствует Керенский!»*)

Все встают со своих мест, подхватывают на руки Керенского и из зала общего собрания Совета Рабочих Депутатов несут его в кабинет Исполнительного Комитета».

Генерал Алексеев — генералу Брусилову.

2 марта 1917 года. 18 часов 59 минут.

«Председатель Государственной Думы Родзянко ходатайствует о назначении главнокомандующим Петроградского военного округа командира 25 корпуса генерала Корнилова. Я полагаю, что назначение боевого генерала с популярным именем может повести к более быстрому водворению порядка и успокоению столицы. Одновременно

с сим я испрашиваю разрешения его величества на удовлетворение этого ходатайства. Если согласие государя последует, то генералу Корнилову необходимо срочно выехать в Петроград. До соизволения государя ответа Родзянко не даю».

В. И. Ленин — И.Ф. Арманд. 2 марта 1917 г.

«Дорогой друг!.. Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.III есть телеграмма в «Zurcher Post» и в «Neue Zurcher Zeitung», что в России 14.III победила революция в Питере после 3-х дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все арестованы.

Коли не врут немцы, так правда.

Что Россия была последние дни накануне революции, это несомненно.

Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.! Лучшие приветы!

Ваш Ленин».

Адмирал Непенин — адмиралу Русину и генералу Рузскому для доклада царю. 2 марта 1917 года. 20 часов 40 минут.

«С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины».

Сообщение Петроградского комитета журналистов:

«Состоялось под председательством комиссара Государственной Думы И. В. Титова совещание представителей банков. И. В. Титов обратился к представителям банков с горячей речью, призывая их оказать содействие новому правительству. Представители банков заявили, что они всецело подчиняются Исполнительному Комитету Государственной Думы и готовы оказать ему полное содействие».

Генерал Брусилов — генералу Алексееву.

2 марта 1917 года. 21 час 10 минут.

«Препятствий нет, но согласия Корнилова пока не запрашивал. По совести обязан доложить, что считаю генерала Корнилова мало подходящим именно для этой должности. Он отличается прямолинейностью и чрезмерной пылкостью. Если окажется хорош, буду очень рад».

Калейдоскоп событий. 2 марта 1917 г.

Ночью 2 марта Родзянко послал Гучкова и Шульгина принять отречение царя, о котором еще нужно было договориться, но Родзянко не сомневался в принятии этого решения, несмотря на всем известное упрямство самодержца — нужда заставит.

По пути «представители демократии» связывались по телефону с генерал-адъютантом Николаем Иудовичем Ивановым, который разрушил их последние надежды: солдаты его частью разошлись, частью вернулись на фронт. Он остался один, не сумев даже приблизиться к Петрограду.

С черной тоской в душе Гучков и особенно Шульгин прибыли вечером в Псков. Они вышли на перрон. Напротив стоял ярко освещенный голубой царский поезд.

Посланцы стояли, словно обращенные господом богом в соляные столбы святотатцы, не в силах сделать шаг.

К ним подошел флигель-адъютант:

— Государь ждет вас...

Шульгин шел за флигель-адъютантом как побитая собака, а Гучков с каждым шагом как будто приобретал уверенность, и на лице его начинало светиться почти мрачное торжество: «Говорил ведь я, предупреждал! Не захотел делиться с теми, на ком земля русская держится, так пропади ты пропадом, может, сын твой умнее будет». На путях собралась толпа людей, неизвестно как прознавших о миссии. Они приветствовали Гучкова и Шульгина криками «ура», что вызывало у собравшихся близ поезда чиновников и военных негодование, сдерживаемое опасностью, непривычно исходящей сегодня от этой презираемой ими толпы.

В салон-вагоне их ждали главнокомандующий армией Северного фронта генерал-адъютант Рузский, министр императорского двора граф Фредерикс и начальник военно-походной канцелярии царя свиты генерал-майор Нарышкин. Через несколько минут вошел Николай. Он поздоровался и, пригласив всех сесть, спросил о цели приезда.

Начал Гучков:

— Ваше величество, мы приехали с членом Государственной Думы Шульгиным, чтобы доложить о том, что произошло за эти дни в Петрограде, и вместе с тем посоветоваться о тех мерах, которые могли бы спасти положение.

Генерал Лукомский — генералу Болховитинову.

2 марта 1917 года. 23 часа 32 минуты.

«По полученным сведениям, в настоящее время идет совещание с Гучковым и Шульгиным. Обещаю дать знать

немедленно, как только выяснится результат, и тогда, конечно, будет немедленно сообщено для доклада великому князю».

Калейдоскоп событий. 2 марта 1917 г.

Гучков на мгновение запнулся, по ораторской привычке он передернул — совсем не советоваться они сюда приехали:

— Положение в высшей степени угрожающее: сначала рабочие, потом войска примкнули к движению, беспорядки перекинулись на пригороды. Москва не спокойна. Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранее обдуманного переворота, это движение вырвалось из самой почвы и сразу получило анархический отпечаток, власти стушевались. Я отправился к замещавшему генерала Хабалова генералу Занкевичу и спрашивал его, есть ли у него какая-нибудь надежная часть или хотя бы отдельные нижние чины, на которые можно было бы рассчитывать. Он мне ответил, что таких нет и все прибывшие части тотчас переходят на сторону восставших. Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, мы образовали так называемый Временный Комитет Государственной Думы и начали принимать меры, пытаюсь вернуть офицеров в части и убеждали нижних чинов сохранять спокойствие. Кроме нас заседает еще Комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и его цензурой. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархии, нас, умеренных, сметут, так как это движение начинает нас уже захлестывать. Их лозунг — провозглашение социальной республики. Это движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают дать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт, где лозунг — смести начальство и выбрать себе угодных.

Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители сводного пехотного полка, железнодорожного полка, конвоя вашего величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению. Им сказано, что они должны продолжать охрану тех лиц, которые им были поручены; но опасность все-таки существует, так как толпа теперь вооружена. В народе глубокое сознание, что положение создано ошибками власти, и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя верховного управления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию. Если вы, ваше величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу или от имени регента будет поручено образовать новое правительство; тогда, может быть, будет спасена Россия, я говорю «может быть», потому что события идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и умеренных членов Думы крайние элементы считают предателями, они, конечно, против этой комбинации, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот, ваше величество, только при таких условиях можно сделать попытку водворить порядок. Вот что нам, мне и Шульгину, было поручено вам передать. Прежде чем на это решиться, вам, конечно, следует хорошенько подумать, помолиться, но решиться все-таки не позже завтрашнего дня, потому что завтра мы не будем в состоянии дать совет, и если вы его у нас спросите, то можно будет опасаться агрессивных действий.

Николай выслушал пространную речь Гучкова спокойно — тот не сказал ничего нового — и ответил:

— Ранее вашего приезда, после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности мне следует одновременно отречься и за себя, и за него, так как разлучаться с ним не могу.

Растерявшийся Гучков сумел только промямлить, что «облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти».

В разговор вступил Рузский:

— Его величество беспокоится, что если престол будет передан наследнику, то его величество будет с ним разлучен.

Несколько опешивший Шульгин пробормотал:

— Я не могу дать на это категорического ответа, мы ехали, чтобы предложить то, что мы передали.

Николай в обычной своей манере делать вид, что не слышит того, чего не хочет слышать, перевел разговор на другое:

— Давая свое согласие на отречение, я должен быть уверенным, что вы подумали о том, какое оно произведет впечатление на всю остальную Россию. Не отзовется ли это некоторой опасностью?

Гучков почувствовал себя увереннее, эта тема ему была ближе и яснее:

— Нет, ваше величество, опасность не здесь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобие.

Шульгин подхватил:

— Позвольте мне дать некоторое пояснение, в каком положении приходится работать Государственной Думе.

26-го вошла толпа в Думу и вместе с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону. Левая сторона занята публикой, а мы сохраняем всего две комнаты, где ютится так называемый Комитет. Сюда тащат всех арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы. Некоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управления страной, и только благодаря этому еще некоторый порядок мог сохраниться, не прерывалось движение железных дорог. Вот при каких условиях мы работаем. В Думе ад, это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва. Относительно вашего проекта разрешите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имеет то преимущество, что не будет мысли о разлучении, и, с другой стороны, если ваш брат великий князь Михаил Александрович как полноправный монарх присягнет конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению. У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыстом, который переменил бы все. Я нахожу, что тот акт, на который вы решились, должен сопровождаться и назначением председателем Совета Министров князя Львова, — закончил Гучков свою тираду тем, ради чего, собственно, и произнес ее.

— Я хотел бы иметь гарантию, — сказал Николай, не глядя на гостей, — что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови.

Гучков чуть не позеленел: «Немедленно, во что бы то ни стало избавиться от этого идиота, или он нас всех потянет за собой». Сейчас он проклинал свою нерешитель-

ность — давно, давно уже надо было табакеркой, табакеркой по этому дегенеративному лбу.

Шульгин посмотрел на Гучкова и, видя, что тот не собирается отвечать императору, сказал:

— Может быть, со стороны тех элементов, которые поведут борьбу против нового строя, и будут попытки, но их не следует опасаться. Я знаю, например, хорошо город Киев, который всегда был монархическим, теперь там полная перемена.

— А вы не думаете, что в казачьих областях могут возникнуть беспорядки?

— Нет, ваше величество, — отчеканил Гучков, — казаки все на стороне нового строя. Ваше величество, в вас заговорило человеческое чувство отца, и политике тут не место, так что мы ничего против вашего предложения возразить не можем. Важно только, чтобы в акте вашего величества было указано, что преемник ваш обязан дать присягу конституции.

Разговор пошел веселее. Собеседники улыбались, но теперь уже не скрывали, что отлично поняли друг друга и ненавидят друг друга от всей души. Впрочем, к Шульгину это не относилось. Он на всю свою долгую жизнь остался убежденным монархистом.

— Хотите еще подумать? — спросил Николай. И это прозвучало издевкой — они приехали заставить его отречься, а он предлагает им подумать над своим предложением. Но последнее слово все-таки остается за ними. Последними сейчас смеяться им, а не ему.

— Нет, я думаю, что мы можем сразу принять ваши предложения, — ответил Гучков. — А когда бы вы могли совершить самый акт? Вот проект, который мог бы вам пригодиться, если бы вы пожелали из него что-нибудь взять.

У Николая передернулась губа, он встал и, ответив, что проект уже составлен, вышел в соседнюю комнату. Там он исправил документ, написав вместо имени сына имя брата Михаила и, приказав переписать манифест, в 11 часов 40 минут вечера передал его Гучкову.

Прочитав манифест, Гучков едва заметно пожал плечами, словно сожалея, что этот никчемный человек даже на краю пропасти не хочет отказаться от своего упрямства и первобытных хитростей, а затем спокойно попросил вставить в документ фразу о присяге Конституции.

Уже отрекшись от престола, Николай написал указы о назначении князя Львова председателем Совета Министров, а великого князя Николая Николаевича — главнокомандующим. Чтобы не создавалось впечатление, что решение об отречении принято под давлением, на манифесте было проставлено время отречения — 3 часа дня, а на указах — 2 часа дня, «дабы не лишить их законной силы». Выйдя из вагона, Гучков крикнул в толпу, стоявшую у царского поезда:

— Русские люди, обнажите головы, перекреститесь, помолитесь богу... Государь император ради спасения России снял с себя свое царское служение. Россия вступает на новый путь!

Старый демагог, всю жизнь мечтавший так подправить монархию, чтобы она существовала вечно, даже не догадывался, насколько его последние слова близки к истине.

Дневник Николая Романова:

«2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц.-дем. партия в лице рабочего комите-

та. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 $\frac{1}{2}$ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман».

Генерал Болдырев — генералу Лукомскому.

3 марта 1917 года. 00 часов 28 минут.

«Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который будет по подписании государем вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена».

Генерал Клембовский — Воейкову.

3 марта 1917 года. 00 часов 55 минут.

«Из Царского Села по телефону передают, что генерал Гротен, князь Путятин, полковник Герарди и полковник Терехов арестованы в Ратуше. Сообщаю для сведения».

Генерал Иванов — генералу Алексееву.

3 марта 1917 года. 1 час 30 минут.

«До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке движения моего поезда. Прошу принятия экстренных мер для восстановления порядка среди железнодорожной администрации, которая, несомненно, получает директивы Временного Правительства».

Гучков и Шульгин — начальнику Главного штаба.

3 марта 1917 года. 1 час 45 минут.

«Просим передать председателю Думы Родзянке: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции. Поручение образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно верховным главнокомандующим назначается великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно. Сообщите немедленно в Псков положение дел в Петрограде».

Генерал Алексеев — генералам Эверту, Брусилову,

Сахарову и адмиралу Русину.

3 марта 1917 года. 3 часа 23 минуты.

«От наштасева мною получена телеграмма об отречении. Прошу ее срочно передать во все армии и начальникам главных военных округов, входящих в состав фронта. По получению по телеграфу манифеста таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и, кроме того, напечатан и разослан в части».

Генерал Алексеев — главнокомандующим фронтами, начальнику Морского штаба Верховного главнокомандующего, командующим войсками военных округов.

3 марта 1917 года. 6 часов 45 минут.

«Председатель Государственной Думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, ввиду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать соответствующие распоряжения,

ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа».

Адмирал Непенин — адмиралу Русину.

3 марта 1917 года. 8 часов 00 минут.

«В Гельсингфорсе задержал, пытаюсь задержать в Абозиции и Монзиции. В Ревеле уже объявлено, расклеено и получило широкую огласку. В Ревеле беспорядки временно прекратились».

Калейдоскоп событий. 3 марта 1917 г.

Приехав в Петроград, Шульгин с вокзала позвонил в Думу. К телефону подошел Милюков и закричал в трубку:

— Василий Витальевич, прошу вас и умоляю акта отречения не оглашайте! Народ возбужден до предела! С тех пор как вы уехали, настроение сильно ухудшилось. Это отречение никого уже не удовлетворяет. Не делайте дальнейших шагов, могут быть несчастья...

А Гучков, оставив Шульгина у телефона, уже был в железнодорожных мастерских. Разговора Милюкова с Шульгиным он не слышал и теперь объявлял рабочим, что царь отрекся от престола в пользу великого князя Михаила и сформировано «демократическое» правительство во главе с князем Львовым.

Генерал Брусилов — генералу Алексееву.

3 марта 1917 года. 9 часов 42 минуты.

«Распоряжения сделаны. В трех армиях манифест задержан в штабах армий и лишь в одной — в штабах корпусов. В Киевском округе объявить его не успели. Не откажите возможно скорее ориентировать меня, что крайне необходимо».

Генерал Данилов — командующим 1-й, 5-й, 12-й армиями и командующему 42-м корпусом.

3 марта 1917 года. 9 часов 45 минут.

«Необходимо принять все меры к борьбе с бродяжничеством в тылу, сократить до крайнего предела выдачу пропусков в армии, установить контроль на железных дорогах, на пропускных пунктах, кои менять чаще, дабы к наличию их не приспособились, установить службу разъездов и облав. Цель этого — изолировать войска от возможного проникновения агитаторов, а также не допустить образования в тылу шаек грабителей и бродяг. К последним главкосев приказывает применять самые беспощадные меры».

Калейдоскоп событий. 3 марта 1917 г.

— Князь! — раздался крик из толпы рабочих, и один из них выскочил вперед.

— Так вот, товарищи, для чего мы революцию делали! От князей и графов все терпели и на тебе! Министром финансов — Терещенко! А кто такой господин Терещенко? Сахарных заводов штук десять, земли десятин тысяч сто да деньжонок миллионов тридцать наберется!

Рабочие закрыли двери мастерских и обступили Гучкова:

— Давай грамоту! В ключья ее!

Но манифеста у Гучкова уже не было.

В 10 часов утра в Петрограде на Миллионной улице в квартире князя Путятина состоялось совещание думцев и великого князя Михаила. Мнения собравшихся разошлись.

— Я не вправе скрывать здесь, каким опасностям вы лично, ваше высочество, подвергаетесь в случае решения

принять престол. Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества, — говорил Керенский.

Милюков убеждал Михаила принять престол, заявляя, что он просто не имеет права отказаться:

— Если вы, ваше высочество, откажетесь, будет гибель, потому что тогда Россия потеряет свою ось. Монарх — это ось. Монархия — это единственное возможный в России центр. Это — единственно общее, что все знают, единственное понятие о власти. Если вы откажетесь, будет ужас. Без монарха Временное правительство будет лишь утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений. Без царя стране грозит потеря всякого сознания государственности, а Временное правительство не доживет до Учредительного собрания.

Разговор по прямому проводу представителя Морского штаба Верховного главнокомандующего с Главным морским штабом. 3 марта 1917 года. 10 часов 20 минут.

«Гончаров: Скажите, как обстановка?»

Альтфатер: Обстановка значительно спокойней, постепенно все налаживается.

Гончаров: Вчера распространился слух, что вчера была произведена резня офицеров, и наморштаверх просит узнать, все ли офицеры здоровы.

Альтфатер: Все это сплошной вздор. Все живы и здоровы.

Гончаров: Наморштаверх просит также выяснить, сильно ли в настоящее время правительство Государственной Думы или авторитет его уже поколеблен.

Альтфатер: Полагаю, что сильно.

Гончаров: Если что-либо изменится в обстановке, наморштаверх просит немедленно ставить в известность.

Альтфатер: Я пошлю сегодня подробнейшую телеграмму обо всем, не могу этого сделать сейчас, ибо не имею времени — у нас у всех масса работы».

Генерал Квецинский — генералу Лукомскому.

3 марта 1917 года. 11 часов 15 минут.

«Объявление того или иного манифеста войскам должно быть произведено с должной торжественностью, с совершением богослужения о здравии восшедшего на престол монарха. Поэтому главнокозп считает желательным, чтобы протопресвитером были преподаны военному духовенству соответственные указания».

Командующий флотом Черного моря адмирал Колчак —

адмиралу Русину. 3 марта 1917 года. 14 часов 30 минут.

«Секретная. Для сохранения спокойствия нахожу необходимым объявить вверенным мне флоту, войскам, портам и населению, кто в настоящее время является законной верховной властью в стране — кто является законным правительством и кто верховный главнокомандующий. Не имея этих сведений, прошу их мне сообщить. До настоящего времени в подчиненных мне флоте, войсках, портах и населении настроение спокойное».

Генерал Алексеев — генералу Эбелову.

3 марта 1917 года. 15 часов 10 минут.

«Все распоряжения нового правительства должны исполняться, в том числе и освобождение политических осужденных».

Генерал Сухомлин — генералу Лукомскому.

3 марта 1917 года. 16 часов 30 минут.

«Генерал-лейтенант Корнилов отправился из Луцка экстренным поездом в 3 часа 35 минут 3 сего марта по новому назначению».

Калейдоскоп событий. 3 марта 1917 г.

По предварительному согласию, каждый из присутствовавших на совещании в квартире Путятина мог выступить только один раз, но Милюков после выступлений других участников собрания снова взял слово, не обращая внимания на их протесты, и опять принялся убеждать Михаила:

— Хотя правы те, кто ссылается на соображения личной безопасности, надо рискнуть. Вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу.

Его поддержал Гучков, но виновник собрания отказался от высокой чести принять терновый венец мученика за великую идею монархии. В 6 часов вечера он подписал манифест об отречении.

В.И. Ленин — А.М. Коллонтай. 3 марта 1917 г.

«Дорогая А. М.! Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(4).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков+Гучков+Керенский у власти!!. По «старому» европейскому шаблону..

Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся... против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К^о.

Все наши лозунги те же. В последнем номере «Социал-Демократа» мы говорили прямо о возможности правительства «Милюкова с Гучковым, если не Милюкова с Керенским». Оказалось и — и: все трое вместе. Премило! Посмотрим, как-то партия народной свободы... даст народу свободу, хлеб, мир...»

Калейдоскоп событий. 3 марта 1917 г.

Морозным утром 3 марта Ломоносов ехал на вокзал в открытом автомобиле, с трудом пробирающемся че-

рез толпы ликующего народа. Заметив Лебедева, медленно шедшего в шубе с поднятым воротником, Ломоносов окликнул его, но тот, едва заметно покачав головой, продолжал идти.

Ломоносов приказал шоферу развернуть автомобиль. Они догнали Лебедева на одной из малолюдных улиц. Он влез в машину и на вопрос Ломоносова: «Где же акт, где Гучков?» — зашептал ему на ухо:

— Акт вот, — и сунул Ломоносову в руку сверток.

— Гучков арестован рабочими.

— Что?! — переспросил Ломоносов, дрожащей рукой запихивая в боковой карман пальто бумагу.

— В министерстве расскажу, — пробормотал Лебедев, обессиленно откинувшись на спинку сиденья. Приехав в министерство, они поднялись в кабинет Бубликова. Там было несколько чиновников.

— Ну что? Как? — почти крикнул им из-за стола Бубликов.

— Ничего, но... — Ломоносов замялся, глядя на пол, потом решительно сказал:

— Александр Александрович, у меня есть к вам одно сообщение совершенно доверительного характера.

Когда они остались наедине, Бубликов обеспокоенно и в то же время недовольно спросил:

— В чем дело?

— Гучков арестован... Акт отречения вот...

— Достукался, — сказал Бубликов после минутного молчания. — Итак, будем присягать Михаилу... Да, а с Гучковым-то что?

— Когда поезд пришел в Петроград, его встретило порядочно народу, — начал Лебедев. — Потом он пошел на митинг в мастерские.

— Старый авантюрист, — пробормотал Бубликов.

— Когда я приехал на вокзал, он уже был в мастерских, а Шульгин сидел в кабинете начальника станции.

Было известно, что в мастерских беспокойно, настроение было тревожное. Затем из мастерских передали, что Гучков арестован, акта у него не нашли и идут обыскивать других депутатов, чтобы уничтожить акт.

— Зачем?

— «Товарищи» да и все остальные желают низложить царя, кажется... отречения им мало.

— Ну, а потом?

— Мне передали акт, я потихоньку, закоулками, выбрался да и дал тягу.

— А Гучков и Шульгин?

— Не знаю.

— Я сейчас буду разговаривать с Родзянко, а вы, господа, узнайте, что с депутатами.

По телефону узнали, что Гучкова отпустили и он вместе с Шульгиным уехал в Думу. С этим известием Ломоносов вернулся в кабинет Бубликова.

Неряшливо одетый, с отеком от недосыпания лицом, Бубликов бегал по комнате и кого-то громко проклинал. Из его довольно бессвязных слов Ломоносов понял, что в городе положение примерно такое же, как на вокзале. Большинство рабочих против отречения. С раннего утра в Думе между Временным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов идут об этом горячие споры. Совет усилен солдатскими депутатами.

— Грамоту ищут по всему городу, возможно, и сюда придут. Где она? — обеспокоенно спросил Бубликов.

— У меня в кармане.

— Это не годится. Надо спрятать.

— Положить в нескораемый шкаф, приставить караул?

— Нет, положить в самое незаметное место... И не в этой комнате, конечно. Сохранение этой грамоты или несхранение положения не изменят, но все-таки... во-первых, отречение освобождает войска от присяги, во-вторых, уничтожение акта окрылит черные силы.

— А не снять ли нам с него несколько копий?

Подлинник спрятали среди старых запыленных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в секретариате.

— Ну, а теперь по копии можно начать печатание.

— Нет, надо запросить Думу, — возразил Бубликов.

— Зачем? Ведь, чем скорее грамота будет напечатана, тем скорее весь этот шум прекратится. Да и набор, корректура, печать — все это требует времени. А кроме того, наборщики ждут.

— Нет, надо сделать запрос.

Через несколько минут последовал приказ: «Не печатать, но наборщиков не распускать».

Разговор в Думе:

«Сижу я в зале час, другой... Скучно. Подсаживается ко мне старичок в пиджаке, благообразный такой. Заговорили. Потом он представляется: «Великий князь Николай Михайлович (известный историк)». Ну, я тоже кланяюсь: «Присяжный поверенный Сидельников». Продолжаем беседу. «Сколько раз, — говорит, — я ему, дураку, объяснял, чем это кончится. Не слушал, вот и дождался. В декабре, уж своей шкуры ради, собрались мы, великие князья, и послали ему депутацию: заточай жену, давай ответственное министерство. И слушать не стал. Без воли всегда был, а жена и последние остатки у него отняла».

Генерал Алексеев — генералу Квецинскому.

3 марта 1917 года. 18 часов 00 минут.

«Вследствие телеграммы наштазапа о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов,

по означенному вопросу был запрошен председатель Государственной Думы, который сообщил, что никаких депутатий не посылалось. Таким образом, по-видимому, начинают уже появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций таковые желательнее не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение.»

Адмирал Непенин — адмиралу Русину.

3 марта 1917 года. 19 часов 30 минут.

«На «Андрее», «Павле» и «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийский флот как военная сила сейчас не существует. Что могу сделать? Дополнение. Бунт почти на всех судах».

Калейдоскоп событий. 3 марта 1917 г.

У Думы, несмотря на поздний час, стояла толпа. Ломоносов вошел в полутемный Екатерининский зал. Всюду люди, разбившиеся на кучки. Преобладали солдаты. Посреди зала к Ломоносову на шею бросился знакомый профессор и, захлебываясь, стал объяснять значение происходящих событий.

Не без труда отделавшись от него, Ломоносов стал расспрашивать встречаемых, где Думский Комитет, министры. Никто не знал. Его посылали то в одну комнату, то в другую. Так, бродя по всему дворцу, он подошел к двери, где на часах стояли юнкера.

Они подтвердили, что Временный Комитет Думы и правительство заседают здесь, но пустить его отказались.

Была уже половина девятого вечера, и положение, в котором очутился Ломоносов было довольно смешным, если не сказать больше. Сдерживая гнев, он прохаживался перед закрытыми дверями, бросая на юнкеров взгляды, полные негодования. Вдруг заветные двери отворились и вышел его старинный знакомый. Ломоносов отвел его в сторону и объяснил свое положение.

Депутат провел его мимо юнкеров в небольшую комнату, где сидели в полумраке группками депутаты и министры. Направо была дверь во вторую комнату. Эти две комнаты и составляли помещение Временного Комитета.

«Зачем Родзянко ушел из своего роскошного кабинета? Зачем Комитет спрятался где-то на задворках?» — в растерянности спрашивал себя Ломоносов.

— Господа! — провозгласил депутат, знакомый Ломоносова. — Вот привезли отречение Николая!

Никто не проявил особого интереса, разговоры прервались на секунду — внимание отвлек шум громкого голоса, и снова все говорили.

Подошли Милюков и Владимир Львов. Начали рассматривать акт, вертя его во все стороны, словно неграмотные. Чувствовалась какая-то растерянность.

Ломоносов шел в святилище русской революции, к героям, опрокинувшем трон, а застал каких-то испуганных пигмеев. В министерстве жизнь была ключом, здесь было мертвое царство. Вся обстановка, настроение, лица создавали впечатление, что в соседней комнате покойник.

Ломоносову стало так тоскливо, больно, точно он внезапно попал на похороны близкого человека, на похороны своей мечты. Из другой комнаты его увидел Некрасов, подошел и спросил, зачем он здесь.

— Я привез отречение Николая.

— Давайте его мне.

— Извините, но я отдам его или председателю Совета Министров как главе государства Российского, или министру юстиции как Генеральному Прокурору.

— Но их нет, а у вас, вероятно, в министерстве дела... Да, наконец, я ваш начальник!

— Во-первых, вы еще не вступили в должность министра путей сообщения, во-вторых, я условился с другими хранителями этого документа отдать его в руки главе правительства, а в-третьих, я должен получить от князя Львова текст отречения Михаила.

— Ну, как хотите.

И Некрасов, пожав плечами, отошел.

Пошел десятый час, но князя все не было. Пришли Терещенко и Коновалов.

Из разговоров Ломоносов понял: только что состоялось еще два назначения — Стаховича — министром по делам Финляндии, Кокошкина — по делам Польши. Кто-то из «министров» спросил Ломоносова, каким путем можно немедленно доставить Кокошкина в Петроград, ибо это необходимо к завтрашнему заседанию.

— Очень просто. Около одиннадцати из Москвы отходит скорый поезд. Утром он будет в Петрограде. Я сейчас прикажу оставить ему отделение.

— Пожалуй, он не успеет к одиннадцати.

— Тогда я назначу экстренный поезд, раз необходимо. Услышав его слова, присутствующие переглянулись.

— Сколько же времени это займет?

— Ну, само назначение — пять-шесть минут. Только будьте любезны сговориться с Кокошкиным по телефону и сказать мне точно, когда он будет на вокзале. А то мы запутаем движение.

Через несколько минут Кокошкин сообщил, что часа в два поезд будет готов.

— Что в два, что в три — это безразлично. Все равно экстренный поезд упрется в пучок скорых. Я сейчас даю назначение по телефону в три, только, пожалуйста, предупредите Кокошкина, чтобы он ни на минуту не задержал поезд.

Ломоносов начал диктовать по телефону, обернулся, чтобы спросить номер телефона Кокошкина в Москве, и увидел, с каким священным трепетом и ужасом смотрели на него господа «министры», когда он совершал такую простую операцию, как назначение поезда. И опять профессору показалось, что он попал не туда, куда шел. Неужели эти бессильные и безвластные люди — Временное Революционное Правительство?

Около половины одиннадцатого появился князь Львов. Испуганный, растерянный, он привез отречение Михаила. Подождали еще немного Керенского.

Для того чтобы отпустить Ломоносова, начали заседание с вопроса об опубликовании актов.

— Как назвать эти документы?

— По существу это манифесты двух императоров, — заявил Милюков.

— Но, — возразил Набоков, — Николай придал своему отречению иную форму — форму телеграммы на имя начальника штаба. Мы не можем менять эту форму.

— Пожалуй. Но решающее значение имеет отречение Михаила Александровича. Оно написано вашей рукой, Владимир Дмитриевич, и мы можем его вставить в любую рамку. Пишите: «Мы, милостью Божией, Михаил II,

Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая и прочая... объявляем всем верноподданным нашим: Тяжелое бремя...»

— Позвольте, позвольте, да ведь он не царствовал!

— С момента отречения Николая Михаил являлся законным императором Михаилом II, — поучающим тоном, словно школьникам, объяснил Набоков. — Он почти сутки был императором... и только отказался воспринять верховную власть.

— Раз не было власти, не было царствования!

— Жестоко ошибаетесь. А малолетние и слабоумные монархи?!

Дневник Николая Романова:

«3 марта. Пятница. Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный...»

Генерал Данилов — генералу Алексееву.

4 марта 1917 года. 1 час 00 минут.

«По указанию главкосева докладываю для доклада его величеству телеграмму: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу вас не отказать повергнуть к стопам его величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха. 3 марта, 14 часов 45 минут. Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский».

Князь Львов — генералу Алексееву.

4 марта 1917 года. 3 часа 50 минут.

«Второго сего марта последовало отречение от престола государя императора Николая II за себя и за своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. Третьего марта Михаил Александрович отказался вос-

приятъ верховную власть впредь до определения Учредительным Собранием формы правления и призвал население подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до созыва Учредительного Собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа».

Генерал Алексеев — Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу.

4 марта 1917 года. 11 часов 01 минута.

«Всеподданнейше доношу, что от адмирала Непенина получена следующая телеграмма: «Собрал депутатов от команд и путем уговоров удалось прекратить кровопролитие и беспорядок. Линейные корабли «Павел» и «Андрей» все еще во власти команд. На прочих судах постепенно восстанавливается подчинение, кроме крейсера «Россия», о котором пока не имею сведений. Разрешил на завтра в отведенном помещении собрание депутатов от команд, куда направлю прибывших депутатов. Морские команды дали обещание прекратить кровопролитие и радиотелеграфирование. Также окончательно установлен порядок в Ревеле. Через депутатов передал командам, пролившим кровь офицерскую, что я с своей стороны крови не пролью, но оставить их в командах не могу — виновных же пусть разберет Временное Правительство. Непенин».

В.И. Ленин. 4 марта 1917 г.:

«Весь манифест нового правительства от 17.ІІІ внушает самое полное недоверие, ибо он состоит только из обещаний и не вводит в жизнь немедленно ни одной из самых насущных мер, которые вполне можно и должно бы осуществить тотчас».

**Генерал Алексеев — вел.кн. Николаю Николаевичу.
4 марта 1917 года. 12 часов 08 минут.**

«Всепогоднейше доношу, что с поездом 20 час. 15 мин. 3 сего марта его величество изволил прибыть в ставку, где, согласно полученным мною сведениям, его величество предполагает пробыть несколько дней. Когда выяснится, сколько времени его величество предполагает здесь пробыть, немедленно донесу Вашему императорскому высочеству».

В.И. Ленин. 4 марта 1917 г.:

«...Новое правительство, захватившее власть в Петербурге или, вернее, вырвавшее ее из рук победившего в геройской кровавой борьбе пролетариата, состоит из либеральных буржуа и помещиков... Новое правительство состоит из заведомых сторонников и защитников империалистской войны с Германией...».

В.И. Ленин — А.М. Коллонтай. 4 марта 1917 г.

«Дорогая А. М.! Сейчас получили Вашу телеграмму, формулированную так, что почти звучит иронией (извольте-ка думать о «директивах» отсюда, когда известия архискудны, а в Питере, вероятно, есть не только фактически руководящие товарищи нашей партии, но и формально уполномоченные представители Центрального Комитета!)...

По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде Троцкого и К.) и продолжать работу своей партией в последовательном-интернациональном духе...

Сейчас — добивать реакцию, ни тени доверия и поддержки новому правительству... и вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа.

P.S. Боюсь, что болезнью повальной теперь будет в Питере «просто» увлечение, без систематической работы над партией нового типа... Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях, и им доказать, что мир даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть».

Телеграмма депутатов кораблей Балтийского флота адмиралу Непенину. 4 марта 1917 года. 12 часов 17 минут.

«Вся команда судов, потерявшая к Вам доверие, требует временного прекращения издания Ваших приказов и телефонограмм, которые будут только двоить и ухудшать создавшееся положение. У команды временно организуется комитет, который и будет управлять впредь до установления полного порядка. Депутаты кораблей».

Адмирал Григоров — генералу Рузскому. 4 марта 1917 года. 16 часов 00 минут.

«В воротах Свеаборгского порта адмирал Непенин убит выстрелом из толпы. С утверждения морского министра в командование флотом вступил вице-адмирал Максимов».

В.И. Ленин — И.Ф. Арманд. 5 марта 1917 г.

«Дорогой друг!.. Вчера... прочел об амнистии. Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать. Жму руку. Ваш В. У.»

Генерал Алексеев — Львову, Родзянко и Гучкову.

4 марта 1917 года. 17 часов 22 минуты.

«Главкомандующий Северного фронта указывает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте».

Записка Николая Романова. 4 марта 1917 г.

«Потребовать от Временного Правительства след. гарантии:

1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.

2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.

3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.

4) О проезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму — в Ливадии».

Генерал Алексеев — Гучкову.

6 марта 1917 г. 3 часа 00 минут.

«Необходимость отъезда немедленного из Могилева графа Фредерикса и генерала Воейкова вытекала из недружелюбного к ним отношения значительного числа чинов гарнизона, состоящего главным образом из частей, ранее подчиненных дворцовому коменданту. Опасаясь при настоящем повышенном общем настроении или ареста этих генералов, или какого-либо резкого проявления неуважения, особенно в присутствии отрекшегося государя, предпочел дать совет обоим уехать из Могилева и из

состава чинов свиты. Совет принят, и 5 марта они просили обеспечить им выезд из Могилева и следование к избранным местам временного пребывания».

Князь Львов — генералу Алексееву.

6 марта 1917 г. 12 часов 04 минуты.

«Временное правительство разрешает все три вопроса утвердительно: примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане».

В.И. Ленин — В.А. Карпинскому. 6 марта 1917 г.

«Дорогой Вяч. Ал! Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма. Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию (и Голландию) в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике. Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисерьезно в горах, где за пансион мы за Вас заплатим, разумеется. Если согласны, начните немедленно подготовку самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ваш Ленин.

Обдумайте все практические шаги в связи с этим и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами все останется в секрете абсолютном».

Генерал Алексеев — Львову и Гучкову.

6 марта 1917 г. 19 часов 12 минут.

«Прошу принять во внимание, что догнать бурное развитие невозможно, события несут нас, а не мы ими управляем».

В.И. Ленин — В.А. Карпинскому. 7 марта 1917 г.

«План Мартова хорош¹: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п., что и в Женеве можно сделать) с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие испортит все. Но план, сам по себе, очень хорош и очень верен».

**Из приветствия броневозного дивизиона Особой армии
солдатам запасного броневозного автомобильного дивизиона.
7 марта 1917 г.**

«С чувством глубочайшего восхищения, гордости и искренней радости читаем золотые слова о вашем участии в святом деле создания свободной России».

В.И. Ленин. 7 марта 1917 г.

«Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней...

...Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы

¹ План по возвращению В.И. Ленина в Россию через Германию. — *Примеч. ред.*

должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции.»

В.И. Ленин — В.А. Карпинскому. 8 марта 1917 г.

«Дорогой товарищ! Очень и очень благодарен за информацию. Ни на реферат, ни на митинг я теперь не поеду, ибо надо писать ежедневно в «Правду» в Питер. Лучшие приветы! Ваш Ленин».

Генерал Брусилов — генералу Алексееву.

8 марта 1917 г. 14 часов 00 минут.

«Политическая обстановка чрезвычайно усложнилась в тылу и перенесена в войска. Необходимо лично воздействовать во все стороны, поэтому приходится снять вензеля, которые очень затруднили бы мое положение».

Посол Англии Бьюкенен — генералу Виллиамсу.

8 марта 1917 г. 17 часов 15 минут.

«Министр иностранных дел заявил мне сегодня, что для великого князя Николая Николаевича представляется невозможным сохранить верховное командование ввиду весьма сильной и обширной оппозиции в стране.

Правительство дало телеграфное распоряжение в Ростов остановить его поездку в Ставку, причем надеются склонить его к добровольному отказу. Если он этого не сделает, правительство будет поставлено в затруднительное положение. Я официально запрашивал сегодня новое правительство и признаю чрезвычайно важным оказать ему возможно полную моральную поддержку.

Знаю, что назначение великого князя было бы желательно во многих отношениях, но отказ с его стороны принять решение правительства явился бы сильным уда-

ром престижу последнего и мог бы иметь гибельные последствия. Я счел соответственным сообщить Вам их соображения.»

*Из разговора по прямому проводу штаб-офицера
Главного Морского штаба капитана 1-го ранга Альтфатера
с капитаном 2-го ранга Романовым о положении в Кронштадте.
8 марта 1917 г.*

«Романов: Со слов приехавшего из Кронштадта офицера, положение там рисуется не таким, как я сегодня утром говорил. В городе внешний порядок, пьянства почти не было и теперь абсолютно нет. Всем ведает «Комитет движения» из выборных от воинских и морских команд, который признает на словах Совет рабочих депутатов, но не признает правительства. Человек двенадцать офицеров свободны и выбраны командирами и начальниками. Однако 90 процентов всех офицеров арестованы и охраняются. Офицерам свободно нельзя ходить в погонах, которые срываются, очевидно, худшими элементами из экипажа. Количество убитых неизвестно, но, по впечатлению капитана 1-го ранга Вейнера, их не так много, как предполагалось, многие, считавшиеся убитыми, арестованы, например Курош, Рейн. Наблюдаются в массе признаки растерянности, и интересуются; как в других местах. Заводы уже частью работали, и сегодня утром в 7 час. 30 мин. был обычный фабричный гудок...»

*Генерал Алексеев — генералу Брусилову.
8 марта 1917 года. 20 часов 25 минут.*

«Сам отрекшийся от престола император, понимая положение, дал разрешение снять вензеля, аксельбанты теперь же. Отмена званий пройдет установленным порядком, вопрос направлю только по приезде Верховного главнокомандующего».

В.И. Ленин — Я.С. Ганецкому. 9 марта 1917 г.

«Дорогой друг! Я только что отослал ускоренной почтой два письма с двумя статьями для петроградской «Правды» в Христианию... Я надеюсь, что Вы немедленно будете посылать мне «Правду» и все другое в таком же роде, не правда ли? Прошу телеграфировать мне немедленно по получении этого письма... Привет, рукопожатие и поздравления!»

Радиотелеграмма, принятая радиостанцией Морского штаба от неизвестной станции. 18 часов 00 минут. 9 марта 1917 г.

«Срочное сообщение всем. От Исполнительного Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов. По всем железным дорогам и другим путям сообщения, комиссарам, местным комитетам, воинским частям.

В сем сообщается вам, что предполагается побег Николая Второго за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает задержать бывшего царя и немедленно сообщить Исполнительному Комитету — Петроград, Таврический дворец — для дальнейшего распоряжения.

Председатель Исполнительного Комитета Чхеидзе.
Товарищ председателя Скобелев».

*Военный министр Франции — генералу Жанену.
9 марта 1917 г.*

«Согласно поданной вами мысли, наши социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям в смысле продолжения войны до крайности».

В.И. Ленин — А.В. Луначарскому. 11 марта 1917 г.

«...Самостоятельность и особенность нашей партии, никакого сближения с другими партиями — для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через демократический переворот к коммуне нельзя, а другим целям служить я не стал бы...

С товарищеским приветом *Ленин*».

В.И. Ленин. 11 марта 1917 г.

«Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории», вместо того чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего руководство к действию».

В.И. Ленин — И.Ф. Арманд. 12 марта 1917 г.

«...Из революции нельзя делать «божка». Керенский — революционер, но пустомеля, лгунишка, обманщик рабочих. Почти несомненно, что даже в СПб. Совете рабочих и солдатских депутатов большинство одурачено им (при помощи колеблющегося и путающего Чхеидзе). А что будет с деревней?»

Вполне возможно, что на время действительно большинство и рабочих и крестьян будет за империалистскую войну (которую Гучковы+Милюковы выдают за «защиту республики»)...

В Россию, должно быть, не попадем!! Англия не пустит. Через Германию не выходит.

Привет! *Ленин*».

В.И. Ленин — Я.С. Ганецкому. 17 марта 1917 г.

«Ваш план неприемлем. Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная

надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов».

В.И. Ленин — Р. Гриму. 18 марта 1917 г.

«Национальному советнику Гриму. Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более, чем на десять участников поездки.

Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться, и, если возможно, завтра же сообщить нам решение.

С благодарностью Ленин».

Донесение генерала Баранцова генералу Каледину:

«Представляя рапорт начальника 3-й Кавказской казачьей дивизии, доношу, что по заявлению начальников 11-й и 12-й дивизий в частях, несомненно, среди солдат идет агитация. Пропагандируется лишь оборонительная война. Между офицерами и солдатами образуется все большая и большая пропасть. Невзирая на беседы, на разъяснения, солдаты не верят офицерам».

В.И. Ленин — Я.С. Ганецкому. 26 марта 1917 г.

«Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген и Стрем пусть обязательно ожидают в Треллеборге. Вызовите срочно Беленина, Каменева в Финляндию.

Ульянов».

Подписка участников проезда через Германию:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

- 1) что условия, установленные Платтенем с германским посольством, мне объявлены;
- 2) что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки, Платтена;
- 3) что мне сообщено известие «Pettit Parisien», согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;
- 4) что всю политическую ответственность мою за поездку я принимаю на себя;
- 5) что Платтенем мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

Н. Ленин.

9 апреля (н. ст.) 1917. Берн — Цюрих».

Из ответов В. И. Ленина корреспонденту газеты «Politiken» 31 марта 1917 года, Стокгольм:

«Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию как можно скорее, — с жаром сказал Ленин. — Дорог каждый день. Правительства приняли все меры, чтобы затруднить поездку.

— Вы встречались с кем-нибудь из немецких товарищей по партии?

— Нет. Вильгельм Янсон из Берлина пытался встретить нас в Лингене у швейцарской границы. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намек на то, что он хочет избавить Янсона от неприятностей такой встречи».

Калейдоскоп событий. 3 апреля 1917 г.

Была уже ночь. Над гигантскими толпами людей горели тысячи факелов, прожекторы мощными лучами резали темноту.

Рабочие и солдаты с пением революционных песен все подходили и подходили к Финляндскому вокзалу.

Когда в Кронштадте было получено известие о прибытии Ленина, матросы, организовав отряд почетного караула, на ледоколе пошли в Питер. Они вбежали на вокзал перед самым приходом поезда. Паровоз медленно втянул состав под навес.

Встречающие бросились к вагонам, нетерпеливо высматривая, где же Ленин.

Ленин и Крупская вышли из пятого вагона.

— Смирно! — пронесся приказ над почетным караулом, над частями гарнизона, над рядами рабочих. Все замерли. На мгновение наступила необыкновенная тишина, потом заиграли военные оркестры и грянуло такое «ура!», что вздрогнула земля.

Владимир Ильич радостно здоровался с товарищами, многих из которых он не видел с тех пор, как началась его десятилетняя эмиграция.

Почетный караул, оркестр — видно было, что Ленину даже не приходит мысль о том, что все это — ради него — всего несколько минут назад он расспрашивал встретивших его на финляндской границе товарищей — сразу ли его арестуют, на что они только смеялись и загадочно молчали. Поздоровавшись со всеми, он спокойно направился к общему выходу из вокзала. Раздалось оглушительное «ура», Ленин приостановился и с недоумением спросил:

— Что это?

— Это приветствуют вас революционные войска и рабочие Петрограда.

Начальник почетного караула, чеканя шаг, подошел к Ленину и отрапортовал. Владимир Ильич, слегка растерявшийся от неожиданности происходящего, машинально поднес руку к полям шляпы. Бонч-Бруевич тихо ска-

зал ему, что матросы просили его выступить перед ними с речью.

Ленин прошел несколько шагов вдоль шеренги матросов, остановился, снял шляпу:

— Матросы, товарищи, приветствуя вас, я еще не знаю, верите ли вы всем посулам Временного Правительства, но я твердо знаю, что, когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают — вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бесхлебье, на земле оставляют помещика... Матросы, товарищи, нам нужно бороться за революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата! Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Ленина провели в парадные, «царские» комнаты вокзала, где его приветствовали председатель Исполкома Чхеидзе и его заместитель Скобелев.

Приветствие это, видимо, имело вкус лимона — такие кислые физиономии были у председателя и его товарища.

Когда Ленин вышел из дверей вокзала, снова воздух вздрогнул от громового «ура».

Звуки оркестров, песни, приветственные крики неслись над городом.

Часть вторая

ОКТАБРЬ

Из протокола заседания ЦК РСДРП(б) 3 октября 1917 г.

«Слушали: письмо В.И. Ленина Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитету РСДРП(б): «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет.

Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое. Демократическое совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую

стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли. Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство.

Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К^о во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенским и К^о всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами.

Вопрос в том, что наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически свой съезд, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции.

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство» и т. д.

Ждать «формального» большинства у большевиков навечно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К^о не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы! История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации. Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народу — значит победить. Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно».

Постановили: ...Принять решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь...»

Приказ А.Ф. Керенского главкому Северного фронта.

4 октября 1917 года.

«Ввиду сложившейся политической и военной обстановки, требующей принятия энергичных мер против растлевающих начал большевизма, категорически прошу принять самые решительные меры к ликвидации преступной деятельности финляндского областного комитета и к полному водворению порядка среди войск, находящихся на финляндской территории. Главковерх А. Керенский.

Резолюция: Вызвать ко мне в Псков президиум Финляндского областного комитета.

Генерал Черемисов.

5 октября 1917 г.».

**Письмо в редакцию газеты «Известия
Центрального Исполнительного Комитета рабочих
и солдатских депутатов». 7 октября 1917 г.**

«Гражданин редактор!

Просим поместить в уважаемой вашей газете следующее письмо.

Находясь здесь, в окопах, мы, солдаты, изредка прочитываем газеты, но внимательно следим за каждой строчкой всех наших деятелей Российской республики. Шесть месяцев мы только читаем (а дела еще нет и нет и 1000 раз нет, мы уж истомились здесь) то, за что мы страдаем и что ожидаем от наших вождей. Давно нам говорят: «Земля и воля», а наши родители, которые остались в глухих деревушках и ничего не имеют, пишут нам, что хлеб берут, а земли нет как нет, и говорят, за что такое нам наказание. Да будет пусть услышан голодного народа голос. Мы, солдаты, требуем немедленно расширить орган демократии и требуем немедленной передачи земли в руки беднейшего класса. Требуем немедленно осуществить на деле демократические лозунги, а не по словам, уже довольно слов нам, потому что нам приходится здесь, в окопах, равняться с вашими креслами.

Просим поместить в других газетах.

Солдаты С. Мартенко, Ф. Строганов».

Действующая армия».

**«Письмо к товарищам большевикам, участвующим
на Областном съезде Советов Северной области».**

«Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно

предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.

Промедление смерти подобно.

Н. Ленин¹.

8 октября 1917 года».

Выступление председателя Государственной Думы Родзянко на Московском совещании общественных деятелей.

8 октября 1917 г.

«...В особом совещании по обороне я считал нужным поставить вопрос ребром: представляет ли собой занятие Петрограда окончание войны? Я думаю, бог с ним, с Петроградом. Принято считать, что Петроград дает около 75% производства на оборону.

Это совершенно неверно. Так было раньше. В настоящее время на долю Петрограда приходится только 29—30%, и эта работа идет главным образом на флот. Но со взятием Петрограда флот все равно погибнет, может быть, он даже белый флаг подымет и сражаться не будет; там есть суда совершенно развращенные, которые боевой силы не представляют.

Если вы откинете флот, то мы можем обслуживать армию и без Петрограда. Запасы снарядов у нас так велики, что мы можем вести 3—4 месяца интенсивную маневренную войну. Правда, сдача Петрограда — одна из самых сильных оплеух, которую мы получим от немцев, и заслуженно получим. Указывают, что с занятием Петрограда может порваться наша связь с Европой и что возможно занятие немцами Мурманской дороги и Архангельской. По ряду соображений вряд ли это возможно. Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На

¹ Н. Ленин — партийный псевдоним Владимира Ильича, которым он обычно подписывал свои работы до Октябрьской революции 1917 года. — *Примеч. ред.*

это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли...».

Почто-телеграмма председателя правительственного правления Путиловского завода генерала Н.Ф. Дроздова председателю Особого совещания по обороне. 9 октября 1917 г.

«Правительственное правление сообщает, что на Путиловском заводе угля совершенно нет.

С середины прошлой недели большая часть завода стоит. Ввиду изложенного правительственное правление просит не отказать в содействии к предоставлению Путиловскому заводу угля.

Генерал-лейтенант Дроздов».

Калейдоскоп событий. 10 октября 1917 г.

Вечером 10 октября по требованию В. И. Ленина было проведено конспиративное заседание ЦК. Оно состоялось на квартире меньшевика Суханова, жена которого была членом партии большевиков. Сам Суханов в этот день был в отъезде.

Ленин появился загримированный, в седом парике, закрывающем лоб до самых бровей, бритый. Его не сразу узнали.

Двенадцать членов ЦК собрались в столовой за обеденным столом. Чтобы свет не был виден со двора, единственное окно завесили одеялом. Большинство присутствующих разделяло точку зрения Ленина о необходимости организации восстания.

Из протокола заседания ЦК РСДРП(б). 10 октября 1917 г.

«Тов. Ленин констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании.

Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, по-видимому, время значительно упущено.

Тем не менее вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок».

Калейдоскоп событий. 10 октября 1917 г.

После длительной дискуссии за резолюцию В. И. Ленина проголосовали десять членов ЦК, против — двое: Зиновьев и Каменев.

Затем для руководства подготовкой восстания было избрано Политбюро во главе с Лениным.

Резолюция ЦК о подготовке вооруженного восстания, предложенная В. И. Лениным. 10 октября 1917 г.

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам), — так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения

обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т.д.)».

Резолюция митинга рабочих поселка Колпино.

11 октября 1917 г.

«Выслушав доклад тт. Степанова, Богдатыева и председателя II съезда представителей Балтийского флота т. Дыбенко о позорных закулисных сделках стоящей ныне во главе Временного правительства контрреволюционной шайки, с одной стороны, с другой же — о героической самоотверженности товарищей матросов, погибающих в неравном бою с неприятельским флотом, — тех матросов, которые еще не так давно как изменники родины были нагло оклеветаны гг. соглашателями, мы, собравшиеся в числе 4000 человек сего 11 октября на митинге в рабочем клубе «Новая культура», заявляем:

Наша революция в опасности и мы, преклоняясь перед героизмом товарищей матросов Балтийского флота, присоединяемся к их требованию.

Долой контрреволюционное Временное правительство!
Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!

Да здравствует истинное равенство, братство и свобода!»

***Из устава, принятого на конференции Красной гвардии
Выборгского района. 12 октября 1917 г.***

«1. Красная Рабочая гвардия есть средство защиты рабочих, крестьян и всех угнетаемых капиталом граждан общества от гнета, насилий и произвола буржуазии, которая стремится путем подавления народа при помощи постоянной армии укрепить господство и отнять у народа все завоевания революции.

2. Красная гвардия в настоящее время вплоть до введения всеобщего вооружения народа ставит своей задачей борьбу с контрреволюцией».

Приказ главнокомандующего армиями Северного фронта генерала В. А. Черемисова главнокомандующему войсками Петроградского военного округа полковнику г. П. Полковникову. 12 октября 1917 г.

«Приказываю полки Петроградского гарнизона по изготовлении их к походу безотлагательно отправить по железной дороге в район Вейсенштейн-Койк-Аленкюль в резерв фронта, откуда они будут, в зависимости от оперативной обстановки, двинуты на фронт для боевых действий.

Черемисов».

Калейдоскоп событий. 13 октября 1917 г.

13 октября в Солдатской секции Петроградского Совета от имени Балтийского флота выступил председатель Центробалта Павел Дыбенко. Бурными аплодисментами встретили его солдаты, только что одним за другим выходившие на трибуну и призывавшие к немедленному миру.

— Перед началом последних операций командующий Балтийским флотом запросил наш второй съезд — будут ли исполнены боевые приказы. Мы ответили: будут — при контроле с нашей стороны. Но никаких приказаний Временного правительства мы исполнять не будем. И если мы увидим, что флоту грозит гибель, то командующий первым будет повешен на мачте. Контроля мы добились. В бою с нашей стороны участвовало только 15 миноносцев, тогда как у немцев было 60 миноносцев, 8 дредноутов, 15 броненосцев, крейсера, тральщики, транспорты.

Мы сражаемся потому, что защищаем революцию и ее конечные цели. Вам здесь говорят о необходимости

вывести питерский гарнизон, в частности, для защиты Ревеля. Не верьте! Мы можем защищать Ревель сами, охраняйте революцию! Ее цели будут достигнуты, если уцелеет революционный Петроград».

***Резолюция полкового комитета 87-го пехотного
Нейшлотского полка. 14 октября 1917 г.***

«Ознакомившись с речью Верховного главнокомандующего на первом заседании «Совета Российской республики», с приказом главнокомандующего армиями Северного фронта о пропаганде в армии и с мнением военного министра о поднятии боеспособности армии, полковой комитет 87-го пехотного Нейшлотского полка признает необходимым заявить, что власть имущие, как и в старое подлое время, не видят всех причин, разрушающих боеспособность нашей армии, не знают истинного настроения солдатских масс и, может быть, не желают с ним считаться.

Великое невежество, доставшееся нам от старой власти, не единственная причина нашей слабости. Объяснять этой причиной все и вся — значит не быть знакомым с тем, что представляет из себя армия в настоящее время, значит не знать единственных «безудержных, не знающих никакой ответственности» агитаторов-пропагандистов в среде самой темной массы армии. Только здесь, в окопах, видны эти пропагандисты, виновники разложения нашей армии. Вот они:

- 1) отвращение к бессмысленному взаимному истреблению народов и расточению последних сил России;
- 2) нежелание Временного правительства бороться за скорейший мир;
- 3) надвигающийся голод в стране;
- 4) анархия в тылу;
- 5) подлая забывчивость тылом фронта;
- 6) подлое нежелание многих идти на фронт;

- 7) отсутствие какой-либо внутренней спайки в частях;
- 8) безнадежность восстановления авторитета командного состава, уничтоженного преступностью целого ряда представителей высшего командования, их невежеством, бесталанностью и оторванностью от живых сил армии;
- 9) голод, холод, сырость и грязь окопной жизни, рваные сапоги, рваные штаны, рваная рубаха, рваная шинель и щегольство тыла;
- 10) четвертый год войны.

Вот причины, разложившие армию, и пора найти в себе мужество сказать, что при настоящей разрухе России, при ее темноте и безверии никто и ничто не восстановит боеспособности армии, не вдохнет в нее веру и силы. Необходимо всем прямо и честно признать горькую правду в положении страны и армии и из нее исходить в борьбе за революцию и благо страны.

Признание правды требует немедленной борьбы за мир, и полковой комитет считает, что всякое промедление в этой борьбе смерти подобно.

Положение страны и армии требует, чтобы власть приобщилась к настроению масс, пока не поздно, иначе последние силы армии иссякнут, и ее томительно-ожидательное настроение при малейшем случайном толчке выльется в стихийно грозную форму, и Великая российская революция окончится небывало грандиозной катастрофой.

Председатель полкового комитета *Спелов*.
Секретарь *Антонов*».

***Приказ главнокомандующего Петроградским военным округом полковника г. П. Полковникова
Петроградскому гарнизону. 15 октября 1917 г.***

«Вновь готовятся безответственные вооруженные выступления на улицах Петрограда.

Выступления эти — проявления анархии и безусловно повлекут за собой лишь ненужные жертвы и тем поставят родину на край гибели.

Всякий, кто способен в настоящий тяжелый момент призывать нас к гражданской войне, — безумный слепец или же сознательно действует в угоду императору Вильгельму.

Приказываю всем подчиненным мне частям, всем офицерам и солдатам не поддаваться призывам к выступлениям.

Солдаты и офицеры, помните о той великой ответственности, которая лежит на вас пред всей демократией и свободной Россией.

Главный начальник округа Генерального штаба
полковник *Полковников*».

Газета «Буревестник». 15 октября 1917 г.

«Товарищи солдаты фронта и тыла! Оборонцы идут против съезда Советов, они срывают его. Во фронтовом комитете они против съезда собрали половину голосов членов комитета. В армейских комитетах оборонцы агитируют против Всероссийского съезда, против армейских съездов.

Товарищи, все это исходит из кругов, близко стоящих к буржуазии, проводящих в армию влияние буржуазии.

Не поддавайтесь этому, созывайте съезды: армейские, корпусные и дивизионные; выбирайте от каждых 20—25 тысяч солдат по одному представителю на Всероссийский съезд.

Армия должна быть представлена на съезде! Противодействуйте тому расколу и той розни, которые вносят в вашу среду оборонцы!»

Сводка политического управления

Петроградского военного округа. 15 октября 1917 г.

«За истекшую неделю в округе эксцессов не было. Наблюдается усиленная работа полковых комитетов, направленная к упорядочению караульной службы. В частях Петроградского гарнизона спокойно, но ведется усиленная агитация за передачу всей власти Советам и за отказ от подчинения распоряжению главнокомандующего о выводе в случае надобности частей на позиции.

Общими собраниями некоторых полков выносятся соответствующие резолюции. Запасный броневой автомобильный дивизион стоит за Центральный Исполнительный Комитет. В остальных гарнизонах округа тоже спокойно. Начполитокр Овсянников».

Калейдоскоп событий. 16 октября 1917 г.

16 октября 1917 года состоялось расширенное заседание ЦК с ответственными работниками Петроградского комитета, военной организации ЦК и районных комитетов партии в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы, председателем которой был М. И. Калинин.

Из членов ЦК был создан Военно-революционный центр, куда вошли А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин и М. С. Урицкий.

Резолюция ЦК РСДРП(б). 16 октября 1917 г.

Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Телеграмма генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа подполковника Н.Н. Пораделова начальникам артиллерийских училищ. 16 октября 1917 г.

«Спешно. Главный начальник округа приказал иметь в Зимнем дворце постоянный наряд в шесть орудий с соответствующим числом запряжек, почему к находящимся в Зимнем дворце двум орудиям необходимо прислать еще четыре, причем сделать это не позднее 14 часов завтра, 17 октября. Об исполнении срочно донести. Пораделов».

Газета «День». 17 октября 1917 г.

«Подготовки к возможному выступлению большевиков во Временном правительстве идут весьма энергично. Заместитель председателя А. И. Коновалов беспрерывно совещается с начальником округа и другими лицами, привлеченными к делу борьбы с большевистским выступлением.

В течение дня 16 октября Временному правительству точно не был известен день выступления большевиков. Еще накануне во Временное правительство стали поступать сообщения о том, что большевики решили выступить не 20-го, как все предполагали, а 19-го. По-видимому, сами большевики еще точно этого вопроса не решили.

А. И. Коновалов заявил, что правительство располагает достаточным количеством организованной силы для того, чтобы подавить возможное выступление в корне.

Начальник округа полковник Полковников в своих докладах заместителю министра-председателя категорически заверяет, что все слухи о неблагонадежности Петроградского гарнизона, в смысле его готовности вступить в борьбу с анархией, совершенно неверны и что выступление большевиков встретит достойный отпор. В этом

же смысле высказывался А. И. Коновалов в своей беседе 16 октября с А. Ф. Керенским по прямому проводу.

Министр-председатель возвращается 17 октября или во всяком случае не позже 18-го и лично будет руководить всеми действиями в деле подавления большевистского мятежа, если бы такой начался. Члены Временного правительства, выражая полное убеждение в том, что удастся подавить восстание, между прочим, подчеркивают, что в их решении их сильно поддерживает уже ясно обнаружившееся настроение Совета Российской республики, который, по мнению министров, всецело стоит на точке зрения необходимости решительной борьбы с активными действиями большевиков.

При всем этом можно констатировать, что предстоящее выступление большевиков ожидается правительством с большой тревогой...»

Черновая запись закрытого заседания

Временного правительства. 17 октября 1917 г.:

Кишкин: Вопрос об анархии. Надо принять меры и не допустить погромов.

1. Есть самоуправление, которое отстаивает свои права на милицию и на продовольствие. Есть комиссар, но ему не дают работать. Я им говорил, что напрасно они берут на себя всю ответственность.

2. Полковников подчинен Северному фронту, имеет право ввода военного положения. Военное министерство формально не вмешивается; оно себя мало проявляет, ибо гарнизон недостаточно верен, сейчас большевизм в большинстве. Все агитаторы на свободе и ждут момента, чтобы встать во главе при удаче. Может быть, пора себя проявить. У нас достаточно сил, чтобы подавить вначале беспорядки, а для наступления, думаю, что силы недоста-

точные... Наша тактика «ожидания событий» уже вредна. В продовольственном отношении страшна возможность голодных бунтов.

Гвоздев («рабочий министр»): На заводах настроение благоприятное; надо ждать выступления солдат, они хотят погромов в ближайшие дни; ждать нельзя. Выступление неизбежно с двух сторон: большевики и правое офицерство за реставрацию. Важно лицо, которое будет руководить подавлением выступления — я не знаю Полковникова. И нельзя допустить перехвата власти, чтобы не очутиться в руках победителя.

Третьяков: Настроение в Москве к Временному правительству отрицательное. Полковников давал объяснения в Совете Республики очень неутешительные — ни плана, ни схемы. Больше так продолжать нельзя, сидеть в дураках больше нельзя.

Кишкин: Главное — это лицо, надо ему верить и подчинить его непосредственно Временному правительству. Сейчас дискредитируют правительство, и, чем дальше, тем хуже. Мы ждать не можем — надо действовать. Надо закрывать митинги, раз, два, может, и не удастся, а если удастся, то уже будет успех.

Терещенко: Надо идти на верную победу, и можно даже вызвать большевиков на преждевременное выступление. Погромные митинги, призывы к низвержению Временного правительства и пр.

Гвоздев: Я предлагаю Керенского; надо выработать общий план и отдельных мер не принимать. Если Полковников, то пусть он нам все доложит.

Малянтович: Я боюсь, когда будет голод, будет поздно, поэтому проверить свои силы, принять меры, вызвать выступление и его подавить.

Верховский: Скучно слушать. Активно выступить нельзя. План есть, надо ждать выступления другой сто-

роны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, а разогнать его нет силы. Я не могу предоставить реальной силы Временному правительству и поэтому прошу отставку.

Никишин: Положение Временного правительства поколебалось, и я боюсь, что вызов большевикам может быть истолкован против Временного правительства. Керенскому поручать нельзя, и надо оставить Полковникова.

Прокопович: Я в выступление не верю, но боюсь отказа полков выступить на фронт. Маразм в нас, ибо мы не можем создать власть в стране. Пока силы не будет, ничего сделать нельзя.

Вердеревский: Провокации не надо.

Керенский: 1. Лицо, которое бы несло ответственность. Главкосев только начальник войск, а выступление войск должно быть в руках политических. Должен быть даже штатский, пользующийся широким доверием, а Полковников ему подчинен и исполнитель приказаний. Требуются политические знания.

2. Наши разговоры — это следствие гипноза Петроградом, а не думаем о России. О Петрограде должен думать особый человек с широкими полномочиями. Полковников не подходит. Пальчинский очень подходящий человек, но Прокопович его не желает...»

Телеграмма военного министра А.И. Верховского ВЦИКу.

17 октября 1917 г.

«Главное артиллерийское управление доложило мне, что исполнительным комитетом Петроградского Совета сделано распоряжение Сестрорецкому заводу о выдаче нескольких тысяч винтовок в распоряжение рабочих. Если это так, довожу до сведения, что право распоряжаться выдачей оружия принадлежит только законной власти. Я же, принимая во внимание громадную нужду фронта,

нахожу преступным отнимать от него оружие для ненужного вооружения тыла, почему категорически приказываю Сестрорецкому заводу без моего приказа не выдавать никому ни одной винтовки. Военмин Верховский».

Записка в штаб Петроградского военного округа:

«Ввиду ожидаемых в ближайшие дни сего октября народных волнений прошу Вас командировать незамедлительно усиленные наряды войск для охраны петроградских тюрем: 1) одиночной (Кресты) (Арсенальная набережная, 5) 2) женской (Арсенальная ул., 9) и пересыльной (Константиноградский проспект, 6). Подписал: губернский тюремный инспектор Антипов. Пометка: Уже сделано. 17/X».

Телефонограмма подполковника Пораделова

командиру запасного броневого дивизиона.

17 октября 1917 г. 12 часов 40 минут.

«Главкомандующий приказал экстренно выслать броневые машины от вверенного Вам дивизиона: одну в Экспедицию заготовления государственных бумаг (Фонтанка, 144) в распоряжение начальника караула при экспедиции; одну в Государственный банк с подчинением этой машины и другой, уже находящейся там, начальнику охраны банка; одну на почтамт (Почтамтская, 7) с подчинением коменданту почт и телеграфов; одну на Центральную железнодорожную телеграфную станцию (Фонтанка, 117) с подчинением начальнику караула; одну на Николаевский вокзал в распоряжение коменданта вокзала. Всем машинам иметь по 12 пулеметных лент; броневую машину, находящуюся на Центральной телефонной станции, подчинить начальнику караула при станции. Об исполнении донести.

Пораделов».

Калейдоскоп событий. 17 октября 1917 г.

Вечером 17 октября в Смольном состоялось совещание представителей всех районов Петроградской организации большевиков и Военной организации ЦК под председательством Свердлова. Обсуждался вопрос о вооруженном восстании.

Район за районом докладывали о готовности рабочих и солдат Питера к восстанию. Цифрами и фактами подтверждалось — настал момент выступления.

Председатель Военной организации Подвойский доложил о Красной гвардии, войсках и флоте. Когда он закончил доклад, Свердлов отозвал его в сторону и шепотом сказал:

— Пойдешь к Ильичу. С тобой пойдут Антонов и Невский. Он вызывает вас с отчетом о подготовке восстания.

Порознь по ночному Петрограду окольными путями, чтобы оторваться от возможных шпииков, на встречу с Лениным шли Антонов-Овсеенко, Невский и Подвойский. И только убедившись, что за ними нет слежки, а вокруг дома нет подозрительных, они вошли по одному в ворота и поднялись на второй этаж. Постучали условным стуком. Дверь открыл незнакомец. Пришедшие в нерешительности поглядывали друг на друга, но «незнакомец» сказал:

— Проходите, товарищи, — и они с радостью и изумлением узнали голос Ильича.

Первым начал Антонов-Овсеенко:

— Владимир Ильич, я не берусь судить с уверенностью о положении Петроградского гарнизона, но мне хорошо известно настроение Балтийского флота. Моряки готовы к выступлению. Они могут прийти в город по железной дороге, а в крайнем случае и подойти с моря. Войска в Финляндии распропагандированы и поддержат восстание. Что же касается Петроградского гарнизона, то я ду-

маю, что после проделанной работы Военной организацией успех восстания обеспечен.

Митинги, проведенные нашей партией в сентябре и октябре, резолюции, принятые на них, убеждают в этом.

Ленин перевел взгляд на Невского, специально ездившего в Гельсингфорс по поручению «Военки».

— Флот восстанет, — задумчиво начал Невский. — Тут товарищ Антонов прав, но продвижение флота к Петрограду встретило бы огромные трудности. После ареста офицеров, который окажется неизбежным в первый же час восстания, на их место встанут люди малоопытные, незнакомые с картой минных полей, вряд ли они смогут провести суда среди мин. Управление кораблями во время боя, если бы его пришлось вести под Петроградом, тоже натолкнулось бы на то, что во главе кораблей стояли бы матросы, не умеющие управлять боем. Пожалуй, лучше всего корабли не трогать с места, а доставить моряков по железной дороге.

— Ну что ж, возможно, возможно... Впрочем, один корабль у нас уже есть — «Аврора»...

Ленин улыбнулся.

— Ну а что вы скажете, Николай Ильич? — обратился он к Подвойскому.

— Подготовка восстания проводится Военной организацией самым интенсивным образом, Владимир Ильич. Принято решение направить ответственных товарищей на фронт. Связи с фронтом мы придаем большое значение, но выполнение этого решения потребует известного времени. Поэтому целесообразно было бы отложить восстание дней на десять, тем более что время явно работает на нас — каждый новый день прибавляет нам сил и, наоборот, у Временного правительства с каждым днем все больше уходит почва из-под ног. Эти дни мы использовали бы и для ликвидации недоделок в Петроградском гар-

низоне. Полки, выступившие в июле, частью расформированы, частью деморализованы и выступают, только поверив в выступление других частей, а готовность к восстанию других частей, бывших ранее реакционными, — например Преображенского и Семеновского, — нуждается в проверке. Кроме того, Керенский может опереться на особые сводные отряды и другие реакционные части с фронта.

Внимание, с которым Ленин слушал сообщение о готовности к восстанию, сменилось крайним нетерпением, когда Подвойский заговорил об отсрочке:

— Вот именно! Как раз поэтому-то и нельзя откладывать! Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям, обладающим мощным государственным аппаратом, подготовиться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта. Ведь они, несомненно, осведомлены о предстоящем восстании... Готовятся к нему. А за время отсрочки подготовятся еще больше. Вот ведь как! Восстание должно произойти до съезда Советов. Особенно важно, чтобы съезд, поставленный перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти, сразу же закрепил бы декретом и организацией аппарата власти новый режим.

Ленин внимательно посмотрел на присутствующих — дошли ли его слова до них, поняли ли они его?

Подвойский перешел к характеристике положения в Петроградском гарнизоне и Красной гвардии:

— Рабочие с каждым днем все настойчивее требуют оружия. Усилился приток в Красную гвардию молодежи.

Особенно обрадовало Ленина то, что военные занятия, раньше проводившиеся тайно, перенесены теперь на территории предприятий и в манежи соседних войсковых частей. Вдруг на его лице появилось какое-то беспокойство, он встал со стула, подошел к Подвойскому, взял за

руку, подвел к дивану в углу комнаты и, усадив рядом с собой, спросил:

— Полностью ли вы отвечаете за все сведения, сообщенные мне? Проверены ли они вами?

— Руководящие члены Военной организации, в том числе и я, Владимир Ильич, ежедневно бывают в отрядах Красной гвардии и войсках. Солдаты и офицеры, члены Военной организации, ведущие обучение красногвардейцев, а также руководители большевистских ячеек в войсках общаются в Бюро военных организаций при ЦК партии каждый день сведения о ходе военных занятий и о росте большевистского влияния в солдатских массах.

Подвойскому показалось, что Ленин удовлетворен его докладом. Он и сам был доволен — получилось неплохо, картина полная, по всем вопросам даны исчерпывающие объяснения. Ленин стал уточнять его сведения. Кто сообщил? Когда? При каких обстоятельствах? Откуда следует, что на тот или иной завод можно целиком положиться? Кто там секретарь парторганизации? Из кого состоит фабком? Когда были перевыборы районного комитета? Кто от завода или полка послан при перевыборах в Петроградский Совет?

Подвойский понимал, что все это «законные» вопросы, но от неожиданности его начало бросать то в жар, то в холод.

— Вот вы сказали, что на заводе хорошая боевая организация, в Красной гвардии триста человек, есть винтовки, патроны и даже пулеметы. А кто там командир? Вы знаете его?.. Замечательный, говорите, человек, голову положит за революцию? А какова его военная квалификация? Сам-то он умеет бить без промаха, хотя бы из револьвера? К пушке подойти сможет, если потребуется? Умеет он управлять автомобилем? Ну, а тактику уличных боев знают ваши командиры Красной гвардии?

Оказалось, что с этой стороны Подвойский не знал ни одного командира.

Ленин поднялся с дивана, заложил пальцы в жилетные карманы и укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй, вот так председатель Военной организации! Как же вы будете руководить восстанием, если не знаете, что представляют собой ваши командиры? Это недостаточно, что они хорошие агитаторы, хорошо делают доклады, прекрасные организаторы масс. Восстание — это не собрание для выслушивания докладов, восстание — это действие оружием. Там надо действовать, и действовать не только самоотверженно, но и умело, иначе самый маленький промах может стоить жизни красногвардейцам, революционным матросам и солдатам. Промах может поставить на карту весь исход восстания!

После слов Ленина Подвойскому стало ясно, что Петроградский комитет большевиков, повернувший к восстанию массы рабочих и солдат, до сих пор слишком мало уделял внимания чисто военным вопросам, а это уже являлось прямой обязанностью Военной организации.

Ленин заметил его смущение и ободряюще сказал:

— Батенька мой, восстание — это самый острейший вид войны. Это — великое искусство. Конечно, смелые командиры своим примером, дерзновением и храбростью делают чудеса. Но какой же это командир для вооруженного восстания, если он не умеет стрелять? Следует сейчас же заменить его другим. Руководители, не знающие тактики уличного боя, погубят восстание. И учтите, пожалуйста, что солдаты солдатами, но больше всего в своей борьбе мы должны рассчитывать на рабочих.

Ленин замолчал, задумался о чем-то, заходил по комнате, остановился, вскинул голову:

— А уверены ли вы, что командиры войсковых частей не подведут? Это ведь царские офицеры.

Подвойский ответил, что в войсках остались на своих местах только те офицеры, которые признали контроль со стороны солдатских комитетов, а они находятся в большинстве под влиянием большевиков. Даже в таком полку, как Семеновский, большевикам удастся проводить свои решения.

— Какая силища у революции! — с удовлетворением сказал Ленин. — Теперь самое главное — это управлять ею так, чтобы победить, а без применения военной науки победить нельзя. Важнейшее дело сейчас — подобрать самоотверженных рабочих, способных пойти на гибель, но не отступить, не сдать позиций. Необходимо заранее составить из них специальные отряды, которые займут телефонную станцию, телеграф и, главное, мосты... Вы говорите, что рабочие все настойчивее и настойчивее требуют оружие. А где вы собираетесь его раздобыть?

Гордостью Военной организации было то, что она могла в любом полку вычерпать почти все оружие из цейхгаузов.

Ленин посмотрел на Подвойского с недоумением:

— Позвольте... Чем больше мы возьмет оружия у солдат, тем меньше им останется. Так ведь?

— Да, над этим я как-то не подумал, — смутился Подвойский.

— Не годится! Надо теснее связаться с арсеналами и складами боеприпасов. Там ведь тоже рабочие и солдаты. Разработайте такой план и обеспечьте дело так, чтобы мы могли взять оружие из самых складов непосредственно перед тем, как оно потребуется. Сестрорецкий завод — это хорошо, но этого мало. Уверен, что, если вы поможете большевикам Петропавловского арсенала, Нового арсенала на Литейном и Старого — на Выборгской стороне — развернуться по-настоящему, они в нужный момент откроют склады для раздачи оружия рабочим. Так

ведь? А как вы мыслите себе работу Военно-революционного комитета?

— ВРК по существу является расширенным Бюро военных организаций при ЦК нашей партии.

— Вот это и неправильно! Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активности каждый член Военно-революционного комитета, тем сильнее и действеннее будет влияние всего комитета на массы. Ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете! Главная задача Военной организации в том, чтобы комитет не уклонился от правильной большевистской позиции. Основное — победа восстания. Этой — и только этой — цели должен служить Военно-революционный комитет. Ежедневно созывайте гарнизонные совещания из представителей всех частей Петрограда. Действуйте через них.

— Не целесообразно ли, Владимир Ильич, предварительно заготовить в миллионах экземпляров декреты о земле, мире, о рабочем контроле над производством и об организации Советской Республики? — неожиданно предложил Подвойский.

Ленин расхохотался:

— Вот вы куда хватили! Сперва надо победить, а потом уж печать декреты!

Калейдоскоп событий. 17 октября 1917 г.

17 октября на заседании Центробалта состоялись дополнительные выборы на II Всероссийский съезд Советов. Были избраны Дыбенко, Мальков, Сутырин (большевики)

и Рямо (сочувствующий большевикам), принят наказ делегатам Центробалта: «Центральный комитет Балтийского флота отправляет на Всероссийский съезд Советов своих делегатов и представителей флота, выражающих чаяния, дело и волю всего Балтийского флота. Как это было засвидетельствовано представителями 2-го Балтийского съезда — в дни мировой войны, в дни борьбы за свободу и революцию, в дни борьбы пролетариата, съезд обратился с воззванием к угнетенным всех стран, призывая поднять знамя восстания. Так и теперь представители Центрального комитета Балтийского флота, представители измученных мировой бойней товарищей моряков, находящихся на стальных коробках, на островах и в других местах, полуголодных, разутых и раздетых, шлют своих товарищей сказать не слова, а совершить великое дело — освобождение труда от капитала. Вместе со своими товарищами черноморцами, видя, что кормило правления революционной страны падает все ниже, видя, что правительство предателя и кровожадного хищника Керенского ведет страну к гибели, видя приближающийся крах революции и свободы, Балтийский флот, глубоко страдая от оскорблений желтой прессы, от клеветы, извергаемой реакционерами с Милюковым во главе, требует от сознательного пролетариата поддержки для уничтожения этой прессы и превращения ее в лучи пропаганды за социализм. Получая за свой тяжелый труд «валюту Керенского», которая бойкотируется даже всеми спекулянтами, с тоской в душе видим, как с помощью обнаглевшего коалиционного министерства переодетые в камилавки отставные реакционные генералы получают по пять миллионов золотом на продолжение «поместного собора», который ставит своей главной задачей, как и всегда, уничтожение и затемнение народного сознания и устройство пагубных путей для крестьян, толкая их в пропасть монархизма.

Принимая все меры для достижения полного единения между офицерами и матросами, с горечью для себя видим, как министр-председатель Керенский в минуты неравного боя балтийских кораблей с титанами Вильгельма издает позорные приказы на всю Россию и тем самым вносит раздор и дезорганизацию в среду дружных рядов Балтийского флота.

Мы требуем немедленного уничтожения продажного правительства коалиции, которое, эвакуируя Балтийское побережье и Петроград, имеет главной задачей продать балтийские корабли и вместе с тем ликвидировать революцию. Мы поручаем вам, представители Балтики, совместно с представителями Черного моря и представителями трудового пролетариата, собравшимися на настоящем съезде, взять власть и передать ее в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Помните, товарищи, мы — ваша поддержка. Весь мир видел защиту революции от толкаемого германскими империалистами пролетариата. Эта защита будет в десять раз ожесточеннее в борьбе с угнетателями трудового народа. За вами — наша сила, наша помощь и наше оружие.

Да здравствует власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!»

Сообщение газеты «Рабочий путь» о собрании представителей полковых и ротных комитетов частей Петроградского гарнизона. 20 октября 1917 г.

«18 октября в Смольном состоялось закрытое собрание представителей полковых и ротных комитетов Петроградского гарнизона, созванное по инициативе военного отдела Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Собрание было очень многолюдное: присутствовали представители почти всех воинских частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях.

Представитель Измайловского полка заявил, что солдаты его части относятся отрицательно к Временному правительству и верят только Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, по первому зову которых они немедленно выступят. Однако они пока выступать не намерены.

Делегат гвардии Егерского полка в своем докладе отметил, что они выступают лишь в том случае, если на это последует приказ Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, но выступают они организованно и потребуют немедленного свержения правительства и передачи власти Советам.

Представитель Московского полка заявил, что его полк доверяет исключительно Петроградскому Совету.

Делегат Гренадерского полка заявил, что полк выступит лишь по призыву съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

Представитель резервного Волынского полка заявил, что солдаты его части не одобряют политики Временного правительства и никаких его приказаний выполнять не будут. Петроградский же Совет будут поддерживать всеми имеющимися в их распоряжении средствами, вплоть до организованного выступления по первому зову военного отдела.

Делегат Павловского полка в своем докладе указал, что солдаты его полка стоят на платформе Петроградского Совета и не признают ни Временного правительства, ни ВЦИКа.

Представитель Кексгольмского полка огласил резолюцию, принятую солдатами этой части. В резолюции высказывается недоверие Временному правительству и выражается желание немедленной передачи власти Советам.

Представитель Первого стрелкового полка указал, что полк недавно принял резолюцию, которая вполне соответствует последним постановлениям Петроградского Совета.

Делегат Электротехнического батальона заявил, что батальон пойдет, как только ему будет приказано Петроградским Советом.

Представитель 89-й пешей Вологодской дружины указал, что дружина сочувствует последним резолюциям Петроградского Совета.

Представитель 9-го кавалерийского полка заявил, что полк от каких бы то ни было выступлений отказывается.

Представитель Гвардейского экипажа указал, что матросы ждут приказов от Центрофлота. Временному правительству не доверяют.

Представитель 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков заявил, что школа прапорщиков прибыла в Петроград и поместилась в Зимнем дворце лишь после того, как ЦИК изъявил на это свое согласие. Школа намерена выступить лишь в том случае, если последует на это распоряжение от ЦИК.

Делегат Семеновского полка сообщил о состоявшемся третьего дня в полку митинге. Выступавшим членам ЦИК Скобелеву и Гоцу не было дано возможности говорить. Солдаты Семеновского полка требуют немедленной передачи власти Советам.

Представитель маршевых эскадронов гвардейской кавалерии указал, что кавалерия относится пассивно к предстоящему выступлению.

Представители 2-го Балтийского экипажа, 3-го запасного полка, Гвардейского артиллерийского дивизиона заявили, что солдаты этих частей Временному правительству не доверяют и будут подчиняться приказаниям Петроградского Совета, ЦИКу же они не доверяют.

Последним выступил представитель 1-й Петергофской пехотной школы прапорщиков, который заявил, что школа против военного выступления.

Присутствовавшим членам ЦИК слова предоставлено не было, и последние в виде протеста покинули заседание.

В конце заседания президиумом был оглашен ряд постановлений относительно непрерывной связи Петроградского Совета со всеми воинскими частями гарнизона».

Отношение начальника гражданского отделения штаба Петроградского военного округа И.И. Гоньки начальнику информационного отделения военно-политического отдела штаба округа. 18 октября 1917 г.

«Возвращая при сем номер 12 газеты «Рабочий путь», прошу не отказать в препровождении во вверенное мне отделение экземпляра означенного номера, который мог бы быть направлен отделением прокурору Петроградского окружного суда вследствие просьбы последнего от 30 минувшего сентября за № 17636, вызванной отношением штаба округа на имя прокурора Петроградской судебной палаты о привлечении к ответственности редактора названной газеты за помещение статьи Ленина «Русская революция и гражданская война».

Коллежский советник *Гонек*.

Резолюция: Сообщить, что экземпляра газеты нет.

20/X-17 г.».

Объявление военного отдела ВЦИК. 18 октября 1917 г.

«За последнее время различными организациями выстребываются с заводов под разным предлогами винтовки, револьверы, патроны и пр. Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения заводских комитетов и других организаций, что, согласно постановлению Комитета по борьбе

с контрреволюцией при ЦИК, никакая выдача оружия, патронов и взрывчатых веществ каким бы то ни было организациям из складов, заводов и пр. не допускается без разрешения Временного Военного Комитета при Центральном Исполнительном Комитете рабочих и солдатских депутатов.

О каждом таком требовании предварительно исполнения запрашивать военный отдел Центрального Исполнительного Комитета (Смольный, комната № 17)».

Донесение начальника Главного артиллерийского управления генерала В.А. Лековича Г.П. Полковникову. 18 октября 1917 г.

«Весьма срочно. Секретно. 17 октября в 3 часа дня в магазин Сестрорецкого завода явился член заводского комитета Андреев и потребовал от содержателя имущества выдачи 400 штук винтовок с принадлежностями.

Несмотря на протесты содержателя имущества, винтовки были взяты силой вооруженными людьми, прибывшими из города на 2 грузовиках, и отправлены в Петроград.

Сообщая об изложенном, прошу о назначении военной охраны на Сестрорецкий завод для предупреждения расхищения винтовок.

Генерал-лейтенант *Лекович*».

Бюллетень штаба Красной гвардии Выборгского района, 18 октября 1917 г.

«Штаб Красной гвардии по вопросу о борьбе с возрастающей преступностью и усилением хулиганства вынес следующее решение: принимая во внимание, с одной стороны, усиление безработицы, приближение полного голода, все расстройство хозяйственной жизни страны; с другой стороны, недостаточность одних мер полицейского характера (в виде облав, арестов и пр.), в особен-

ности вследствие провокационной деятельности высших властей, выпускающих на свободу явных погромщиков, громил, убийц и контрреволюционеров, районный штаб считает, что борьба с преступностью может быть успешной при условии коренного изменения социальных отношений, а при настоящем положении вещей желание сблизить Красную гвардию с милицией, которая ничем не отличается от полиции, бесполезно в своем результате и крайне вредно подменой задач Красной гвардии, что может повести к постепенному скатыванию ее к роли полицейского придатка, вследствие чего районный штаб призывает Красную гвардию не делать самостоятельных шагов без ведома штаба, полагая принять участие в облавах, арестах и пр. только по распоряжению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Резолюция митинга солдат гвардии Кексгольмского резервного полка, 18 октября 1917 г.

«Корниловское наступление на Петроград, провокационное отступление от Риги, сдача Моонзундской позиции и угрожающая ныне сдача Петрограда, совершаемая объединившимися контрреволюционерами России, Германии и Англии, ставят вопрос русской революции на карту. Потеря Балтийского флота, потеря революционного Петрограда и всех заводов, работающих на оборону страны, повлечет сдачу русской революции на милость своему и заграничному капиталу.

Мы, кексгольмцы, твердо стоим на своих революционных постах и не допустим задавить нашу свободу. Объединенные в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов положит конец тому предательству, которое наносила революции политика буржуазии и соглашателей

«социалистов». Мы всеми имеющимися у нас силами поддержим наш Совет в осуществлении лозунга мира, хлеба и свободы. Да здравствует пролетарская революция!»

Заявление Бюро фракции большевиков на II съезде Советов:

«18 октября 1917 г. По дошедшим до нас сведениям некоторые члены организационного бюро по созыву съезда Советов, желая сорвать съезд, уверяют съезжающихся делегатов, что съезда не будет, ввиду чего предлагают им разъезжаться на места. Советуем товарищам делегатам не поддаваться на провокацию и не разъезжаться. Громадное большинство высказалось за съезд. ЦИК сам за съезд. Съезд несомненно состоится. Делегатов, сочувствующих большевикам, просим явиться в Смольный институт, комната № 18.

Бюро фракции большевиков».

Письмо к членам партии большевиков.

«Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая Жизнь», то я отказался верить этому. Но сомнения оказались невозможны, и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного штрейкбрехерства было бы преступлением...

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!

Н. Ленин».

Сообщение газеты «День». 19 октября 1917 г.

«В Выборгском районе, недалеко от дачи Дурново, ежедневно происходит усиленное обучение «Красной гвардии», причем для стрельбы в цель приспособлен особый тир. Под руководством собственных инструкторов красногвардейцы прилежно проходят строй, учатся штыковой атаке и производят впечатление хорошо обученных воинов. По заявлению некоторых из них, в распоряжении «Красной гвардии» имеются пулеметы и даже три броневых автомобиля».

Сообщение газеты «Новая жизнь». 20 октября 1917 г.

«Министр юстиции П. Н. Малянтович предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина. Прокурор судебной палаты во исполнение этого распоряжения обратился к главнокомандующему войсками Петроградского военного округа с просьбой приказать подведомственным ему чинам оказать содействие гражданским властям в производстве ареста и о доставлении Ленина в случае задержания его военными властями судебному следователю по особо важным делам П. А. Александрову.

В своем обращении к главнокомандующему войсками Петроградского военного округа прокурор палаты ссылается на приказ об аресте Ленина, исходящий от Верховного главнокомандующего. Аналогичные бумаги посланы прокурором палаты комиссару Временного правительства по управлению бывшим градоначальством и начальнику общей и уголовной милиции».

Сообщение «Рабочей газеты». 20 октября 1917 г.

«Несмотря на то что слухи о выступлении большевиков 20 октября, по-видимому, не оправдываются, вчера

были осуществлены все те мероприятия по охране безопасности столицы, которые были решены на совещании с участием министра-председателя, военного министра, министра внутренних дел и главнокомандующего округом. На окраинах города расположены сильные воинские заставы, задача которых не допустить массовых сборищ и эксцессов. Места расположения этих застав соответствуют большей или меньшей опасности в смысле возможных выступлений. Кроме того, установлены конные казачьи патрули, разъезжающие всю ночь в определенных районах города. По всему Петрограду находятся скрытые конные резервы, которые в любой момент должны по вызову прибыть для подавления беспорядков. Охрана города вверена наиболее надежным воинским частям, которые, вне всякого сомнения, будут беспрекословно подчиняться распоряжениям Временного правительства».

Сообщение газеты «Биржевые ведомости».

20 октября 1917 г.

«В связи с предполагаемым выступлением большевиков военный комитет при ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов намерен взять в свои руки ликвидацию большевистского выступления. В течение последних дней состоялся ряд заседаний комитета, на котором детально был разработан план действия комитета в случае вооруженных выступлений большевиков. На одном из заседаний был поставлен вопрос о взаимоотношениях между означенным комитетом и штабом Петроградского военного округа, в распоряжении которого находится Петроградский гарнизон. Члены комитета указывали, что всякие выступления как слева, так и справа, направленные к ослаблению обороноспособности фронта, должны быть пресекаемы в корне и в этом случае комитет должен санкционировать все распоряжения главнокомандую-

щего Петроградским военным округом, касающиеся ликвидации подобных выступлений. С такой точкой зрения согласились и остальные члены комитета, и с вчерашнего дня установлена полная координация действий комитета со штабом округа».

Сообщение газеты «Речь». 21 октября 1917 г.

«День 20 октября прошел в Петрограде спокойно. 20 октября в ожидании выступления большевиков были приняты усиленные меры охраны. Воинскими караулами были заняты не только здания, имеющие государственное значение, как, например, почта, телеграф и телефон, но и некоторые частные здания, служившие объектами нападений во время июльского выступления, как, например, Петроградская военная гостиница (бывшая «Астория») и др.

В значительной степени была усилена охрана частных коммерческих банков, где караулы несли особая банковская милиция».

Калейдоскоп событий. 21 октября 1917 г.

21 октября на заседании Военно-революционного комитета было избрано бюро в составе трех большевиков (Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, А. Д. Садовского) и двух левых эсеров (П. Е. Лазимира, Г. Н. Сухарькова).

Отношение Военно-революционного комитета главнокомандующему Петроградским военным округом. 21 октября 1917 г.

«Настоящим доводится до Вашего сведения, что постановлением Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 21-го сего октября в связи с поставленными им задачами по

охране Петрограда от контрреволюционных покушений во все заводы и склады оружия и огнестрельных припасов в Петрограде делегированы на места комиссары для производства прямого и непосредственного контроля выдачи вышеуказанных предметов и принятия надлежащих мер по надежной охране на местах.

За председателя *Г. Сухарьков*.
Секретарь *Антонов*».

Резолюция общего собрания полковых комитетов частей Петроградского гарнизона. 21 октября 1917 г.

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции».

Сообщение «Рабочей газеты». 22 октября 1917 г.

«Военными и гражданскими властями принят целый ряд мер на случай возможных выступлений сегодня, 22 октября, которые на этот раз ожидаются с гораздо большей вероятностью, чем накануне, двадцатого.

Как известно, сегодня состоится крестный ход при участии казачества и вместе с тем большевиками решено устроить ряд митингов во всех районах Петрограда, на которых выступят все известные лидеры большевизма. Вчера на улицах, особенно на окраинах, были расклеены плакаты с красными надписями: «Граждане, устраивайте 22 октября митинги».

Властями намечен следующий образ действий. Хотя всякого рода уличные собрания, согласно давнишнему распоряжению Временного правительства, воспрещены,

однако решено не прибегать к особо насильственным мерам в тех случаях, когда митинги будут носить совершенно мирный характер. Как только будет замечено волнение, начнут раздаваться резкие возгласы и т. п., милиция предложит собранию разойтись.

В случае неподчинения будет составляться протокол на президиум собрания. При неисполнении распоряжения собрание будет рассеиваться всеми имеющимися средствами вплоть до применения силы».

Калейдоскоп событий. 23 октября 1917 г.

В ночь на 23 октября по чугунным плитам громадных коридоров Смольного застучали сапоги красногвардейцев — отряды Красной гвардии заняли первый и второй этажи. Покатились по ступенькам лестниц «максимы», рабочие, пришедшие прямо с заводов, встали в очередь за оружием. К Смольному подошли броневики и застыли перед ним в грозном строю.

Отношение штаба Красной гвардии Выборгского района завкому Петроградского патронного завода, 23 октября 1917 г.

«Штаб Красной гвардии при Выборгском районном Совете рабочих депутатов получил от тов. Коршунова 83 ящика боевых патронов по 600 штук в каждом и 3 ящика учебно-боевых патронов, что подписью и приложением печати удостоверяем.

За председателя штаба *Стакун*.
Секретарь *В. Малаховский*».

Калейдоскоп событий. 23 октября 1917 г.

Прямо с Николаевского вокзала член ВЦИК Благоднравов пошел в Смольный. После вагонных сетований обывате-

лей на большевиков прапорщику-большевику было особенно приятно в Смольном вновь окунуться в атмосферу революции. Здесь мелькали знакомые лица, группами и по одному шли вооруженные рабочие и солдаты.

На третьем этаже Благодравов встретил Садовского. Молчаливый и невозмутимый председатель военного отдела Петроградского Совета сейчас был необычно оживлен, увидев прапорщика, улыбнулся и сказал на ходу:

— Где это вы запропали? Идите скорее в Военно-революционный комитет — вы там нужны.

Благодравов поспешил в комнату № 79. Здесь были Подвойский, Еремеев, Мехоношин. Подвойский, кратко обрисовав положение, предложил Благодравову пойти комиссаром в Петропавловскую крепость.

Пока прапорщик отстукивал одним пальцем на старой дребезжащей машинке несколько строчек мандата, Подвойский, то и дело прерываясь, чтобы переброситься словами с поминутно входящими в комнату Военно-революционного комитета товарищами, объяснял ему положение в крепости.

По набережной Невы Благодравов направился к пронзающей шпилем петроградскую мглу мрачной, серой громаде крепости. Керенский после июльских событий, когда крепость была на стороне большевиков, ввел в нее надежные, как он думал, части с фронта.

Проходя под мрачными арками Петровских и Ивановских ворот, комиссар, которому шел двадцать второй год, невольно подумал о поколениях революционеров, заживо погребенных здесь царизмом.

В маленькой накуренной комнате гарнизонного клуба собралось экстренное заседание большевистской ячейки.

Еще в Смольном от Подвойского Благодравов узнал, что настроение восьмитысячного гарнизона и персонала крепости далеко не ровное. Теперь по докладам пред-

ставителей частей и служб крепости он в этом убедился. Если команда складов, пулеметный батальон Кольта и рабочие Монетного двора были большевистскими, то другие части и служащие занимали нейтральную позицию или прямо враждебную — как местная команда, состоящая в основном из сынков питерских лавочников, прячущихся от фронта. Все докладчики подчеркивали, что наиболее надежным и активным был батальон Кольта, насчитывающий тысячу человек при восьмидесяти пулеметах, во главе с поручиком Жендзяном — формально «левым» эсером, а фактически всецело вставшим на сторону большевиков. Решили вечером провести митинг всего гарнизона, а пока созвать собрание пулеметного батальона.

Весть о прибытии комиссара Военно-революционного комитета уже разнеслась по крепости, и казарма местной команды была битком набита солдатами. Они заняли все проходы между нарами, расселись на самих нарах, усыпали подоконники. Настроение у всех было оживленное, стоял гул голосов.

Первым выступил председатель большевистской ячейки крепости Павлов.

Его твердые заключительные слова: «Мы по первому призыву Военно-революционного комитета с оружием в руках выйдем на улицу и низложим правительство Керенского!» — потонули в грохоте аплодисментов и криков одобрения.

Настала очередь Благодрава. Никогда еще он не чувствовал себя так хорошо. Слова лились свободно, словно из самого сердца. Солдаты слушали затаив дыхание. Указав, что только с боем можно вырвать власть из рук Временного правительства, комиссар призвал беспощадно расправиться с теми, кто выступит против народа и останется по другую сторону баррикад.

Калейдоскоп событий. 23 октября 1917 г.

В «штаб-квартиру» Благодравова в гарнизонном клубе пришел Тер-Арутюнянц, назначенный Военно-революционным комитетом комиссаром арсенала Петропавловской крепости еще до назначения Благодравова комиссаром всей крепости.

После крепкого рукопожатия Тер-Арутюнянц сообщил, что у него большие трудности в выполнении задания. Бывший начальник арсенала прапорщик Филиппов, правый эсер и любимец местной команды, никак не хотел считаться с комиссаром арсенала и выполнять его приказания о выдаче оружия. А от рабочих уже начинают поступать требования на оружие — нужно их снабжать во что бы то ни стало.

Комиссары пошли в арсенал. Часовой у входа, несмотря на все доводы, не хотел их пропускать. Наконец после долгих препирательств и предъявления мандатов они прошли в караульное помещение. Навстречу им вышел изящно одетый, выхолненный прапорщик.

Это и был Филиппов. Назвав себя, Благодравов предложил ему именем Военно-революционного комитета немедленно передать командование караулом и заведывание складами Тер-Арутюнянцу.

Растерявшийся Филиппов перестал улыбаться, услышав твердый тон молодого офицера, комиссара Совета и, кажется, (о, господи!) большевика. Дрожащим голосом он начал доказывать «всю недопустимость предъявленных к нему требований», ссылаясь на воинские уставы и свою офицерскую честь.

Благодравов выслушал его, кивнул головой, как будто подтверждая все, что услышал от Филиппова, и снова спокойно предложил ему сдать командование, сказав, что в случае неповиновения вынужден будет его арестовать.

Видимо, эта угроза и была якорем спасения для Филиппова. Он беспрекословно подчинился, сказав, что не видит иного выхода из создавшегося положения. По всему его виду чувствовалось, что он доволен такой развязкой — он снят с поста «силой», и его «офицерская честь» останется непострадавшей.

Караул извещен об аресте Филиппова встретил довольно спокойно, и лишь унтер-офицер разводящий пытался запротестовать, заявив, что не имеет права без особого приказа коменданта исполнять распоряжения Тер-Арутюнянца. Но и это слабое сопротивление было быстро сломлено.

Для предупреждения всяких неожиданностей Благодоров отдал приказ выслать для смены караула арсенала надежный взвод пулеметчиков.

Филиппов между тем ушел, дав честное слово удалиться из крепости на квартиру и не выходить из нее до особого распоряжения. После его ухода председатель партячейки Павлов сказал Благодорову, что есть основания опасаться осложнений со стороны местной команды, в которой Филиппов пользовался большой популярностью и которая, будучи недовольна таким поворотом событий и под давлением самого Филиппова, может выступить.

Выслушав Павлова, Благодоров недоверчиво покачал головой — уж больно жалким показался ему этот прапорщик, а местная команда просто потихоньку разбежалась по папенькиным гнездышкам.

Время летело незаметно. Подошел час собрания.

Зал гарнизонного клуба постепенно наполнялся солдатами. Офицеры жались около стола председателя гарнизонного комитета штабс-капитана Янушевского и о чем-то перешептывались. Заметив комиссара, они тут же замолчали. Наконец пришел и сам комендант полковник Васильев. Солдаты не обратили на его приход никакого

внимания. Офицеры вытянулись и щелкнули каблуками. Первым взял слово Павлов.

После его речи собрание сразу явно разделилось на две части. За Временное правительство — меньшинство, большинство — против.

Выступил комендант. Это был типичный военный, старый царский служака с зычным голосом, самоуверенными движениями и пустыми глазами. Офицеры, видимо ожидая какого-то особого эффекта от его выступления, стряхнули с себя оцепенение, в котором пребывали после речи Павлова.

Громко, отчетливо сыпал полковник слова о гибнущих в окопах братьях, ждущих помощи, о своих седирах и старых ранах, о том, что представитель Военно-революционного комитета — лицо безответственное.

Речь свою полковник закончил призывом всемерно поддержать Временное правительство. В ответ раздались жидкие офицерские хлопки.

После выступления Благоднарова и речей самих солдат митинг закончился так же успешно, как и собрание пулеметчиков.

Несмотря на позднее время, в крепости никто не спал — начали приезжать делегации от заводов, моряков и воинских частей за оружием и боеприпасами.

В комнате, где обосновался Благоднаров, непрерывно трещал телефон, принося вести об успехах большевиков на собраниях и митингах по всему городу. Время от времени незнакомый голос сообщал, что на вокзалы прибывают карательные отряды с фронта.

Большевики знали цену этим слухам и угрозам. Благоднаров только смеялся в трубку, тотчас взрывающуюся визгом и площадной бранью. Господа, называвшие по телефонам, очень хорошо понимали собственное бессилие.

**Телеграмма исполняющего должность командира
крейсера «Аврора» командующему Балтийским флотом
контр-адмиралу А.В. Развозову. 23 октября 1917 г.**

«22 часа 30 минут. Срочно. Сегодня днем председатель судебного комитета получил приказание от Центробалта впредь до его распоряжения не выходить из Петрограда. Председатель судебного комитета настаивал перед Дыбенко на необходимости выхода крейсера на пробу машин, которую предполагалось произвести в среду, а завтра должны были перейти в Кронштадт. Дыбенко настаивает на том, чтобы крейсер 25-го и 26-го оставался в Петрограде. Председатель судебного комитета ослушаться распоряжений Центробалта не считает возможным, о чем и заявил мне. Обо всем донесено минмору.

Лейтенант Эрикссон».

**Резолюция, принятая на заседании полкового и районных
комитетов 17-го Сибирского стрелкового полка.
23 октября 1917г.**

«Так как уже истекает восьмой месяц революции и мы, сидя в окопах, терпеливо ждем от Временного правительства тех заветных лозунгов, которые оно обещало нам в первые дни революции, но, увы, они остались на бумаге, обещанный и справедливый мир нисколько не приближается, Временное правительство, по всему видно, стало противником мира, надежды потеряны, а потому требуем:

1) Передачи всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, дабы пресечь всякие соглашения с буржуазией и ее печатью, дабы водрузить именно защищающую нас власть.

2) Опубликования тайных договоров, заключенных Николаем кровавым с французскими и английскими империалистами.

- 3) Скорейшего заключения всеми жаждущего мира.
- 4) Отмены смертной казни.
- 5) Немедленной передачи царско-помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов.
- 6) Конфискации хищнических прибылей капиталистов.
- 7) Тщательного рабочего контроля над производством и распределением.
- 8) Освобождения политических заключенных, принадлежащих к левому блоку.
- 9) Прекращения репрессий к большевистской печати и травли большевиков.
- 10) Усиленной борьбы с контрреволюционерами и предания изменников суду.
- 11) Реорганизации армии на выборных началах.
- 12) Закрытия желто-буржуазной контрреволюционной печати, а типографии конфисковать.
- 13) Требуем немедленного пополнения рядов наших рот тыловыми частями, потому что ряды наших рот поредели, и мы не имеем возможности отстаивать наши позиции, а вина эта всецело будет лежать на тех, кто не заботится о своевременном пополнении. Пополнение черпать не из Петроградского гарнизона, как защищающего наши интересы и стоящего на страже революции, а есть целый ряд других гарнизонов, из которых и можно пополнять. Ввиду этого протестуем против действий Временного правительства, которое в тяжелое время для революции, когда Петрограду угрожает опасность, пытается вывести Петроградский гарнизон. Заявляем, что будем идти рука об руку с Петроградским гарнизоном и поддерживать его в борьбе с контрреволюционерами.

Председатель прапорщик *Головань*.

Секретарь стрелок *Стасевич*».

Калейдоскоп событий. 24 октября 1917 г.

Под утро в Смольном зазвонили телефоны. Связные докладывали о перехваченных телеграммах штаба округа, вызывавшего войска из пригородов, сообщали о закрытии газеты «Рабочий путь». Большевики встали перед выбором — или немедленно организовать отпор Временному правительству, или подчиниться и этим поставить под угрозу успех восстания.

Утром на заседании ЦК по инициативе Л. Б. Каменева было принято решение о том, что в течение всего дня 24 октября ни один из его членов не имеет права покинуть Смольный без разрешения ЦК.

Воззвание Военно-революционного комитета:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступить. Замышляется предательский удар против Петроградского Совета. Газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты, типографии опечатаны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа. Петроградский Совет стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках.

Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность!

Да здравствует революция!

Военно-революционный комитет.

24 октября 1917 г.».

Калейдоскоп событий. 24 октября 1917 г.

Утром в Совете Российской республики (Предпарламенте), который даже юридически был всего лишь совещательным органом при правительстве, выступал Керенский:

— Временное правительство и я предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим!

Керенский хотел продолжить свое обычное словоизвержение, как вдруг Коновалов передал ему записку. Это была копия утреннего воззвания Военно-революционно-

го комитета. Керенский зачитал его вслух под дикие крики правых депутатов.

— Я требую, чтобы сегодня же в этом заседании, Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания.

Был объявлен перерыв. Текст речи стали немедленно передавать по телеграфу на фронт, корпусным и армейским комитетам.

Приказ начальника Петроградского военного округа:

«1. Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа.

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу будут преданы суду за вооруженный мятеж.

2. В случае каких-либо самовольных выступлений или выходов отдельных частей или групп солдат на улицу помимо приказов, отданных штабом округа, приказываю офицерам оставаться в казармах. Все офицеры, выступившие помимо приказов своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

3. Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих от различных организаций.

Подписал: Главный начальник округа
Генерального штаба полковник *Полковников*».

Постановление Военно-революционного комитета.

24 октября 1917 г.

«Две революционные газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты заговорщиками штаба.

Совет рабочих и солдатских депутатов не может потерпеть удушения свободного слова. За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать.

Военно-революционный комитет постановляет:

1). Типографии революционных газет открыть.

2). Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3). Почетная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона. Председатель Подвойский Секретарь Антонов».

Калейдоскоп событий. 24 октября 1917 г.

Утром 24 октября в Смольном прапорщику-большевику Дашкевичу вручили постановление об освобождении типографии газеты «Рабочий путь».

Взяв караул — рослых, подтянутых солдат Волынского лейб-гвардии полка, — Дашкевич вывел его на площадь перед Смольным. Здесь он рассказал о предстоящей задаче:

— Вот прямо перед нами Шпалерная улица, вон видны казармы и конюшни Кавалергардского полка, справа тянется плац полка, справа же за плацем выходит на Шпалерную Кавалергардская улица. На этой улице — типография газеты партии большевиков. Сегодня ночью Временное правительство запретило выход газеты, опечатало типографию. Приказываю сменить имеющийся там караул. Под вашей почетной охраной редакция и рабочие типографии будут продолжать выпускать большевистскую газету. Ваши караульные обязанности поняты?

— Так точно! Поняты!

— Разводящий, проверьте караул!

Разводящий быстро осмотрел винтовки, патроны, подсумки. Все в порядке.

— Караул, за мной!

На Шпалерной почти никого — лишь иногда мелькнет штатская или солдатская фигура. В тишине начинавшегося сероватого петроградского дня гулко раздавались гвардейская поступь караула. Дашкевич надеялся на караул, он знал, что волынцы не раз слышали его на митингах в своем полку и других частях, стоят за власть Советов, а газету, которую им сейчас придется защищать, они читали и любили.

Вот и здание типографии. У ворот толпились рабочие. «Наверно, наши срочно вызвали наборщиков и печатников», — подумал Дашкевич. Караул подошел к воротам. Рабочие оживились, заулыбались, уже зная, зачем пришли солдаты. Кто-то из рабочих сказал, что часовой — солдат 9-го запасного кавалерийского полка охраняет опечатанную дверь в наборное и машинное отделения.

Караул стал подниматься по лестнице. За ним шли рабочие. С каждой ступенькой усиливалось напряжение — ведь у большевиков не было ни пропуска, ни пароля.

Одиноко и как-то жалко выглядела фигура солдата-кавалериста у двери с сургучной печатью, которую он охранял.

Увидев офицера, часовой подтянулся и вопросительно посмотрел на него.

— Разводящий, по распоряжению Военно-революционного комитета произведите смену часового!

Снятому с поста кавалеристу Дашкевич приказал немедленно отправиться в свою часть. Недоумевающий солдат быстро спустился вниз, пройдя среди расступившихся рабочих.

Дашкевич сорвал с двери шнурок с печатью. Кто-то сунул ему в руку запасной ключ. Машинное и наборное

отделения открыты. Все бросились туда. Машины тоже опечатаны, но исправны. Сквозь ходовые части продеты шнуры с сургучными печатями.

Большими редакционными ножницами Дашкевич перерезал шнуры у каждой машины и, попросив отвести караулу помещение, побежал в Смольный, где доложил Подвойскому, что задание выполнено.

***Распоряжение штаба Петроградского военного округа
начальнику охраны Балтийской железной дороги.***

24 октября 1917 г.

«Главкомандующий приказал Вам ни в коем случае охрану станции не снимать, комиссаров, присланных от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на станцию не допускать, так как вы подчинены только штабу округа, который действует в контакте с Центральным Исполнительным Комитетом. Предупредите войска, покушающиеся занять Балтийский вокзал, что с фронта двигаются эшелоны, верные Временному правительству и Центральному Исполнительному Комитету крестьянских и рабочих депутатов. Генерал-квартирмейстер штаба округа Подполковник Пораделов. 24 октября 1917 г».

***Донесение начальника охраны Балтийской железной дороги
поручика Синеокова в штаб Петроградского военного округа.***

24 октября 1917 г.

«Доношу, что на Балтийский вокзал прибыла рота Измайловского полка от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов для несения совместной службы с охраной, но будет в подчинении у комиссара; кроме того, измайловцы выставляют караулы для захвата телеграфа и телефона. Прошу Вашего распоряжения. Своими силами

Балтийский вокзал не удержат. Нахожусь на Варшавском вокзале, где все благополучно.

Поручик *Синеоков*».

Юзограмма Центробалта всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 24 октября 1917 г.

«Петроградскому, Кронштадскому и всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и всем верным революции гарнизонам и фронту.

Балтийский флот зорко следит за центром и колыбелью революции — Петроградом. По первому зову Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов наша мощь и наше оружие вместе с вами, преданными революции. Призываем всех товарищей в эти минуты, когда предатели революции во главе с Временным правительством стягивают все свои контрреволюционные силы к Петрограду, быть истинными стойкими и беззаветными баррикадными бойцами за права угнетенного класса и за передачу власти в руки самого народа, истекшего кровью.

Балтийский флот не дрогнет ни перед какими силами реакции врагов революции.

Комитет Балтийского флота».

Калейдоскоп событий. 24 октября 1917 г.

Утром курьер из Смольного привез в Петропавловскую крепость пакет с приказом за подписью Подвойского о том, что Керенский стягивает войска к Петрограду и хочет с их помощью и с помощью юнкеров утопить в крови революцию.

Военно-революционный комитет призывал комиссаров частей гарнизона и важнейших стратегических объектов быть особо бдительными и принять все меры обороны.

На немедленно созванном совещании Благодравов сообщил о полученном приказе. Тут же был намечен план охраны крепости.

Крепостная стена стала принимать боевой вид — на ней установили пулеметы для обстрела Троицкого моста и набережной, вышку Народного дома занял наряд пулеметчиков, к воротам крепости встал усиленный караул, а на прилегающие улицы вышли патрули.

Благодравову сообщили, что комендант крепости Васильев часто сносится по телефону со штабом Керенского на Дворцовой площади и, по-видимому, намеревается, опираясь на местную команду и часть самокатчиков, арестовать комиссаров, большевистскую ячейку и «водворить в крепости порядок». Одновременно по телефону из Смольного пришло известие, что в крепость должны прибыть казаки.

Распоряжение Благодравова, несмотря на истерику грозного полковника и его крики о том, что с виновниками расправятся по всей строгости военных законов, осуществлялось солдатами быстро и точно — обезоруженный комендант был арестован и заперт в собственной квартире, откуда снят телефон.

Сообщение газеты «Рабочий путь». 24 октября 1917 г.

«Большинство воинских частей Петрограда признало компетенцию Военного-революционного комитета, учрежденного при Совете, и выразило желание подчиняться только его распоряжениям. Между прочим, поступило заявление 9-го кавалерийского полка, что он подчиняется только воле Совета.

В Петропавловской крепости Советом назначен специальный комиссар, заведующий складами припасов оружия, без ведома которого никакие предметы снаб-

жения отпущаться не будут ни по чьему требованию. Гарнизон Петропавловской крепости заявил себя на стороне Совета».

Калейдоскоп событий. 24 октября 1917 г.

Зимний дворец срочно вызвал к телефону коменданта Петропавловской крепости. Благодравов встретил бледный и растерянный начальник канцелярии штабс-капитан Лашков, прикладывавший одну руку к голове на которой не было фуражки, а другой указывавший на стол, где лежала телефонная трубка. Тут же, заметив свое неловкое отдание чести, штабс-капитан еще больше стучевался и отошел в сторону.

Комиссар взял трубку. Говорил адъютант Керенского. Ему хотелось узнать, почему не действует телефон на квартире коменданта и что вообще происходит в крепости. Эти сведения, по его словам, были нужны для доклада Керенскому.

Прежде всего Благодравов сообщил, что адъютант говорит с представителем Военно-революционного комитета, и неторопливо рассказал обо всем, что происходит в крепости, в том числе и об аресте коменданта. Он попросил передать Керенскому, что крепость теперь исполняет только распоряжения Военно-революционного комитета, с которым он и может в дальнейшем сноситься.

В ответ раздался крик: «Так вот вы как, это восстание! Хорошо же!» и трубка полетела на рычаг. Это было единственное боевое действие, которое смог совершить адъютант министра-председателя.

Резолюция митинга 4-го гренадерского Несвижского полка:

«Товарищи! Мы ждали. Мы терпеливо три с лишним года несли все тяготы войны, покорно принимали на себя ее удары. Три с лишним года кровавого ужаса.

Три с лишним года нечеловеческих страданий. Мы ждали. Брошенные в кровавый кошмар бойни прихотью Николая кровавого и аппетитами капиталистов, придавленные к земле страданием ненужности этой бойни, изменами, предательством, очевидностью сознательного истребления нас в целях большего порабощения, мы в феврале воспрянули духом при известии о революции. Свергнут тиран. Народ правит своими судьбами. И нам казалось, что наши отцы, наши братья прекратят эту бойню, найдут способ прекратить кровавое безумие, охватившее мир, выведут нас из положения убойного скота.

Мы обманулись в своих ожиданиях. Освобожденный тыл охватило безумие личных интересов, наживы, погони за славой, мелочной, иногда позорной борьбы партий. Мы были забыты. Вопрос о мире оказался в руках буржуазии, которая, несмотря на море пролитой крови, несмотря на груды жертв, несмотря на внутреннюю неурядицу, на обеднение и усталость всего русского народа, считала возможным и нужным продолжать войну, убеждая нас, что войну можно кончить войной; буржуазия, продолжая войну, набивала свои карманы и мечтала о задавлении революции путем обессиливания нас — армии и народа. Сказав нам, что мир придет только с победой, нас бросали, как ненужный скот, под пули немцев; усталых наших братьев, не выдержавших многолетнего ужаса, страданий, усталости, расстреливали. Нам дали Корнилова, повесили над нами дамоклов меч — смертную казнь. Нас обливали грязью насмешек, клеветы. Вместо прав, возвещенных декларацией, нам дали право умирать, голодать, молчать.

Видя все это, мы все-таки продолжали стоять перед лицом врага, надеясь, что тыловые товарищи опомнятся. Мы долго ждали. Ждали бесплодно. Теперь наше терпение истощилось. Настал момент сказать всю горькую правду о

нашем положении и потребовать от правительства и демократических организаций вывести нас из него.

Мы голодны. Мы раздеты. Мы устали. Дальше не можем. С каждым днем ухудшается наше положение, с каждым днем редют наши ряды. Обнищавшая, раздираемая неурядицами Россия не в силах без мира ни улучшить наше положение, ни пополнить наши ряды. Дальнейшее продолжение войны — преступление, ничем не оправдываемое. Оно — лишняя кровь, лишние жертвы, лишние территориальные потери. В нем величайшие возможности для контрреволюции, для темных делишек, набивания карманов и т. п. проявлений тылового героизма.

Довольно бойни! Довольно крови!

Мир! Необходим немедленный мир! Мир во что бы то ни стало! Только мир может спасти Россию и свободу. Мы требуем — дайте нам мир! Возвратите нас к работе, так необходимой свободной, но обнищавшей родине; возвратите нас к нашим семьям, оставленным без призора, обреченным на голод, холод и нищету.

Мы не можем больше ждать! Спешите! Медлительность — преступление. В ней гибель родины и свободы.

Несвижцы».

Резолюция Петроградского комитета РСДРП(б).

24 октября 1917 г.

«Петроградский комитет считает необходимой задачей всех сил революции немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи Петроградский комитет считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы».

*Газета «Рабочий путь» об экстренном заседании
Петроградского Совета. 24 октября 1917 г.*

«На заседании присутствовало много делегатов съезда Советов. С докладом о положении дел выступил Троцкий. Изложив историю конфликта со штабом военного округа, докладчик сообщает о целом ряде попыток со стороны Временного правительства подтянуть к Петрограду войска против революции. Но все подобные попытки парализованы Военно-Революционным Комитетом.

Мы не боимся брать на себя ответственность за сохранение революционного порядка в городе. Сегодня Военно-Революционный Комитет заявляет населению Петрограда, что Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений.

Сегодня нас посетила делегация от городского самоуправления. Делегация спрашивала нас: как мы смотрим на охрану порядка в городе? У правительства нет силы, нет власти — они это видят. Делегация передала даже слух о том, что будто правительство предполагает передать власть городскому самоуправлению.

Делегатам городского самоуправления мы ответили, что в деле поддержания революционного порядка готовы согласовать свою деятельность с деятельностью городской думы. Представитель ИК Петроградского Совета еще с корниловских дней делегирован в городскую управу. С другой стороны, в Военно-Революционный Комитет входит представитель городского самоуправления.

Далее, делегация нас спрашивает о восстании и выступлении. По этому вопросу мы им сказали то, что неоднократно говорилось нами здесь. В этом отношении нам не пришлось менять ни одного слова. Мы ответи-

ли делегации: «Вся власть Советами — это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний Всероссийского съезда Советов, этот лозунг должен получить осуществление. Приведет ли это к восстанию или выступлению — это зависит не только и не столько от Советов, сколько от тех, которые вопреки единодушной воле народа держат в своих руках государственную власть».

Военно-Революционный Комитет возник не как орган восстания, а на почве самозащиты революции. Когда правительство Керенского решило обезоружить Петроград и вывести отсюда войска, мы сказали, что в интересах защиты революции этого не допустим. Когда в Петрограде это правительство закрыло две газеты, имеющие огромное влияние на петроградский пролетариат и гарнизон, мы сказали, что не можем потерпеть удушения свободного слова, и выпуск газет решили возобновить (аплодисменты), возложив почетную обязанность охранения типографий революционных газет на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасн. саперного батальона. (Бурные аплодисменты.) Есть ли это восстание? У нас есть полувласть, которой не верит народ и которая сама не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа. (Бурные аплодисменты.) Когда правительство стало мобилизовывать юнкеров, в это самое время оно дало крейсеру «Аврора» приказ удалиться. Почему, призывая юнкеров, правительство стало удалять матросов? Причины понятны. Речь идет о тех матросах, к которым в корниловские дни являлся Скобелев со шляпой в руках просить, чтобы они охраняли Зимний дворец от корниловцев. Матросы «Авроры» выполнили тогда просьбу Скобелева. А теперь правительство пытается их удалить. Но раз матросы спросили и Военно-

Революционный Комитет Совета — «Аврора» сегодня стоит там, где стояла прошлой ночью. (Бурные аплодисменты.) Завтра откроется съезд Советов. Задача гарнизона пролетариата — предоставить в распоряжение съезда накопленную силу, о которую бы разбилась правительственная провокация. Задача наша — донести эту силу до съезда нерасколотой, неущербленной.

Когда съезд скажет, что он организует власть, этим он завершит ту работу, которая проделана во всей стране. Это будет означать, что высвободившийся из-под власти контрреволюционного правительства народ созывает свой съезд и создает свою власть.

Если мнимая власть сделает азартную попытку оживить собственный труп, то народные массы, организованные и вооруженные, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление атаки. Если правительство двадцатью четырьмя или сорока восемью часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар ударом, на железо сталью». (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Отвечая на вопрос об отношении к левым эсерам, Троцкий заявляет:

— В бюро Военно-Революционного Комитета из 5 лиц 2 левых эсера, гг. Лазимир и Сахарнов. Работают они там прекрасно, никаких принципиальных разногласий у нас с ними нет.

Сегодня вечером нам сообщали, что фракция левых эсеров выходит из предпарламента и посылает своего представителя в Военно-Революционный Комитет.

Итак, в борьбе против общего врага — контрреволюции — мы нашли друг друга. (Бурные аплодисменты.)

После выступления представителя Московского Совета тов. Аванесова заседание, созванное исключительно с информационной целью, закрывается».

Предложение прокурора Петроградской судебной палаты Корчевского судебному следователю по важнейшим делам Петроградского окружного суда В. К. Чудвиловичу о расследовании деятельности Петроградского Военно-Революционного Комитета. 24 октября 1917 г.

«Срочно. Препровождая при сем получившее распространение воззвание Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также номер газеты «Биржевые ведомости» и «Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов» от 24 сего октября, в которых имеются указания на состав Военно-Революционного Комитета, поручаю Вам приступить к производству следствия по признакам 3-го параграфа закона 6 июля 1917 г. и 108-й статьи Уголовного Уложения.

При этом сообщаю, что наблюдение за означенным следствием мною возложено на товарища прокурора Судебной палаты Савойского.

Прокурор Судебной палаты *Корчевский*.
Секретарь *Пальм*».

Сообщение газеты «Речь». 25 октября 1917 г.

«Около 11 час. вечера (24 октября) отряд красногвардейцев навел Николаевский мост.

По распоряжению штаба округа отряд ударного батальона приступил к разводке моста.

Разные мосты на Неве в течение дня неоднократно разводились и затем вновь наводились.

Ночью все мосты на Неве, кроме Николаевского, были наведены».

Письмо В.И. Ленина членам ЦК РСДРП(б). 24 октября 1917 г.

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита народа (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно».

Сообщение газеты «День» о положении в Смольном.

24 октября 1917 г.

«Смольный окружен со всех сторон войсками Петроградского гарнизона.

Еще утром пришли две роты Литовского полка, которые расположились частью перед зданием, частью внутри Смольного.

К 1 часу дня прибыли на грузовых автомобилях отряды Красной гвардии, которые немедленно заняли все входы и выходы Смольного и установили во всех частях здания пулеметы. Штаб караулов, охраняющих Смольный, расположился в маленькой комнате в первом этаже; там же на-

ходится несколько запасных пулеметов, которые, по-видимому, предполагается установить на крыше здания. Днем около 3 часов прибыл к Смольному отряд, посланный 6-м саперным полком, для охраны Петроградского Совета; к вечеру охрана Смольного была усилена, и в здание Совета, кроме членов ЦИК и Петроградского Совета, никто не пропускается. Не были пропущены также и представители буржуазной прессы.

Вокруг здания Совета царит большое оживление. Ежеминутно подъезжают к крыльцу автомобили с солдатами и матросами, которые, высадив своих пассажиров, мчатся по направлению к Таврическому дворцу.

На площади перед Смольным в различных направлениях проходят отдельные патрули вооруженных солдат. Солдатам раздаются воззвания Военно-Революционного Комитета и газета «Рабочий и солдат». В коридорах оживленно обсуждается характер сегодняшнего съезда и многими высказывается недовольство тем, что съезд, по-видимому, будет отложен или в лучшем случае открыт лишь сегодня вечером.

Указывают, что отложить съезд — значит сдать добровольно свои позиции и капитулировать перед Временным правительством».

Сообщение газеты «Речь». 25 октября 1917 г.

«В 9 часов вечера (24 октября) в помещение агентства явился редактор гельсингфорской большевистской газеты «Прибой» г. Старк в сопровождении барышни и вооруженных матросов. г. Старк заявил, что он назначен комиссаром Военно-революционного комитета, и потребовал, чтобы ему были предоставлены для просмотра все телеграфные сообщения Петроградского телеграфного агентства, сообщенные циркулярно во все газеты. Г. Старк сел в одной из комнат агентства вместе с барышней за письменным столом, положив на стол два револьвера.

Директор Петроградского телеграфного агентства С. З. Раецкий заявил, что он подчинен Временному правительству, но считает своим долгом продолжать деятельность агентства, так как осведомление страны есть дело государственной важности. Поэтому он будет продолжать свою деятельность и, подчиняясь насилию, будет показывать все циркуляры агентства представителю Военно-революционного комитета. Комиссар Военно-революционного комитета просматривал решительно все сообщения агентства».

Калейдоскоп событий. 24 октября 1917 г.

Вечером 24 октября на квартиру Фофановой, где скрывался В. И. Ленин, пришел Эйно Рахья, связной между В. И. Лениным и ЦК. Он рассказал о событиях в городе и действиях Военно-революционного комитета.

— Да, сегодня должно начаться.

Ленин ходил по комнате из угла в угол, о чем-то думал. Потом резко остановился и, повернувшись к Рахья, сказал:

— Нужно идти в Смольный.

Тот стал его отговаривать, доказывая всю опасность такого предприятия. Ленин не согласился с ним и решительно сказал:

— Едем в Смольный.

Для того чтобы обмануть шпикив Керенского, решили замаскироваться. В меру возможности Ленин переменял одежду, перевязал щеку грязной тряпкой, на голову одел старую помятую кепку.

У Рахья были припасены два «пропуска» в Смольный со счищенными резинкой фамилиями прежних владельцев и вписанными вместо них несуществующими членами Петроградского Совета, причем чернила расплылись, так что подделка сразу бросалась в глаза.

Около 8 часов вечера Ленин и Рахья вышли из дома и направились к Сампсоньевскому проспекту. Минут через десять у самой остановки их нагнал почти пустой трамвай. Они взобрались на заднюю площадку прицепного вагона и благополучно доехали до угла Боткинской улицы, где трамвай заворачивал в парк.

Дальше пошли пешком. У Литейного моста на Выборгской стороне стоял караул красногвардейцев. Здесь прошли беспрепятственно, но, дойдя до середины моста, заметили на другой стороне солдат Керенского. Они требовали у всех проходящих пропуска. Солдат окружала толпа рабочих, возмущавшихся требованием никому не известных пропусков.

Воспользовавшись спором и сутолокой, Ленин и Рахья проскользнули на Литейный проспект и свернули на Шпалерную. До Смольного было рукой подать.

Навстречу ехали два верховых юнкера. Подскакав вплотную, они скомандовали:

— Стой! Пропуска!

Рахья шепнул Ленину:

— Идите, я с ними сам разделаюсь... — И нащупал в кармане пальто револьвер.

Отчаянно ругаясь, Эйно вступил с юнкерами в перебранку. Пьяным голосом он кричал, что никому не известно, что нужны какие-то пропуска.

В это время Ленин незаметно отходил в сторону от юнкеров, внимание которых было отвлечено на Рахья. Они угрожали ему нагайками и требовали, чтобы он шел за ними. Рахья в ответ ругался и не трогался с места. Наконец юнкера не выдержали и, решив не связываться с пьяными, поехали прочь.

У дверей Смольного собралась большая толпа, выяснилось, что неожиданно пропуска членов Петроградского Совета, бывшие ранее белого цвета, заменены красными.

Это было непреодолимым препятствием для многих, в том числе для Ленина и Рахья, потому что поблизости они не заметили ни одного знакомого работника партии.

Столпившиеся у входа люди возмущались тем, что их не пропускают, у каждого было свое какое-то срочное дело, но солдаты и красногвардейцы были непреклонны.

Рахья возмущался больше всех, размахивая своими «липовыми» пропусками, он кричал:

— Как это меня, полноправного члена Петроградского Совета, не пропускают!

На его крики никто не обратил внимания — кричали и без него много, тогда он набрал в грудь побольше воздуха и закричал тем, кто стоял впереди:

— Проходите, товарищи! А в самом Смольном разберемся! Навались!

Контролеры были отброшены, и в хлынувшем в Смольный людском потоке Ленин и Рахья проникли в здание Совета.

На втором этаже, в конце коридора у окна рядом с актовым залом, Ленин вошел в какую-то пустую комнату и послал Рахья за Подвойским.

Во время разговора Ленина с председателем Военно-революционного комитета в комнату вошли трое — меньшевики Дан и Либер, эсер Гоц. Подвойский смерил их негодующим взглядом, но это были люди закаленные и смутить их было не так-то просто.

Дан вынул из пальто сверток и пригласил друзей закусить, сказав, что у него есть булка с маслом, колбаса и сыр. Сверток они разложили на другом конце стола, за которым сидел Ленин, и, переговариваясь между собой, совершенно не обращали внимания на Подвойского и его собеседника. Пережевывая бутерброд с колбасой, Дан поднял голову и узнал Ленина, несмотря на его грим и повязку. Страшно смутившись, поперхнувшись, он схватил остатки

своего пиршества и кинулся вон из комнаты, за ним как ошпаренные выскочили двое его «боевых друзей».

Ленин хохотал до слез, несмотря на всю серьезность положения в городе. Через минуту он уже снова был серьезен и сосредоточен. Отныне руководство восстанием перешло непосредственно в его руки.

В ночь на 25 октября на площади перед Смольным зажгли десятки костров. Вокруг них грелись с винтовками за плечами красногвардейцы, матросы и солдаты.

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

В час ночи 25 октября Керенского посетила делегация расквартированных в Петрограде казачьих полков и заявила «главковерха» в своей верности Временному правительству.

Из воспоминаний А. Ф. Керенского: «В этот момент у меня не было ни малейших сомнений в том, что эти три казачьих донских полка не нарушат своей присяги, и я немедленно послал одного из моих адъютантов в штаб сообщить, что можно вполне рассчитывать на казаков.

Как и утром в Совете Республики, я еще раз жестоко ошибся. Я не знал, что, пока я разговаривал с делегатами от полков, Совет казачьих войск, заседавший всю ночь, решительно высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с восставшими большевиками...»

Предписание комиссару Гвардейского экипажа о занятии Государственного банка. 25 октября 1917 г.

«Военно-революционный комитет при Петроградском Совете р. и с. д. предписывает вам занять к 6 час. утра главную контору Государственного банка на Екатерининском канале.

Председатель *Н. Подвойский.*
Секретарь *Антонов.*»

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

В 6 часов отряд Гвардейского флотского экипажа из 40 матросов подошел к ограде Государственного банка. Растерявшийся часовой беспрепятственно пропустил вооруженных матросов. Растолкав спящего начальника караула эсера Булхова, они объяснили ему, что по приказу Военно-Революционного Комитета занимают Государственный банк. Булхов не стал сопротивляться и только покорно кивал головой.

Матросы быстро расставили свои посты по всему зданию, у входа в банк и у всех городских телефонов. Взвод семеновцев, несший охрану банка, остался нейтральным.

Утром служащие банка с изумлением увидели, что в карауле уже стоят революционные матросы.

Воззвание Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. 25 октября 1917 г. 10 ч. 00 мин.

«К гражданам России!

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

*Телеграмма генерала Багратуни всем комитетам,
начальникам станций и заведующим передвижением войск.
25 октября 1917 г.*

«7 час. Верховный главнокомандующий приказал идущие на Петроград с фронта эшелоны войск направлять в Петроград вне всякой очереди, прекратив, если надо, пассажирские перевозки. Генерал Багратуни».

*Телеграмма начальника штаба Верховного
главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина
частям действующей армии. 25 октября 1917 г.*

«Вчера, 24 октября, министр-председатель обратился к Совету Республики с просьбой поддержать Временное Правительство для принятия решительных мер против большевиков, действия коих за последнее время, по докладу министра-председателя Совету республики, препятствовали планомерной работе правительства по поддержанию порядка в стране и обеспечению свободы и независимости ее, с одной стороны, и своевременному сбору Учредительного собрания — с другой стороны.

Призыв министра-председателя был поддержан громадным большинством Совета Республики. Тем не менее в ночь на 25 октября под влиянием агитации большевиков большая часть Петроградского гарнизона, не желавшая вовремя идти на позиции, примкнула к большевикам; остальная часть этого гарнизона заняла пассивное положение. Возмутившиеся против Временного Правительства части Петроградского гарнизона выставили в городе свои посты. По приказанию главковерха к Петрограду двинуты войсковые части Северного фронта. Общеармейский комитет при Ставке в ночном заседании вынес резолюцию, осуждавшую выступления в Петрограде большевиков, и высказался за поддержку Временного Правительства.

Священный долг перед родиной в эти тяжелые минуты, переживаемые ею, требует от армии сохранения полного содействия, самообладания и прочного положения на позициях, тем самым оказывая содействие правительству и Совету Республики по обеспечению неприкосновенности страны и ее свободы, добытой революцией. Духонин».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Первое продвижение войск к Зимнему дворцу началось в 7 часов утра 25 октября. К этому времени уже были заняты все вокзалы, мосты, электростанции, телеграф. В городе спокойно. В полках наготове дежурные роты, в районах и на заводах дежурили отряды Красной гвардии.

В Смольном в это время непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет.

— Товарищи! — Подвойский посмотрел на присутствующих членов Военно-Революционного Комитета. — Поручение от ЦК. Надо разогнать штаб округа и покончить с юнкерами. Выделяется полевой штаб, которому и придется это сделать. Временное Правительство надо будет арестовать. Бубнов, Антонов, Чудновский, Еремеев и я сейчас должны все это быстро обсудить. Имейте в виду, что уже напечатано объявление о переходе власти к Петроградскому Совету.

Разговор по прямому проводу генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала М. К Дитерихса с генералом для поручений Б. А. Левицким. 25 октября 1917 г.

«Дитерихс: Не можете ли вы как очевидец происходящего дать краткую ориентировку для главкофронта?»

Левецкий: Даю. Третьего дня ночью Петроградский Совет, давно уже имеющий преобладание большевиков и всеми силами и средствами стремящийся сорвать планомерную работу правительства, выпустил приказ гарнизону не исполнять приказаний штаба Петроградского округа как органа Временного Правительства. Это было следствием отказа Полковникова признавать права контроля над его действиями со стороны Совета. Этот акт призыва к неповиновению органам Временного Правительства заставил министра-председателя ясно и определенно вчера, 24 октября, в Совете Республики разъяснить создавшееся положение и указать линию поведения Временного Правительства. Он называл большевизм своим именем и заявил о неуклонной твердости Временного Правительства и решимости начать борьбу с этим злом. Вслед за этим части Петроградского гарнизона, под влиянием бешеной агитации, с одной стороны, и в глубине души всеми силами стремящиеся не идти на позицию перешли на сторону большевиков, из Кронштадта прибыли матросы и легкий крейсер. Разведенные мосты вновь наведены ими. Весь город покрыт постами гарнизона, но выступлений никаких нет. Телефонная станция в руках гарнизона. Части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраняют его, так как активно решили не выступать; в общем впечатление как будто бы Временное Правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий. Эта малая решимость большевиков, давно уже имеющих фактическую возможность разделаться со всеми нами, и дает мне право считать, что они не посмеют пойти вразрез с мнением фронтовой армии и дальше указанного не пойдут, но это оптимистическое мое мнение может оказаться и неосновательным, если армия еще более резко не подчеркнет своего мнения, выраженного комитетом Ставки».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

В городе ничто не напоминало о восстании. Было хоть и прохладно, но солнечно. По улицам шли люди, проезжали извозчики и автомобили.

Еремеев подъехал к Троицкому мосту — там стоял караул Павловского полка. В это время прошел батальон юнкеров, направляясь по набережной к Зимнему дворцу. Офицер, шедший с батальоном, что-то спросил караульных на мосту и догнал своих юнкеров.

Еремеев поехал к Павловским казармам. Подписав путевку шоферу, он отпустил его, решив, что в Смольном тот будет нужнее.

Предъявив мандат часовым, он прошел в канцелярию и спросил комиссара. Комиссаром в полку был Дзенис, которого Подвойский рекомендовал Еремееву как хорошего работника, сумевшего наладить отношения с солдатами.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал, поздоровавшись, Дзенис. — У нас в полку уже разные разговоры, спрашивают: чего молчит Смольный? Дворцовая площадь занята юнкерами и артиллерией. Ходят патрули, что-то готовится.

— Ничего, товарищ Дзенис. Теперь не июльские дни. Какие у вас отношения с преображенцами?

— Как будто ничего, но они, кажется, не хотят выступать.

— Нехорошо, что у нас такие соседи, но ничего не поделаешь. Вряд ли они будут помогать юнкерам.

— Не будут, я уверен. И против солдат не пойдут. Юнкера тут патрули послали, так мы им сказали, чтоб мимо нас не ходили. Теперь ходят только до переулка по Миллионной.

Телеграмма главнокомандующего Петроградским военным округом полковника Полковникова в Ставку и главнокомандующему Северным фронтом. 25 октября 1917 г.

«Секретно. Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознывая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства. 10 час. 15 мин. Главноокр Петроградский Полковник Полковников».

Сообщение газеты «Речь»:

«Ввиду тревожных событий занятия в частных, общественных и правительственных учреждениях 25 октября были прекращены около 1 часа дня и служащие распущены по домам.

Были распущены в 12 час. дня все учащиеся средних и низших учебных заведений.

Трамвайное движение не прерывалось».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Патрули, высланные Еремеевым, быстро начали действовать. Остановили несколько автомобилей, привели пассажиров, курьеров, шедших с пакетами. Еремеев просмотрел пакеты:

— В штаб округа, в Зимний? Нет. Отпустить.

Пассажиры автомобилей были не так покорны, как курьеры, повышали голос:

— Почему мы задержаны? Что тут происходит? На каком основании?

— Дело военное — вас не касается. Будьте любезны предъявить документы.

Несколько купчиков, адвокат с дамой, какие-то иностранные коммерсанты.

— Можете идти. Автомобили пока будут задержаны.

— Как так! Это незаконно! Мы будем жаловаться.

Один в штатском оказался полковником.

— Вам придется проехать в Смольный. Дадим провожатого.

Вошел прилично одетый господин с портфелем.

— Товарищ начальник, вот министр, — представил его солдат-конвоир.

— Что у вас тут делается? Это безобразие! Меня задержали, я министр Прокопович, еду на заседание правительства!

— Вам придется проехать в Смольный.

— Что?! Насилие над членом правительства! Это неслыханно, чудовищно! Объясните же, что делается, кто вы?

— Член Военно-революционного комитета Еремеев.

— Кто вам дал право задерживать члена правительства? Это самоуправство! Вы за это ответите! Я требую, чтобы меня отпустили, мне срочно нужно на заседание правительства!!!

— Вы там не будете. Вам придется проехать в Смольный.

— Это невероятно! Да понимаете ли вы, что вы делаете?!

— Да. Это революция. Ваше правительство не существует. Все разговоры бесполезны — вы поедете в Смольный.

С отвисшей челюстью и выпученными глазами министр покорно пошел за конвоиром.

Привели управляющего делами Временного правительства. Видимо, уже плохо соображая, он просил отпустить его, так как у него срочные дела. Управляющего делами тоже отправили в Смольный. Все делалось очень вежливо и корректно.

Приказ А. Ф. Керенского главнокомандующему Северным фронтом генералу В. А. Черемисову. 25 октября 1917 г.

«Приказываю с получением сего все полки пятой Кавказской казачьей дивизии со своей артиллерией, 23-й Донской казачий полк и все остальные казачьи части, находящиеся в Финляндии под общей командой начальника пятой Кавказской казачьей дивизии, направить по железной дороге в Петроград, Николаевский вокзал, в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова. О времени выступления частей донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком. Главковерх Керенский».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

В полдень Благодрагов отправился на бывшем комендантском автомобиле в Смольный с твердым намерением предложить Военно-Революционному Комитету наступательный план действий. На втором этаже его встретил Антонов-Овсеенко и повел в комнату, где у карты Петрограда, покрытой флажками, оживленно разговаривали Подвойский и Чудновский.

Предложение Благодрагова запоздало. По плану, принятому Военно-Революционным Комитетом, главным

опорным пунктом и базой для штурма Зимнего должна была стать Петропавловская крепость, которая высылала связных в соседние части и на «Аврору».

Распределив между собой участки и командование, члены ВРК поспешили на места — тревожные вести о подходе преданных Керенскому казачьих частей приходили все чаще и чаще, каждая минута была дорога. Антонов поехал на «Аврору», Благонравов на автомобиле вместе с Чудновским — в Петропавловскую крепость.

У въезда на Троицкий мост они расстались — Чудновский отправился в Павловский полк, которым он должен был руководить при наступлении на Зимний. Чудновский пообещал выслать заставу к Троицкому мосту, а Благонравов решил установить пулеметы для продольного обстрела моста, в случае если юнкера еще раз попытаются его развести.

Около бывшего дворца Кшесинской, напротив крепости, было заметное оживление. Дворец после июльского разгрома Временным правительством большевистской военной организации, помещавшейся в нем, был занят ударниками и георгиевскими кавалерами — частями, преданными Временному правительству. Теперь они явно к чему-то готовились.

Старший крепостного патруля подтвердил, что у дворца Кшесинской делается что-то подозрительное. По его словам, ночью к ударникам приезжали какие-то автомобили, при проверке предъявлявшие пропуска ВЦИК, группами выходили вооруженные люди.

Благонравов приказал выслать разведчиков с заданием во что бы то ни стало проникнуть внутрь дворца и, потолкавшись среди ударников, выяснить их настроение. В крепости он отдал распоряжение выставить на всякий случай на стену пулемет в сторону дворца. Операция эта, намеренно проделанная с большим шумом, привлек-

ла внимание засевших в дворце и, видимо, произвела на них впечатление — во всяком случае, до 27 октября ударники оставались пассивными.

Началась подготовка к обстрелу Зимнего дворца. Крепость могла стрелять только из пулеметов и винтовок — орудия, грозно стоявшие на парапетах, были не более чем декорацией — стреляла лишь одна пушка, указывающая время. После недолгих поисков на дворе арсенала среди десятков неисправных орудий было найдено несколько трехдюймовых орудий, по внешнему виду казавшихся вполне пригодными. Совместными усилиями их вытащили в лагерь — небольшое пространство между крепостной стеной и Обводным каналом Невы, раньше действительно бывшее местом лагерного расположения гарнизона. Выбирать другую позицию не приходилось, потому что без всяких приспособлений втащить пушки на крепостную стену было невозможно, а поставить орудия внутри крепости было нельзя из-за слишком близкой цели — Зимний расстреливать можно было только прямой наводкой.

С наступлением темноты орудия должны были быть выдвинуты из-за куч мусора, где их на время установили, опасаясь, что их заметят наблюдатели Зимнего дворца, на заранее выбранные места у самого берега Невы.

Небольшое количество снарядов нашлось в арсенале, другая часть была получена с Выборгской стороны из склада огнеприпасов. Хуже было с артиллеристами. Крепостная рота была ненадежной, но выбора не было.

В то время как Благоднаров поручал наметить артиллеристов, явились делегаты крепостной роты и ее командир — молодой прапорщик. Они заявили, что уполномочены общим собранием роты довести до сведения комиссара, что рота, как и в июльские дни, намерена остаться нейтральной и поэтому отказывается выделять артилле-

ристов и вообще выступать с оружием в руках на чьей-либо стороне. Положение создавалось критическое — других артиллеристов не было.

Немедленно Благонравов и Павлов направились в казарму крепостной роты. Там все были в полном сборе, ждали ответа от своих делегатов. Объяснив собравшимся, что занятая ими позиция не выдерживает никакой критики, Благонравов потребовал именем Петроградского Совета подчиняться его распоряжениям и предупредил, что неисполнение их повлечет для виновников весьма нежелательные последствия.

*Разговор по прямому проводу начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина с комиссаром Временного правительства при Ставке В. Б. Станкевичем.
25 октября 1917 г.*

«Станкевич: Прошу доложить наштаверху, не желает ли он переговорить со мной по аппарату, и до ответа прошу не включать аппарат и не давать штасева.

— Сию минуту, пошли докладывать.

— У аппарата наштаверх.

— У аппарата комиссарверх. Положение с каждой минутой сложнее. Мариинский дворец занят большевиками, на Неве стоят два крейсера из Кронштадта, попытка занять нашим караулом телефонную станцию при содействии юнкеров окончилась неудачей, так как юнкера были встречены броневиками. В руках правительства лишь центральная часть города, включая штабы и Зимний дворец. Силы правительства: две с половиной школы юнкеров, батарея Михайловского училища и два броневика. Этих сил достаточно продержаться 48 часов, но не больше, и нет возможности без помощи извне предпринять какие-либо активные меры. На улицах внешнее спокойствие,

уличное движение продолжается, но очень грозно обстоит вопрос с продовольствием. Временное Правительство перманентно заседает. Генерал-губернатором Петрограда назначен Кишкин. Неизвестно ли вам, в каком положении посылка отряда с Севфронта?

Духонин: Здравствуйте, Владимир Бенедиктович. Сведения которые я имею, я сообщил генералу Левицкому. Из них вы увидите, что войск назначено достаточно. По справке, которую я взял сейчас у начвосоверха, самокатные батальоны в ночь на сегодняшнее число со станций Передольское и Битецкая отправлены по желдороге в Петроград. По моим расчетам, они должны бы уже давно прийти по назначению. Неужели нет сведений об их приходе? Мне передавали, что поехали их встречать. Более подробных сведений о других частях нет, ибо Севфронт их еще собирает, но я думаю, что войска продвигаются по желдороге из Ревеля и через Псков и Финляндию. Как только начвосоверх получит данные о месте нахождения эшелонов, я вам тотчас же сообщу. Думаю, что к завтрашнему утру безусловно должно подойти несколько эшелонов. Мне непонятно, почему столь ничтожные силы правительства? Сегодня от комиссара казачьих войск я получил уверение в полной лояльности 1-го Донского казачьего полка, отчасти 14-го и лишь 4-й Донской не внушал доверия. Что делает Константиновское училище, Николаевское кавалерийское? Вероятно, найдутся еще, так что я думаю, что сил достаточно можно найти, необходимо лишь надлежащим образом организовать это дело, а там начнут подходить войска с фронта. У нас спокойно. Комитет общearмейский высказался против выступления большевиков и вошел в связь со всеми комитетами фронтов.

Станкевич: Я думаю, что начальникам приходящих эшелонов необходимо давать указания, что если им по

приходе в Петроград штаб округа не будет в состоянии дать какие-либо указания, то им следует, оставив охрану на вокзале, немедленно идти к штабу округа и к Зимнему дворцу, хотя бы на улицах им пришлось встретиться с препятствиями. Больше ничего не имею. Буду сейчас говорить с комиссарсевом. Если у вас нет ничего, то желаю всего доброго. Станкевич.

Духонин: Я считаю необходимейшим условием высылку навстречу подходящим войскам за 2-3 станции особо доверенных лиц из Петрограда. Об этом я сегодня ночью говорил генералу Левицкому. Кроме того, просил штасев высылать с эшелонами представителей армейских или фронтового комитета. Очень был бы вам обязан, если бы около полуночи обрисовали положение. Сейчас мне докладывают, что по другим проводам нам не отвечают.

Станкевич: Слушаюсь. В 24 часа постараюсь быть у аппарата. Ваши указания не только передам, но, может быть, и сам постараюсь выехать навстречу. Больше ничего? Всего хорошего.

Духонин: Видите ли вы А. Ф.?¹

Станкевич: Нет, он уехал навстречу.

Духонин: Меня это беспокоит. Все ли благополучно? Возможно ли было благополучно добраться?

Станкевич: Были приняты все меры, и я надеюсь, что ничего не случилось, а оставаться ему здесь было невозможно.

Духонин: Я с этим вполне согласен, и самое решение безусловно правильно и наиболее рационально в сложившейся обстановке, и, если проезд через город был обеспечен, тогда, значит, все хорошо. Пока до свидания.

¹ Керенского — *Примеч. ред.*

Станкевич: Очень Вам признателен, что поделились со мной.

Духонин: Значит, еще поговорим позже?

Станкевич: Так точно. До свидания. Станкевич».

Сообщение газеты «Воля народа». 26 октября 1917 г.

«Вчера рано утром войсками Военно-революционного комитета были заняты Телеграфное агентство, Государственный банк, Главная телефонная станция и другие городские и государственные учреждения. Правительственная охрана была снята, причем солдаты перешли на сторону войск Комитета, а юнкера разошлись. Вся охрана улиц и зданий была взята в руки Милиции, Красной гвардии и патрулей солдат Петроградского гарнизона. В первую половину дня движение на улицах было нормально. До 12 час. дня начальнику милиции не поступило никаких заявлений о каких-либо беспорядках или преступных явлениях в городе».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Главной операцией первой половины дня 25 октября было занятие Мариинского дворца и разгон Предпарламента.

В полдень то, что происходило во дворце, еще напоминало обычный «парламентский» день. Члены Совета Республики, журналисты собирались группами, обменивались новостями. Большую тревогу у них вызвало то, что телефоны Мариинского дворца оказались выключенными. Е. М. Кускова рассказывала, как арестовали ее мужа, министра продовольствия Прокоповича.

В половине первого фракции начали совещаться в своих комнатах, а в это время во дворец входили солдаты Кексгольмского полка и матросы Гвардейского экипажа.

Они выстроились вдоль главной лестницы. У входа встали караулы.

Комиссар Чудновский предложил очистить помещение.

Часть членов Предпарламента сразу покинула дворец. Председатель Совета Республики Авксентьев созвал заседание Совета старейшин, которое решило подчиниться силе и разойтись, но более ста «парламентариев» все-таки собрались в зале заседаний и 56 голосами против 48 при 2 воздержавшихся постановили закрыть заседание.

Караул после четырехкратной проверки документов выпускал членов Предпарламента на улицу. Они долго еще топтались у подъезда, ожидая каких-то дальнейших событий в смутной надежде, что большевики «опомнятся».

В это же время матросами были заняты военный порт с радиостанцией и Адмиралтейство, арестован Морской штаб.

В 14 часов 35 минут в Белом зале Смольного открылось заседание Петроградского Совета.

Когда на трибуне после почти четырех месяцев подполья впервые открыто появился Ленин, в зале разразилась буря аплодисментов.

Никогда прежде Ленин не был таким торжественным и взволнованным, как в тот момент, когда он, дождавшись тишины, сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Доклад В. И. Ленина на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 25 октября 1917 г.

«Товарищи!

Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция?

Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить войну. Но для того, чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, — ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры. Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, — мы пойдем с рабочими. Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь мы научились работать дружно.

Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой ре-

волюции. В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция! (Бурные аплодисменты!)»

*Резолюция собрания рабочих фабрики «Шапошников и К°».
25 октября 1917 г.*

«Мы, рабочие фабрики Шапошникова и К°, собравшись утром в 8 часов 25 октября в количестве 1800 человек и обсудив положение текущих событий, всецело идем на поддержку Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и по первому призыву Советов мы все встанем под знамя революции».

Сообщение газеты «Рабочий и солдат». 26 октября 1917 г.

«Вчера на собрании полковых комитетов 1, 4 и 14-го казачьих Донских полков было сделано сообщение о создавшемся положении в связи с падением власти Временного Правительства и о необходимости в интересах государства спокойно ожидать создания новой государственной власти. В ответ на это председатель от имени собравшихся заявил, что 1) распоряжения правительства исполнять не будут, 2) ни в коем случае не выступать против Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета и 3) готовы нести охрану государственных имуществ и личной безопасности как и при прежней власти».

«От Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов всем Советам Рабочих и Солдатских Депутатов и армейским комитетам.

Товарищи! II Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов собрался в момент, когда на ули-

цах Петрограда пролилась уже братская кровь и началась гражданская война, вызванная захватом власти большевиками.

Фракции социалистов-революционеров, социал-демократов меньшевиков и интернационалистов и народных социалистов не сочли в таких условиях возможным принимать участие в съезде и покинули его. Вследствие этого Центральный Исполнительный Комитет считает II съезд несостоявшимся и рассматривает его как частное совещание делегатов большевиков.

Решения этого съезда, как незаконные, Центральный Исполнительный Комитет объявляет необязательными для местных Советов и всех армейских комитетов.

Центральный Исполнительный Комитет призывает Советы и армейские организации сплотиться вокруг него для защиты революции.

Центральный Исполнительный Комитет созвет новый съезд Советов, как только создадутся условия для правильного его созыва.

ЦИК СР и СД. Петроград, 25-го октября 1917 г.»

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

В то время как Благонравов разговаривал с крепостной ротой, в Петропавловку прибыл Антонов. Вдвоем они составили ультиматум Временному Правительству, дав ему 20 минут на размышление с момента вручения документа, и обсудили план обстрела Зимнего: после того как выяснится готовность к бою всех частей, окруживших дворец, орудия будут выдвинуты на прямую наводку и на мачте крепости будет вывешен красный фонарь-сигнал о начале штурма. После этого «Аврора» выстрелит холостым снарядом. В случае, если правительство не сдастся, крепостные орудия откроют огонь. И только если и по-

сле этого Зимний проявит упорство, «Аврора» поведет огонь из своих орудий.

Пришел катер с «Авроры», и Антонов уехал. Начинало темнеть.

Непредвиденное и мелкое обстоятельство поставило план под угрозу — не оказалось фонаря для сигнала. После долгих поисков его наконец нашли, но поднять на мачту так, чтобы он был хорошо виден, оказалось очень трудно. Благонравов пошел к орудиям. Октябрьская ночь вступала в свои права, но жизнь города не замирала — трамваи с резким звоном и лязгом колес вереницей тянулись через Троицкий мост, мелькали автомобили и фигурки пешеходов.

Группа артиллеристов стояла у стволов столетних ветел с облетевшими листьями. Невдалеке чернели орудия.

Благонравову показалось, что, заметив его, артиллеристы сразу замолчали.

Навстречу вышел прапорщик и доложил, что стрелять из орудий невозможно — в компрессорах нет ни капли масла и при первом же выстреле их может разорвать.

В голову ударила ярость, рука комиссара неожиданно для него самого метнулась к кобуре, но он огромным усилием воли сдержался. Фейерверкер и артиллеристы в один голос стали его уверять, что все сказанное офицером — чистая правда.

Благонравов не разбирался в орудиях и был не в силах уличить артиллеристов, если они лгали, но он вспомнил, что председатель ячейки Павлов имел какое-то отношение к артиллерии, и решил поручить проверку ему.

Артиллеристы выслушали комиссара спокойно и даже с радостью, прапорщик на прощание сказал:

— Вы, конечно, не верите нам, но даю вам слово — стрелять из этих орудий крайне опасно.

Между тем со стороны Зимнего слышались ружейные выстрелы — сначала редкие, потом все чаще и чаще.

*Письмо штаба Красной гвардии Выборгского района завкомам.
25 октября 1917 г.*

«Ввиду того что сейчас почти вся Красная гвардия находится под оружием, неся днем и ночью важную и ответственную работу, очень многие остаются голодными, что вызывает нарекания, трения и недоразумения среди товарищей.

Штаб со своей стороны не может содержать на свои средства сотни красногвардейцев ежедневно, так как не имеет большого фонда, и обращается ко всем заводским комитетам и коллективам Выборгского района с просьбой принять все меры к тому, чтобы все ваши товарищи, несущие караульную службу, могли бы получать в ваших столовых довольствие и днем и ночью. Необходимо немедленно принять меры. Штаб Красной гвардии Выборгского района».

Разговор по прямому проводу главкома Северного фронта генерала Черемисова с генералом Багратуни и подполковником Пораделовым. 25 октября 1917 г. 18 часов 30 минут.

«У аппарата генерал Багратуни.

У аппарата главкосев Черемисов. Пожалуйста, сообщите последнее положение дел: где находится Временное правительство, свободен ли Зимний дворец, сохраняется ли порядок в городе, прибыли ли самокатчики?

Багратуни: Положение продолжает оставаться очень тяжелым. Временное правительство находится в Зимнем дворце, последний свободен; войсками, верными правительству, занимается площадь Зимнего дворца, которая

окружена постами частей гарнизона, которые повинуются Петроградскому Совету. Порядок в городе сохраняется, самокатчики не прибыли. По слухам, они остановлены в семидесяти верстах от Петрограда.

Черемисов: Как остановлены?

Багратуни: Очевидно, распоряжением Петроградского Совета.

Черемисов: Свободен ли для вас доступ в Зимний дворец?

Багратуни: Доступ в Зимний дворец свободен, но доступ на площадь и выход из него почти закрыт.

Черемисов: Где находится Полковников, какие части занимают площадь Зимнего дворца, а также кто охраняет самый дворец?

Багратуни: Полковник Полковников сегодня вечером указом правительства уволен от должности и находится у себя дома. Площадь возле Зимнего дворца охраняется школами прапорщиков, ими же занят и Зимний дворец, сейчас меня спешно зовут, пригласите кого-нибудь другого к аппарату. (Здесь генерал вышел и сказал, что сейчас подойдет полковник Пораделов).

Черемисов: Кто может мне доложить дальнейшее положение дел, кто заместил полковника Полковникова и кто вообще распоряжается в Петрограде, само правительство или вы?

Пораделов: Настоящее положение наше — безусловный проигрыш. Полковникова заместил генерал Багратуни, но над ним имеются с особыми полномочиями генерал-губернатор Кишкин и его помощники Рутенберг и Пальчинский, такая постановка власти вызвала отозвание комиссаров округа и уход в резерв некоторых чинов штаба. Эксцессов нет, за исключением мелких. Что касается правительства, то известно, что были арестованы Гвоздев

и Прокопович, что делается сейчас — сказать невозможно, ибо установить связь очень трудно.

Черемисов: Свободен ли штаб округа и может ли Багратуни сноситься с Керенским?

Пораделов: Штаб округа свободен, но где в данный момент Керенский, нам неизвестно, хотя и справлялись о нем.

Черемисов: Что же делает генерал-губернатор? Если он назначен правительством, то, следовательно, правительство может осуществлять свою власть?

Пораделов: В назначении есть нечто непонятное, и имеются даже данные предполагать, что оно состоялось помимо Керенского.

Черемисов: Можете ли вы переговорить по телефону с Левицким и узнать, что он сам делает и что у них вообще делается? Живет он в Зимнем дворце?

Пораделов: Попробую позвонить, хотя Зимний дворец почти весь выключен из коммутатора.

Черемисов: Я буду ждать.

Пораделов: Слушаюсь. Сейчас переговорю и вам доложу... Штаб занят войсками Военно-Революционной... Прекращаю работу, ухожу, ухожу, передайте это главко-сеvu, покидаем штаб сейчас все».

Протокол допроса подполковника Пораделова Николая Николаевича, задержанного в 7 час. 40 мин. вечера 25 октября.

«Протокол составлен 27 октября в 7 час. 30 мин. вечера. Подполковник показал следующее:

— Я был задержан при следующих обстоятельствах. 25 октября около 7 часов прибыли самокатчики в штаб округа и предъявили ультиматум генералу Багратуни, Кишкину, Пальчинскому и Гутенбергу; содержание ультиматума я не знаю, так как я уже подал к трем часам рапорт об отставке в ответ на отставку Полковникова и

назначение Кишкина особоуполномоченным по подавлению беспорядков в Петрограде и в связи с уходом из штаба округа комиссаров ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. По получении ультиматума Кишкин, Гутенберг, Пальчинский и Багратуни перешли в Зимний дворец, откуда обещали позвонить по телефону и дать ответ на ультиматум самокатчиков, содержанием которого, вероятно, было требование самокатчиков о сдаче штаба и Зимнего дворца. В назначенный самокатчиками срок, на который согласились Кишкин, Пальчинский, Гутенберг и Багратуни, ответа от упомянутых не поступило. Тогда я позвонил Гутенбергу, чтобы получить ответ, но ответа не получил. В это время в штаб уже вошел караул Павловского полка. Мною было приказано никаких мер по обороне не принимать. Я указал павловцам на необходимость несения караула в штабе и на важность постов.

Я сам, сделав указание по охране штаба, остался ждать своей участи. Юнкерам я приказал снять пулеметы. Личное мое оружие я сдал комиссару Преображенского полка, подпоручику. В это время раздались выстрелы, судя по звукам, со стороны Гороховой улицы; первым выстрелом было разбито стекло в штабе. Вероятно, выстрелы были провокационные.

Пришел член Военно-Революционного Комитета, фамилию которого я не помню. Этот член Революционного Комитета, которому я предложил нас всех арестовать, вызвал команду Преображенского полка, которая нас доставила в Петропавловскую крепость».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Ответа на ультиматум все не было. Войска волновались, не слыша сигнала, и требовали, чтобы их немедленно вели на штурм.

В Зимний была послана делегация во главе с Чудновским с последним предложением сдаться.

В штабах восстания считали минуты, а парламентаров все не было. Цепи, окружившие дворец, недоумевали: в чем задержка? Ругались:

— И большевики начали дипломатию разводить.

Руководители революции хотели избежать лишней крови.

В это время с «Авроры» сообщили, что парламентары задержаны в Зимнем. Открывать огонь, пока заложниками у врага находятся боевые товарищи?

Чудновский прибыл неожиданно, в разгар перестрелки и без всякого ответа. Оказалось, что Временное Правительство пренебрегло его званием парламентаря.

Рассказ Чудновского:

— Караульный начальник, прапорщик, к которому меня доставил юнкер, потребовал, чтобы мы отправились с ним во дворец, заявив, впрочем, что моей безопасности ничто не угрожает. Положение было не из приятных, но делать было нечего, и я вынужден был пойти за нашим проводником.

В коридорах дворца его поведение изменилось, он обрушился на юнкера с бранью и упреками за то, что он осмелился дать мне слово и гарантировать мою безопасность. В конце концов я вместе с юнкером Киселевым оказался у коменданта юнкеров под стражей. Потом с руганью меня увели представить «генерал-губернатору» Пальчинскому. Мне пришлось прождать минут двадцать, пока тот освободился. Он стоял на темном дворе среди толпы юнкеров и повторял им то, что за десять минут до этого говорил защитникам Зимнего во 2-м и 3-м этажах. Он уверял юнкеров, что на стороне большевиков ничтожная кучка

солдат в различных частях войск, что ни одна из них целиком не восстала против Временного Правительства и что они, юнкера, обязаны исполнять свой долг до конца. На его вопрос: «Исполните ли вы этот долг?» — лишь отдельные голоса ответили: «Исполним». Тут же посыпались недоуменные и возмущенные вопросы о причинах малочисленности гарнизона дворца:

— Где же Владимирское, где Павловское училища?

И Пальчинский лгал в ответ, уверяя, что в Зимнем дворце (где более 1000 комнат!) недостаточно места, чтобы вместить всех преданных Временному правительству защитников Кишкина и Терещенко. Увидев меня, Пальчинский замахал руками: «Арестовать, арестовать!» — и своей грубостью заставил меня обратить его внимание на необходимость быть вежливой и приличной даже с арестованными. Это не помешало Пальчинскому три часа спустя, когда я его арестовал, называть меня почему-то «товарищ Чудновский». Под стражей в одном из коридоров дворца я был сейчас же окружен толпой юнкеров, которые явно выражали свое недоверие к сведениям Пальчинского, спрашивали о действительном положении дел, выражали свое нежелание оставаться в качестве пушечного мяса в Зимнем дворце и уходили совещаться со своими товарищами. Увлекаемый толпой юнкеров, я подошел к залу заседаний Временного Правительства, от которого введенная в негодную сделку и обманутая молодежь хотела потребовать отчета. Шествие было остановлено тем же Пальчинским. Ненадежный караул был заменен другим, а с бунтующими Пальчинский вступил в переговоры.

Юнкера потребовали немедленного моего освобождения, так как моим задержанием наносился ущерб их че-

стному слову. Они потребовали, чтобы их немедленно выпустили из дворца, так как они не желают участвовать в безнадежной игре и кровопролитии.

Пальчинский долго пытался образумить мятежных защитников, но стук прикладов о паркет был внушителен, и лица юнкеров не предвещали ничего доброго.

— Хорошо, я освобожу его.

Но юнкера не сдавались:

— Он должен уйти во главе нашей школы!

Пальчинский подошел ко мне и сказал:

— Вы свободны и можете идти.

Но я не мог доверять ему и ответил:

— В вашу честь я не верю. Вы арестовали меня, несмотря на честное слово, данное мне юнкером и офицером. Теперь вы прикажете всадить мне пулю в спину из-за угла. Без конвоя юнкеров я не уйду.

Прапорщик Миллер, офицер ударного батальона со смертными нашивками на рукавах, внушавший мне доверие своим открытым взглядом, предложил вывести меня на улицу. У меня не было времени ждать, пока соберутся юнкера-ораниенбаумцы. Я попрощался с ними и дал им и юнкерам других школ, бывшим тут же, слово, что те из осажденных, которые уйдут из дворца до занятия его нами, получат немедленный свободный пропуск и конвой для отправления на станцию и домой.

Я был выведен прапорщиком Миллером из дворца через баррикаду, с которой солдаты неизвестной мне части вели энергичную перестрелку с нашими солдатами, матросами и красногвардейцами.

Час спустя Зимний дворец покинули юнкера школы Северного фронта, ораниенбаумцы, михайловцы, ученики инженерного училища и казаки, как кажется, 14-го полка, всего около тысячи человек».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Записки В. И. Ленина, которые он посылал то Подвойскому, то Антонову-Овсеенко, указывали на медлительность и становились все жестче. От плана бескровного переворота приходилось отказаться — Зимний не сдавался, его нужно было брать штурмом.

Подвойский решил встретиться с Антоновым-Овсеенко и вместе с ним отправиться в цепи. В штабе действовавших против Зимнего отрядов, где он думал встретить Антонова, его не оказалось, но комната была битком набита людьми и являла собой довольно живописную картину. Рядом с солдатами в поношенных шинелях, широкоплечими матросами, красногвардейцами стояли озлобленные, с перекошенными лицами генералы в блестящих золотом мундирах, знать, дамы света в бриллиантах и меховых манто, снятые с автомобилей и карет. В воздухе плавали сизые облака табачного дыма. Аромат гаванских сигар тонул в едком запахе самосада. Допрашивавший этих господ Еремеев сказал, что Антонов на позициях.

Приказ А. Ф. Керенского № 344. Псков. 25 октября 1917 г.

«Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для выхода из переживаемого родиной нашей смертельного испытания. В настоящее время впредь до объявления нового состава Временного Правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной родиной. Нужно помнить, что малейшее нарушение существующей организации армии может повлечь непоправимые бедствия, открыв фронт для нового удара против-

ника, поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность армии, поддерживать полный порядок, охраняя армию от новых потрясений, и не колебать взаимное полное доверие между начальниками и подчиненными. Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного Правительства Республики.

Приказ прочесть во всех ротах, командах, сотнях, эскадронах и батареях и на судах и всех строевых командах.

А. Керенский».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Дверь комнаты распахнулась настежь, и в нее влетел Антонов-Овсеенко. Он набросился с упреками на Благодравова за то, что тот долго не начинает. Кратко объяснив обстановку, Благодравов предложил пройти к орудиям. Только что кончился дождь, члену ВРК и комиссару пришлось перебираться в темноте через огромные лужи.

Со стороны дворца слышалась сильная ружейная перестрелка, иногда в нее вступали пулеметы. Павлов, осматривавший орудия, подтвердил все сказанное артиллеристами. Даже при свете керосиновой лампы были заметны ржавчина и отсутствие масла в компрессорах — стрельба сопряжена с огромным риском.

Где-то рядом захлюпала грязь под ногами бегущего человека, и раздался радостный возглас:

— Товарищ Благодравов, где вы? Зимний сдался!

Благодравову показалось, что земля ушла у него из-под ног — сказались бессонные ночи. Антонов поддер-

жал его и крепко сжал руку. Перестрелка не прекращалась, но все успокаивали себя мыслью, что отстреливаются отдельные юнкера.

В дежурной комнате к комиссару обратились два матроса и предъявили записку за подписью члена ВРК Лашевича о том, что они артиллеристы и посылаются в распоряжение комиссара Петропавловской крепости.

— Теперь уже поздно, товарищи! Вот если бы вы пришли часа на два пораньше, так очень быгодились, — весело сказал им Благонравов.

Разговор по прямому проводу генерала Н. Н. Духонина с начальником штаба Северного фронта генералом С. Г. Лукирским. 25 октября 1917 г.:

Духонин: У аппарата генерал Духонин. Здравствуйте, Сергей Георгиевич! Главковерх приказал немедленно передать вам лично следующие две телеграммы, которые доложить главкосеву для немедленных распоряжений. Я их передаю. Вы у аппарата, кто у аппарата?

Лукирский: Генерал Лукирский у аппарата, здоровья желаю, Николай Николаевич, я вас слушаю.

Духонин: Хорошо — первая телеграмма. Все ли вы получили и все ли ясно?

Лукирский: Все ясно, но вместе с тем докладываю, что два полка первой Донской дивизии только что прибыли в Ревель, а другие два полка вчера 24 октября утром отправились по железной дороге в распоряжение командарма для расформирования 51-й пехотной дивизии, отказавшейся исполнять боевые приказы.

Духонин: Тогда главкосев, может быть, по оценке обстановки пошлет другие казачьи части? Это всецело предоставляется ему, если нет возможности исполнить точ-

но телеграмму в отношении первой Донской. Обстановка так складывается, что необходима быстрота действий, быстрота распоряжений.

Лукирский: Сейчас мне передали от генерала Левицкого телеграмму с просьбой доложить главкоसेву: «Фактически в данную минуту гарнизон Петрограда, за исключением небольшого числа частей, на стороне большевиков или нейтрален. Зимний дворец, по-видимому, окружен, дело принимает серьезный оборот, поставьте об этом в известность Черемисова. Вероятно, скоро не смогу с вами говорить. Левицкий».

Духонин: Все? Будьте добры немедленно доложить.

Лукирский: Распоряжения уже делаются, перевозка по железной дороге налаживается. Полагаю, что первыми придут в Петроград роты самокатного батальона, которые находятся уже наготове на станции Батецкая.

Духонин: Хорошо, надо поскорее, пока до свидания, копии ответов шифрованных телеграмм пришлите мне.

Лукирский: Слушаю, сейчас все будет исполняться. Лукирский.

Духонин: Хорошо».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Было около 8 часов вечера, когда Подвойский с Еремеевым отправились по всей передовой линии готовить цепи к атаке.

Им удалось проехать по левому флангу до Балтийского экипажа. Как раз в этот момент в казарму экипажа привели начальника штаба округа князя Багратуни. Его сняли с автомобиля вместе с помощником военного министра князем Тумановым. Багратуни пытался не раскрывать своего инкогнито, но Еремеев, знавший его в лицо, прекратил генеральскую комедию.

Узнав, с кем имеют дело, матросы хотели их тут же расстрелять, но члены ВРК приказали доставить бывших генералов в Петропавловскую крепость, а сами, получив по телефону известие о сдаче Зимнего, направились к Дворцовому мосту. Их остановил крик:

— Поворачивайте назад — обстреляют!

Усевшись на корточки вокруг костра, грелись продрогшие на ветру солдаты, а в нескольких десятках метров стояла застава юнкеров, и от нее тянулись по набережной цепи с пулеметами.

Ничего не понимая, члены ВРК решили ехать в Петропавловскую крепость, выяснить у Благонравова, почему он решил, что Зимний сдался. После переезда через мост их остановили василеостровские красногвардейцы и солдаты. Когда члены ВРК назвались, то услышали:

— Черт бы вас побрал, ездите тут на автомобилях, а мы без дела замерзаем! Вместо катаний лучше дайте нам команду перестрелять эту сволочь!

— Стрелять теперь не придется, товарищи, незачем, враг побежден, через несколько часов все будет конечно. Временное правительство сдалось, вся власть в руках Петроградского Совета.

Солдаты облегченно вздохнули:

— Ну слава богу.

На Троицком мосту они встретились с автомобилем Благонравова, который ехал в Зимний дворец. Он заверил, что правительство и юнкера сдались. Так велико было желание «ужасных большевиков» обойтись без кровопролития, что они снова наперекор всему поверили в истинность этого сообщения. Да и сам Благонраков только поэтому оказался в плену заблуждения вопреки фактам. Он пересел в автомобиль членов ВРК, и они все вместе снова поехали во дворец.

Остановившему их караулу рассказали о взятии Зимнего. Это неожиданное для них, лежащих в цепи перед самым дворцом, известие солдаты встретили с большим недоверием:

— Какой там сдались: недавно оттуда по нас здорово жарили. Опасно туда ехать.

Но члены ВРК и Благонравов остались при своем мнении. Автомобиль тронулся. Вслед понеслись предостерегающие крики. Шофер замедлил ход. Кругом тишина. Медленно наплывала арка Эрмитажа, и в тот же миг из дворца началась отчаянная пальба.

Шофер не растерялся и, мгновенно остановив автомобиль, дал задний ход. Подвойский и Благонравов бросились на дно машины, а Еремеев, сидевший вместе с шофером, выпрыгнул на мостовую и растянулся на ней по всем правилам военного устава.

Через несколько невыносимо долгих секунд автомобиль пролетел мостик через Зимнюю Канавку и оказался в безопасности.

Павловцы, встревоженные выстрелами, подумали, что против них перешли в наступление и открыли беглый огонь. Положение было отчаянное — они опять попали под обстрел, теперь уже своих.

В конце концов все кончилось благополучно. Еремеев догнал их, Подвойский приказал Благонравову ехать в Петропавловку и открыть по Зимнему орудийный огонь, дав предварительно, как было условлено, три холостых выстрела — сигнал начала штурма.

Недоразумение со «сдачей» тоже разъяснилось: сдались не Зимний и Временное правительство, а часть юнкеров и «ударницы» женского батальона — «последняя надежда Керенского».

Приехав в крепость, Благонравов распорядился подготовиться к открытию огня. А пока матросы разбирались

с орудиями и подносили снаряды, приказал обстреливать Зимний из пулеметов.

В 5 часов вечера над Невой прогремело могучее «ура». Прибывших из Кронштадта на боевых кораблях матросов приветствовали экипажи «Авроры» и миноносцев, пришедших из Гельсингфорса.

— Жалко, что мы забыли оркестр, — сказал какой-то матрос.

— Ничего, скоро будет другая музыка!

Минный заградитель «Амур» стал невдалеке от «Авроры». Через несколько минут на его палубу поднялся Антонов-Овсеенко. Быстро рассказав о событиях, он передал распоряжение ВРК — часть матросских отрядов займет место в цепях. К «Амуру» подошли мелкие суда, чтобы переправить десант на берег. Высадка прошла быстро, палубы кораблей опустели.

***«Воззвание Петроградского комитета
меньшевиков-оборонцев.***

РСДРП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Верные революции товарищи солдаты, рабочие и граждане!

Преступление совершилось: большевики соблазнили, опутали темную часть солдат и рабочих. В страшную минуту для родины подняли они междоусобицу, подняли руку на правительство, поставленное народом, дерзко, как царские городовые, ворвались они в Совет Республики, нанесли оскорбление старым борцам с царской властью — товарищам-социалистам. Перед лицом врага Вильгельма и подстерегающей нас черной сотни они рвут на клочья нашу родину и свободу. Спасайте революцию, спасайте республику! Знайте: голод задавит Петроград, гер-

манская армия растопчет нашу свободу, черносотенные разбойничьи погромы захлестнут Россию, если все мы, сознательные рабочие, солдаты, граждане, не сплотимся вокруг Временного Правительства и не отстоим его. Не верьте обещаниям большевиков — все это обман, хитрость, сказки. Идите и разъясните темному народу: ужас, гибель, смерть несет нам их безумное восстание. Спасайте республику, пока не поздно. Петрогр. комитет меньшевиков-оборонцев».

Донесение помощника главного комиссара Кронштадтского сводного отряда П. И. Смирнова исполкому Кронштадтского Совета. 25 октября 1917 г.

«18 час. Доводим до сведения исполнительного комитета и Военно-технической комиссии, что десант высажен и установлен окончательный контакт с петроградскими частями. Ждем дальнейшего наступления. Сейчас приступаем к окончательной операции по отношению к Зимнему дворцу и штабу.

Предъявляется при помощи делегации ультиматум. Если отвергнется, то открываем огонь. Помощник главного комиссара П. Смирнов».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Главный комиссар сводного отряда Флеровский и Антонов-Овсеенко условились, что в случае отклонения ультиматума Временным Правительством Петропавловская крепость даст сигнальный пушечный выстрел — холостой, «Амур» также ответит холостым. Затем крепость даст новый выстрел, после которого корабли начнут боевую стрельбу. Тут же было отдано распоряжение старшему артиллерийскому офицеру «Амура» выяснить возможность обстрела дворца.

— Стрелять с «Амура» нельзя — мешает Николаевский мост, лежащий на линии выстрела. Для обстрела дворца корабль необходимо отвести на новое место, — доложил офицер.

Запросили «Аврору» о возможности обстрела и получили положительный ответ.

*Приказ командира 3-го конного корпуса генерала П. Н. Краснова.
25 октября 1917 г.*

«г. Остров. Секретно, боевой.

Верховный главнокомандующий Керенский, и. д. председателя союза казачьих войск войсковой старшина А. Греков телеграфируют:

«Приказываю с получением сего все полки 1-й Донской казачьей дивизии со своей артиллерией, находящейся на Северном фронте под общей командой начальника 1-й Донской казачьей дивизии, направить по железной дороге в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова, о времени выступления донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить пошелонно походным порядком».

Комиссар Северного фронта Войтинский телеграфирует:

«Передайте донцам и приморцам: Временное Правительство в полном согласии с Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов стягивает в Петроград верные революции и долгу перед родиной войска. Петроградские полки, упорно отказавшиеся от выступления на фронт под предлогом защиты свободы в тылу, оказались неспособными оградить Петроград от бесчинств и анархии. Создалась опасность

срыва Учредительного собрания. В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи полки. Пусть злобствуют против казаков окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца.

Комиссар Северного фронта *Войтинский*».

Во исполнение этих телеграмм 1-й Донской дивизии сегодня спешно направиться по железной дороге в район Гатчина — Александровская. Принять меры для сосредоточения дивизии в районе Пулковско-Царское, откуда походным порядком двигаться к Петрограду всей дивизии одновременно, согласно данных мною указаний. Генерал-майор Краснов».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

На «Амур» пришло сообщение, что ультиматум правительством отклонен. Флеровский передал «Авроре» приказ подготовить условленный выстрел. Бельшевы вышли на бак. Там у шестидюймового орудия стояли вахтенные комендоры. Напряжение усиливалось. Со стороны Зимнего слышалась стрельба, а Петропавловская крепость не подавала сигнала.

Набережные Невы усыпали толпы обывателей, до которых, очевидно, не доходил смысл событий и опасность их положения. Они пришли полюбоваться на красивое зрелище. Уже тридцать пять минут десятого, а красного фонаря все не было.

— Огонь, огонь! — закричали матросы.

Во тьме за мостом показался багровый огонь, и одновременно грянул залп крепостных трехдюймовок. Было 9 часов 40 минут вечера 25 октября 1917 года.

Комиссар отдал команду:

— Носовое, огонь! Пли!

Мелькнула вспышка выстрела, прокатился грохот над Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца.

Грохот и сноп пламени при холостом выстреле намного сильнее, чем при боевом, и эффект вышел поразительный — любопытные шарахнулись от гранитного парапета набережной, попадали и поползли в разные стороны, как тараканы, под матросский хохот.

В ответ на выстрел сквозь треск пулеметов послышалось громовое «ура». Красные цепи пошли на штурм.

Белышев приказал зарядить орудие боевым снарядом — мало ли что...

Стало тихо.

— Прожекторы, живо!

К мосту, махая бескозыркой, бежал связной:

— На «Авроре»! Больше не стрелять, наши в Зимнем!

Флеровского выстрел «Авроры» застал в кают-компании, где между ним и офицерами шла мирная беседа. Разговор на текущие темы не клеился, и все слушали рассказы командира, участника русско-японской войны, о Цусиме.

На кают-компанию выстрел «Авроры» произвел ошеломляющее впечатление. Несмотря на долгую привычку к выстрелам, офицеры вздрогнули и бросились к иллюминаторам. У командира прыгали губы, как перед плачем или истерикой, когда он сказал:

— Не волнуйтесь, господа, это холостой...

Но кают-компания долго не успокаивалась. Командир оторопело пробормотал:

— Выстрел по столице... с русского корабля.

Вскоре на «Амур» пожаловали гости — делегация из двух эсеров и двух меньшевиков. Они назвали себя «делегацией» съезда Советов, даже сослались на «санкцию ВРК». Им не поверили и не могли поверить — и потому,

что среди них не было представителей большевиков — руководителей восстания, и по содержанию их предложений, и по их тону, который едва не повлек несчастья.

— Как вы осмелились стрелять в Зимний?! Известно ли вам, что там есть министры — члены советских партий?

Кто-то из «делегатов» с дрожью в голосе сообщил, как Маслов проклинал «демократию». «Делегация» и ее вопросы вызвали у членов штаба сводного Кронштадтского отряда такие чувства, что только их чрезвычайная выдержка спасла «делегатов» от неприятностей.

— Вот что, господа хорошие, уходите подобра-поздорову, мы здесь не шутки шутим, и лучше предложите вашим «советским» министрам сдать, тогда и «демократию» избавите от лишних волнений, — и Флеровский указал меньшевикам и эсерам на дверь.

Но в дверях стояли матросы, они слышали все слова «делегатов», и их лица не предвещали им ничего хорошего. Флеровский вышел проводить «делегацию», и по замечаниям матросов: «прислужники буржуазии», «за борт» и другим, не менее «лестным», которыми они провожали «гостей», можно было заключить, что общество комиссара оказалось для тех не лишним.

Сообщение газеты «Новая жизнь». 26 октября 1917 г.

«В 9 час. вечера по Зимнему дворцу с верков Петропавловской крепости и крейсера «Аврора» было сделано несколько холостых орудийных выстрелов.

Пушечные выстрелы послужили как бы сигналом к обстрелу Зимнего дворца революционными войсками и Красной гвардией, расположившимися на площади перед дворцом. Охранявшие дворец женский ударный батальон и несколько рот юнкеров в свою очередь открыли по осаждавшим пулеметный и ружейный огонь. Завязалась

сильная перестрелка. До 10 час. орудийная, пулеметная и ружейная стрельба не прекращалась.

Из окон дворца было выброшено несколько ручных гранат, осколками которых было ранено несколько красногвардейцев и солдат. Как выяснилось, во дворце помещается лазарет, в котором находится свыше 500 человек раненых. С 10 час. до половины 11-го стрельба прекратилась, но вскоре вновь возобновилась. По дворцу еще сделано несколько орудийных залпов.

Около 11 час. вечера отрядом матросов была занята половина Зимнего дворца. Члены Временного Правительства перешли на другую половину. Около Зимнего дворца слышна ожесточенная пулеметная перестрелка. Время от времени слышна орудийная стрельба. Юнкера оказывают сопротивление. В 11 час. 30 мин. ночи из Зимнего дворца сообщают, что орудийный огонь не принес никакого вреда дворцу, так как ни один снаряд не попал в здание. Члены Временного Правительства продолжают заседать».

Советник швейцарской миссии Фюрер — в Берн.

25 октября 1917 г. 10 часов вечера.

«Большевистский переворот, по-видимому, можно считать совершившимся. В течение нескольких часов столица целиком в руках Петроградского Совета, на сторону которого перешел почти полностью гарнизон.

По сообщению Французского посольства, министерство Керенского, оставленное даже казаками, условия которых не были приняты, распущено. Сегодня утром Керенский бежал, сказав, что уезжает в армию. По-видимому, формируется правительство Ленина... Отряды войск Совета занимают город; главная улица забаррикадирована. В 10 час. вечера слышна ружейная стрельба и канонада у Зимнего дворца».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Около 12 часов ночи антибольшевистские гласные Петроградской думы по предложению эсеров решили идти в Зимний, чтобы «умереть вместе со своими избранниками».

Предложение идти во дворец подверглось поименному голосованию. Все вызываемые, кроме большевиков, отвечали:

— Да, иду умирать...

После этого все встали со своих мест, вышли в вестибюль, оделись и, захватив с собой заготовленные мешки с хлебом и колбасой для осажденных, пошли...

Шли молча. В тишине четко звучали шаги по мостовой. Бухали редкие оружейные выстрелы. Очень скоро около Екатерининского канала шествие уперлось в матросскую цепь.

В ночной тишине разнеслось: «Избранники народа! Всенародное голосование, демократия!» Матросы сумрачно и молча стояли каменными рядами.

Иссякнув в своих доводах и аргументах, «демократия» умолкла. Молчание затягивалось. Шествие потеряло внутреннюю связь. Присутствующим делалось нудно и холодно, настроение скисало. Толпа думцев не знала, что делать. Ими начинало овладевать ощущение нелепости и бессилия. Нелепость происходящего стала нервировать и матросов — в их передних рядах слышался ропот недовольствия, раздались отдельные выкрики:

— Поворачивай оглобли!

— Слышали?!

Подъехал Подвойский. Думцы стали жаловаться ему, что их не пропускают к генеральному штабу, откуда они хотели позвонить в Зимний дворец и упротить прави-

тельство «предотвратить кровавые события». Подвойский ответил, что «предотвращать» события поздно — они уже развернулись и их не остановишь, так что звонить ни к чему, да это и невозможно — телефоны Зимнего выключены. Пробраться через площадь, на которой идет бой, тоже не удастся.

— Идите-ка лучше домой, — закончил Подвойский.

Представители «демократии» смотрели вслед удалявшемуся автомобилю председателя ВРК растерянно и зло.

Матросы начали нетерпеливо перебирать винтовками, и «демонстранты», негодуя, кучками направились обратно. Через час после выхода они вновь вернулись под каланчу здания городской Думы, стыдясь смотреть друг другу в глаза. Иные «воскресшие из мертвых» стали по темным углам поедать колбасу и хлеб, предназначавшиеся «голодающим» министрам.

Залитый огнями люстр зал заседаний съезда был набит до отказа — люди стояли в проходах, некоторые взобрались на подоконники и даже на выступы колонн.

На возвышении сцены — старый ЦИК: Дан, Либер, Мартов, Гоц... Нет Керенского, нет Чхеидзе, понявшего, что все кончено и уехавшего в Грузию.

10 часов 43 минут вечера 25 октября 1917 года.

Толстый, лысоватый человек в форме военного врача потрогал колокольчик. Это был меньшевик Дан.

— Товарищи! Съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас это станет особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума Центрального Исполнительного Комитета, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем двор-

це под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИКом...

В зале раздался ропот, и кто-то крикнул:

— Ложь! Вы — это еще не весь ЦИК!

Дан явно ожидал другой реакции зала и, сразу стусевавшись, быстро пробормотал:

— Объявляю первое заседание Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым...

Скорбный тон Дана обманул только тех, кто сам хотел быть обманутым. Уже всем было известно, что «партийные товарищи» Дана вызвали войска с фронта и назначили кадета Кишкина (тоже, очевидно, «товарища») диктатором, намереваясь утопить революцию в крови.

На трибуну поднялся Мартов:

— Гражданская война началась, товарищи! Там, на улицах, стреляют в наших братьев!

Крики «Терещенко тебе брат?» и «Где ваша совесть, Мартов!» заглушили его голос.

Меньшевики, бундовцы, правые эсеры, видя, что сорвать съезд не удалось, решили уйти. У выхода Мартова остановили, уговаривая остаться.

— Оставьте, товарищи. Надо изолировать большевиков, мы скоро вернемся! — с апломбом произнес лидер меньшевиков и вскоре действительно вернулся, с ужасом увидев, что оказался изолированным он сам.

Разговор по прямому проводу генерала Духонина с главкомом Северного фронта генералом Черемисовым и начштасегом генералом С. Г. Лукирским. 25 октября 1917 г.:

«У аппарата наштасев генерал Лукирский.

У аппарата наштаверх. Здравствуйте, Сергей Георгиевич! Хотел у вас узнать, какие у вас имеются сведения относительно положения в настоящее время войск фронта, по-

сланных в Петроград согласно вашей телеграмме, и насколько сроки прибытия, указанные в ней, будут соблюдены, насколько на это можно рассчитывать?

Лукирский: Здравия желаю, Николай Николаевич! Главкосев, узнав, что я буду говорить с вами, приказал мне передать вам, что он, окончив разговор с главкозапом, подойдет к аппарату для переговоров с вами. Все распоряжения, посланные сегодня утром о направлении названных главковерхом войсковых частей в Петроград и в копии представленных мною вам, главкосев сегодня в 10 часов вечера отменил, и эти последние распоряжения я вновь представил вам в копиях. О причине отмены я не знаю, главкосев указал мне по телефону, что он объяснит мне такое распоряжение несколько позже. Ныне войсковые части эти уже задержаны на местах посадки или возвращаются с пути. Комкор 3-го конного прислал запрос на мое имя, сообщая, что он имеет личное приказание ввести первую Донскую в Петроград от главковерха и поэтому недоумеваает, получив последнее приказание об отмене такового движения. Мы сговорились с ним, что для выяснения этого вопроса он приедет сегодня в час ночи в Псков и лично явится к главкосеву.

Духонин: Я не понимаю, чем вызывается такая отмена. Буду ждать объяснения главкосева. А где сейчас находятся самокатные батальоны? По имеющимся у меня сведениям, самокатные батальоны должны были сегодня в 3 часа дня прибыть в Петроград. Подожду главкосева, если вы не можете объяснить отмены распоряжения.

Лукирский: Иду доложить об этом главкосеву.

Черемисов: Здравствуйте, Николай Николаевич! Вы что-то начали сейчас говорить?

Духонин: Генерал Лукирский мне сообщил, что вами отдано распоряжение, отменяющее отправку войск в

Петроград по приказанию главковерха. Чем это вызывается?

Черемисов: Это сделано с согласия главковерха, полученного мною от него лично. Известна ли вам обстановка в Петрограде?

Духонин: Будьте добры мне подробно сообщить обстановку и где сейчас находится главковерх.

Черемисов: Временного Правительства прежнего состава уже не существует. Власть перешла в руки Революционного Комитета, казачьи полки остались пассивны в своих петроградских казармах, броневики перешли на сторону Революционного Комитета. Сегодня вечером кто-то, по-видимому правые элементы, назначил генерал-губернатором Петрограда Кишкина, принадлежность которого к кадетским партиям известна на фронте. Это назначение вызвало резкий перелом в войсковых организациях фронта не в пользу Временного Правительства, в Петрограде привело к тому, что революционные войска заняли штаб округа и, по-видимому, прекратили деятельность генерал-губернатора. Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность главковерха мне. Вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были прекращены. Главковерх у меня. Не имеете ли вы что передать ему?

Духонин: Можно ли просить его к аппарату?

Черемисов: Невозможно в его интересах.

Духонин: Будете ли вы что-нибудь говорить?

Черемисов: Да, мною получены следующие сведения из Зимнего дворца: «В Петрограде день прошел спокойно. Была лишь днем незначительная перестрелка на углу Невского и Дворцовой площади. Восставшие захватили Государственный банк, Центральную телефонную

станцию, Мариинский дворец. Предпарламент был удален. Вечером настроение прогрессирует; около часа назад захвачен кучкою людей в 50 человек Петроградский штаб. На стороне правительства юнкера и казачий полк да два орудия Михайловского артиллерийского училища. Министр-председатель уехал к самокатчикам еще утром, до сих пор не возвратился. Полагаю, что он будет возвращаться не один, а с войсками, которые окажутся преданными. Ныне и несколько ранее шла и идет стрельба, сравнительно редкая и, думаю, нервная, так как нападения пока не произошло и большевики держат себя сравнительно пассивно; во время моего разговора с вами было 34 орудийных выстрела, которые, судя по звуку, идут из нашего стана. Временное Правительство в полном составе сейчас в Зимнем дворце и не думает отсюда уходить до ликвидации конфликта. Вот, кажется, все из более главного. Главнoначальствующим над Петроградом назначен Кишкин с двумя помощниками — Пальчинским и Гутенбергом. Понемногу налаживается организация и руководство теми немногими частями, которые у нас есть. Лично думаю, что если действительно будет использовано хоть то, что есть, то положение правительства небезнадежно. Скажите, действительно ли подойдут, по вашим сведениям, к Петрограду направленные войска? Присутствие их, полагаю, успокоило бы восставших, и они расползлись бы по своим местам, не принимая боя. Все. Данилевич».

От всех фронтовых и армейских комитетов общеармейский комитет Ставки получил следующее: комитеты все безусловно на стороне Временного Правительства, резолюция их в общем аналогична резолюции Совета республики, т. е. требование активной политики правительства в смысле скорейшего заключения мира и передачи земли в руки земельных комитетов. Я вас вызову часа че-

рез полтора, чтобы сообщить решение некоторых вопросов, сейчас меня зовут. Можете ли вы тогда подойти к аппарату?

Духонин: Сейчас я получил телеграмму главкозапа и согласен с ним, что разъединение фронта в настоящее время в общем нецелесообразно в смысле поддержки правительства, явилось бы чрезмерно опасным и сделало бы положение наших армий безумно тяжелым, при котором легко мог быть поколеблен фронт. Сейчас на фронте спокойно. Большевики притихли. Фронтовой комитет Западного фронта и съезд крестьянских депутатов вынесли резолюцию, что всякое выступление большевиков и беспорядки будут подавляться силою оружия. Почтово-телеграфный союз высказался за поддержку правительства. Телеграммы, призывающие к восстанию против Временного Правительства, не принимались и не передавались. Прибытие в Петроград войск, верных правительству, могло дать результаты; пассивность войск, восставших против правительства, признаки этого: крайняя вялость и нерешительность большевиков. Если кандидатура Кишкина неприемлема, то в таком случае можно просить Временное Правительство заменить его другим лицом военным. Если главковерх Керенский предполагает передать должность вам, то я во имя горячей любви к родине умоляю вас разрешить мне передать об этом Временному Правительству, с которым у меня есть связь, вас же — не останавливать отданных распоряжений о движении войск, назначенных в Петроград. Я убежден, что при надлежащей организации все обойдется без особых кровопролитий, зато будет сохранен в полной неприкосновенности фронт и вам как будущему главковерху не придется считаться с весьма тяжелым положением...

Черемисов: Извиняюсь, Николай Николаевич, меня давно уже зовут, можно ли будет вас вызвать часа через два?

Я считал только своим долгом осветить вам всю обстановку и, возможно, последствия, минута слишком серьезная и ответственная перед родиной. Сейчас меня снова зовут, часа через два я вас должен буду вызвать, пока все, что говорилось, держите про себя, но имейте в виду, что Временного Правительства в Петрограде уже нет. Пока до свидания. Часа через два мне будет крайне необходимо вас вызвать.

Духонин: Слушаю. Через два часа буду у аппарата, но содержание ленты известно отчасти комитету, который находится тут же, в одной комнате со мной. От комитета это не секрет. Я говорю в смысле сношений ваших с оставшимися в Петрограде членами Временного Правительства».

Постановление II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. 26 октября 1917 г.

«Всероссийский съезд Советов постановил:

Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется.

На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты, офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым «политическим преступлениям», освобождаются немедленно».

Обращение II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов:

«К фронту. Всероссийский съезд Советов предлагает всем армиям создать временные революционные комитеты, на которые возлагается ответственность за сохранение революционного порядка и твердость фронта. Главнокомандующие обязаны подчиняться распоряжениям комитетов.

Комиссары Временного Правительства сменяются; комиссары Всероссийского съезда выезжают.

О всех шагах немедленно телеграфировать.

Петроград, 26 октября 1917 г.».

Постановление II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов:

«Всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары Временного Правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством.

Постановлением Всероссийского съезда Советов все арестованные члены земельных комитетов освобождаются. Арестовавшие их комиссары подлежат аресту.

Петроград, 26 октября 1917 г.».

Воззвание II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и делегатов от крестьянских Советов. 26 октября 1917 г.

«Рабочим, солдатам и крестьянам!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся.

На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончились. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено.

Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проводя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманном путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих
и солдатских депутатов.

Делегаты от крестьянских Советов».

***Постановление II Всероссийского съезда Советов рабочих
и солдатских депутатов. 26 октября 1917 г.***

«Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и др. арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление.

Всероссийский съезд Советов».

***«Обращение Исполнительного Комитета Всероссийского
Совета Крестьянских Депутатов.***

Ко всем крестьянам, солдатам и рабочим.

Вся власть Учредительному Собранию!

Против воли представителей всероссийского крестьянства и представителей армий власть захвачена Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

Захват власти за три недели до Учредительного Собрания есть захват прав всего народа. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов начал братоубийственную войну. Враг стоит у ворот столицы. Армии вновь нанесен удар в спину, сопротивляемость ее ослабляется.

Петроградский Совет обещает мир, хлеб и землю — это ложь.

Он даст междоусобие, монархию и рабство.

Временное Правительство объявило об окончательной разработке закона о передаче земли в распоряжение земельных комитетов и решительных мер в деле приближения мира.

Пусть знают армия и крестьянство, что, идя за Петроградским Советом, они лишатся земли и воли и сделают невозможным созыв Учредительного Собрания.

Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, стоя на страже интересов крестьянства, призывает не верить Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и органам, им поставленным.

Ни на минуту не останавливайте выборов в Учредительное Собрание.

Снабжайте хлебом армию.

Теснее сплотитесь вокруг своих крестьянских организаций и решительно подавляйте всякие попытки к грабежам и разбоям.

Вся власть Учредительному Собранию!

Исполнительный Комитет
Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов.

Петроград, 25-го октября 1917 г.».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

Приоткрыв дверь, курьер негромким и учтивым, но внятным и настойчивым голосом старался разбудить министра юстиции Малянтовича.

— Господин министр, вставайте. Еще только девять часов, но министр-председатель просили по телефону, что-

бы вы были в Главном штабе непременно к десяти часам... Самовар готов, чай заварен.

— Скажите подать автомобиль, — сказал министр, поднимаясь с пуховиков.

— Сказал, господин министр, чтобы не позже половины десятого был подан. Только мне ответили, что нет автомобилей. Этакое безобразие. Я все-таки сказал, чтобы вам автомобиль был подан непременно, но на всякий случай велел лошадь подать. Будет подана.

За последнюю неделю с автомобилями было плохо, как, впрочем, и со всем... Все как-то скрипело и разваливалось — автомобили подавали не вовремя и почти всегда разные, нередко неисправные. Автомобиль, прикомандированный к министерству юстиции в личное распоряжение министра, без достаточного повода чинили подозрительно долго. Экзекутор жаловался Малянтовичу, что ничего не может сделать.

Без четверти десять автомобиль все-таки был подан.

Подъехав к Главному штабу, Малянтович вышел из машины и замер в испуганном недоумении — у подъезда не было никакой охраны. В здание суетливо вбегали и выбегали военные всех чинов от солдата до генерала.

Министр вошел в штаб. Никто его здесь не знал, но никто и не остановил.

По лестнице непрерывно спускались и поднимались с встревоженными лицами солдаты, офицеры и юнкера.

Малянтович поднялся на второй этаж. На площадке, опираясь на ружье, как на палку, стоял часовой — юнкер.

— Не знаете ли вы, где здесь министр-председатель?

Юнкер любезно ответил:

— Извините, не знаю. А вот пройдите к дежурному офицеру, налево, он вам скажет.

Большая, плохо освещенная комната. Посередине большой стол, на нем беспорядочно разбросаны бумаги. За столом никого. Через комнату постоянно проходят военные, не обращая на неизвестного им штатского никакого внимания. Иногда кто-нибудь из них вскидывал на министра равнодушные глаза.

Малянтович с тоской подумал: «Я могу взять с этого стола бумаги, подложить бомбу... Никому нет дела!»

Вошел благообразный генерал, читая на ходу бумагу. Министр остановил его вопросом: не знает ли он, в каком помещении в штабе находится министр-председатель?

Генерал споткнулся, словно старая лошадь, посмотрел на Малянтовича взглядом только что проснувшегося человека и буркнул:

— Не знаю-с! Спросите дежурного офицера, — и пошел дальше, потом опять споткнулся, вскинул голову и властно сказал, явно гордясь своей мыслью: — А шапку, знаете ли, не мешало бы снять!

Вздохнув, Малянтович покорно снял шляпу и снова вышел на площадку, решив идти прямо к начальнику штаба. Так же любезно и так же непринужденно опираясь на винтовку, юнкер объяснил, где кабинет начальника штаба.

По коридору сновали люди, но у дверей кабинета не было ни караула, ни вообще кого бы то ни было. Доложить некому.

Огромным усилием воли Малянтович переборол это препятствие и решил войти без доклада. Словно бросаясь с обрыва в омут, чиновная душа легонько нажала на ручку двери. Лицом к ней стояли Керенский, Коновалов, Кишкин, генерал Багратуни, адъютанты Керенского и другие военные, незнакомые Малянтовичу. Один из них, высокий человек с лицом иностранца, что-то говорил Керенскому.

Керенский был в широком сером драповом пальто английского покроя и в серой шапке, которую он всегда носил, — нечто среднее между фуражкой и спортивной шапочкой. У премьера было страшно изнуренное и постаревшее лицо. Он смотрел прямо перед собой, ни на кого не глядя, помутневшими глазами с прищуренными веками.

Мельком взглянув на вошедшего, Керенский рассеянным движением подал министру руку. Малянтович догадался, что пришел к концу какой-то беседы, хотя еще было только десять. Керенский явно собирался куда-то ехать один — Коновалов и Кишкин были без пальто.

— В чем дело? — вполголоса обратился Малянтович к Коновалову.

— Плохо! — ответил тот, глядя поверх пенсне.

— Куда он едет?

— Навстречу войскам, которые идут в Петроград на помощь Временному правительству. В Лугу. На автомобиле. Чтобы перехватить их до вступления в Петроград и выяснить положение, прежде чем они попадут сюда, к большевикам.

— Навстречу войскам, идущим сюда на помощь Временному правительству? А в Петрограде, значит, нет войск, готовых защищать Временное правительство?

— Ничего не знаю, — развел Коновалов руками и добавил: — Плохо.

— И какие это войска идут?

— Кажется, батальон самокатчиков.

Услышав, что премьер-министр бросает столицу России для того, чтобы встретить батальон, Малянтович потерял дар речи. Доложили, что автомобили поданы.

— Итак, вы, Александр Иванович, остаетесь заместителем министра-председателя, — сказал Керенский, обра-

щаясь к Коновалову, и, стараясь не встретиться ни с кем взглядом, вышел быстрым шагом из комнаты.

— А мы куда? — выдавил из себя Малянтович, потерянно глядя вслед «министру-председателю».

Показания адъютанта управления заведующего автомобильной частью Петроградского военного округа прапорщика Б. И. Книрша, данные Военно-следственной комиссии Петроградского Военно-Революционного Комитета. 2 ноября 1917 г.

«25 октября 1917 года я был вызван в штаб Петроградского военного округа около пяти часов утра, в управление заведующего авточастью, находящееся в здании штаба. В десять часов утра, когда заведующий авточастью лёг спать и я остался один в канцелярии управления, я был вызван к генералу Багратуни, и в его присутствии полковник Полковников приказал мне достать два автомобиля для Керенского, который будто бы должен ехать встречать подходящие к Тосно войска.

При штабе не было ни одной машины. Одни уехали, другие были испорчены. Я вернулся к главнокомандующему и доложил ему, что машины нет. Тогда он в категорической форме, а вместе с ним и начальник штаба потребовали исполнения приказа во что бы то ни стало, причем генерал-квартирмейстер подполковник Пораделов сказал: «Где Подгурский (заведующий авточастью округа)? Я его не узнаю, до того он бездеятелен».

Тут же Полковников сказал, что, быть может, удастся достать машину в английском посольстве или в каком-нибудь другом.

Заняться этим было приказано адъютанту генерал-квартирмейстера прапорщику Соболеву и мне. Мы вышли на улицу и решили, что вместо того, чтобы ехать на

Французскую набережную, где находится английское посольство, проще всего пойти по Морской в итальянское посольство.

Посол сказал, что машины у него нет. Тогда я позвонил из посольства присяжному поверенному Эристову и просил разрешения к нему заехать. Я знал, что у него есть автомобиль и что он живет тут же, рядом, на Морской.

По дороге к Сидамону Эристову (Морская, 61) у американской миссии мы увидели машину. Соболев остался у нее и стал спрашивать шофера, а я пошел к Эристову, который сказал, что машину даст, если таковая имеется у него в управлении, на Сергиевской. Та же, на которой он ездит, слишком слаба. С этим решением мы с Сидамоном Эристовым выехали из его дома.

У подъезда американской миссии я просил разрешения остановиться, вошел в подъезд и спросил, здесь ли прапорщик Соболев, и, получив от прислуги утвердительный ответ, я зашел на квартиру и, пройдя в гостиную, увидел Соболева, разговаривающего с поручиком в русской форме, который оказался бароном Рамзаем, состоящим при посольстве, и атташе американского посольства — американцем, фамилию которого не помню.

Я услышал только конец их разговора, из которого я понял, что американец соглашается дать автомобиль, но просит свезти его к главнокомандующему.

Мы вышли все вместе, Соболева я познакомил с ожидавшим нас Сидамоном Эристовым, и он поехал с Соболевым доставать вторую машину, а я с бароном Рамзай и с американцем на его автомобиле «Рено» поехал в штаб округа. По приезде в штаб я доложил полковнику Полковникову о прибывших, и он, переговорив с Рамзай и американцем, спросил их, не желают ли они что-нибудь сказать Керенскому лично. Американец изъявил свое же-

лание, и вместе с Полковниковым они пошли вниз. Что и с кем они говорили — я не знаю.

На машине «Рено» был американский флаг, который посредине пути отвязался, и я его спрятал. Шофером был финляндец. Где была получена вторая машина, та именно, на которой уехал Керенский, я не знаю. Прапорщика Соболева я больше в штабе до своего отъезда не видел.

Автомобиль «Рено» остался на виду у всех у главного подъезда штаба. Я ожидал с шофером у машины. Через полчаса ко мне подошел какой-то офицер в морской форме (как потом оказалось, один из адъютантов Керенского) и сказал: «Поезжайте вслед за той машиной, которая сейчас выедет из ворот». Ко мне в карету сел другой офицер (позже я узнал, что это прапорщик Брезе — адъютант Козьмина). Я увидел, как морской офицер побежал к воротам штаба, находящимся за углом, и вскоре оттуда выехал открытый автомобиль фирмы «Пирс Арроу». Я велел шоферу ехать вслед за ним, но ввиду того что ни я, ни шофер не знали, куда именно ехать, мы стали крутиться по площади на виду у всей толпы, и только через минуту я понял, что очевидно, от меня требуют, чтобы я ехал вперед. Сделать я этого не мог, не зная направления, и, видимо, на первом автомобиле это поняли и двинулись к арке. Миновав арку, нам знаками приказали ехать вперед, указав «прямо». Мы исполнили приказание.

Миновав Мариинский дворец, я спросил Брезе — куда же ехать, он ответил: «К Царскому, по Царскосельскому шоссе».

Я ответил, что не знаю, как туда выехать. На Вознесенском у какого-то магазина я приказал остановить машину и пропустить вперед первую машину.

Остановилась и она. Оттуда прапорщику Брезе сказали ехать по Забалканскому. Они хотели, видимо, что-

бы я ехал впереди, но я упорно не хотел этого, не зная маршрута.

На Вознесенском, по переезде через Екатерининский канал, передний автомобиль круто завернул в какой-то переулок, видимо не желая сталкиваться с толпой, шедшей ему навстречу. Первый автомобиль шел страшно быстро, и бывали даже в городе моменты, когда моя машина отставала от первой на четверть версты. Я видел, что в первом автомобиле сидели Керенский и Козьмин, а с ними еще два офицера: один — моряк, подходивший ко мне, другой — какой-то поручик. После я узнал, что первого звать Кованько, а второго — Виннер и что они оба адъютанты Керенского.

Мы миновали Забалканский и выехали на шоссе, ведущее через Пулково в Гатчину. Я не задумывался над целью поездки Керенского прежде всего потому, что получил категорическое приказание от главнокомандующего с соответствующим объяснением цели поездки. Правдивость этой цели для меня имела основания в том обстоятельстве, что еще часа за два до этого генерал-квартирмейстер Пораделов говорил об автомобилях на Тосно для встречи войск, причем на них должны были ехать комиссар Малевский и представители крестьянских депутатов. Достать этих автомобилей мне не удалось, пока я не получил приказания искать их на стороне. Если мне и приходило в голову, что Керенский хочет бежать, то я не допускал серьезности этой мысли, не зная трудности положения штаба и слыша, что будто бы громадные массы войск, верные правительству, движутся к Петрограду и эшелоны уже находятся в часе езды от столицы. Вместе с тем для меня как офицера ни штаб, ни верховный не сложили своей власти и никем не были еще в то время низложены.

Около 12 с половиной дня мы приехали в Гатчину и, следуя за автомобилем Керенского, поехали прямо во дворец. В воротах дворца я впервые познакомился с Керенским как с представителем Временного правительства. Раньше, принадлежа к сословию присяжных поверенных, я его знал, конечно, однако за все время его пребывания в правительстве ни разу не видел его и с ним не разговаривал. Во время пребывания моего в сословии у меня были с Керенским скорее холодные отношения; они были вызваны одним принципиальным дисциплинарным делом, разбиравшемся под его председательством в комиссии помощников присяжных поверенных. Керенский держал себя во время разбора дела исключительно неприступно и не по-товарищески, все время показывая, насколько он стоит выше окружающих.

Приехав во дворец, Керенский с сопровождавшими его прошел к коменданту города, я же поднялся на третий этаж к своим хорошим знакомым.

Приблизительно через 15—20 минут я спустился вниз и встретил Керенского выходящим. Он подошел ко мне и сказал:

«Вы остаетесь здесь. Нагрузитесь бензином, шинами и всем, чем нужно, а потом приезжайте в Лугу к коменданту. В Гатчине не задерживайтесь. Через час самое позднее выезжайте». Я спросил: «А где же войска, которые мы должны встречать?» Он ответил: «Они не успели, мы едем им навстречу».

Я остался в Гатчине (и хотя знал, что у меня нет освещения, не особенно беспокоился, думая, что ночь не такая уж темная). Я попытался достать бензин и шины, но этого не удалось, и в поисках я потерял целый день. Насколько я был мало осведомлен, куда еду, видно из того, что при выезде моем из Петрограда в баке моего автомо-

бия было не более пуда бензина. Запасных покрышек и камер не было вовсе. Часов около семи только я выехал из Гатчины, взяв два пуда бензина только для своей машины у коменданта. Около станции Сиверской мы из-за отсутствия фонарей налетели на камень, и я, видя, что ехать так дальше — значит только погубить бесцельно машину, оставил ее на постоялом дворе с шофером, который на следующий же день возвратился в Петроград (по крайней мере так было ему приказано). Сам же взял извозчика и поехал на станцию, откуда поездом доехал до Луги.

В Луге, как мне было приказано, я явился к коменданту города, и он сказал мне ехать в Псков. 26 утром я приехал в Псков и отправился в штаб Северного фронта, где был принят генералом Барановским. Генерал сказал, что Керенский уехал в Остров, и что туда сейчас посылается офицер с телеграммами на имя главковерха, и я могу ехать с ним. По приезде в Остров мне сказали, что Керенский поехал в Псков и что с ним туда выступил 3-й конный корпус с генералом Красновым во главе. Мы вернулись в Псков, и здесь начальник военных сообщений генерал Кондратьев сказал, что и Керенский и Краснов миновали Псков и едут в Лугу.

Опять был наряжен автомобиль, и я с офицером, везшим депеши, вновь отправился в путь. Находясь в штабе, я ни на минуту не мог задумываться над легальностью положения Керенского. Конверт был ему адресован как главковерху от штаба. Генерал Черемисов, который видел меня и знал, почему я очутился в штабе, отдавал распоряжения об отправке эшелонов в Петроград. Так же уверенно держали себя все чины штаба, с которыми мне приходилось встречаться. Ни о каком правительстве, в Петрограде вновь образовавшемся, не было и речи. В Луге я наконец в вагоне увидел Керенского. Он при-

казал мне ехать с ним в Гатчину и временно исполнять обязанности и. д. начальника канцелярии главковерха по гражданской части и управляющего делами Временного Правительства.

*Дневник А. В. Ливеровского, министра путей сообщения
Временного правительства:*

«...Постепенно стали подъезжать другие министры. Около 12 часов Коновалов открыл заседание.

Присутствуют: Коновалов, Вердеревский, Никитин, Маслов, Саввин, Бернацкий, Малянтович, Смирнов, Третьяков и я. Коновалов страшно волнуется и нервничает. Сердится, что нет делопроизводителя. Просит секретаря немедленно послать за ним. Коновалов сообщает о поездке А. Ф. и о разговоре с представителями казачьих войск: «Без пехоты действовать не будем». Затем он рассказывает о том, что было ночью: «В 3 часа в Зимний дворец прибыли Роговский и Шер и обрисовали очень неблагоприятную картину. Большевики действуют по плану, и мы, не зная этого плана и по малочисленности имеющихся в распоряжении правительства военных сил, не можем предупреждать их захваты и оказывать им надлежащий отпор. Шер сообщил неблагоприятные сведения о настроении гарнизона: большая часть колеблется, некоторые части явно примкнули к большевикам и лишь некоторая часть, по-видимому, остается верной правительству». Из штаба никаких распоряжений не делается и никаких мер не предпринимается. Было решено перейти в штаб. В штабе выяснилась та же картина — все суется и обещают, но ничего реального не делают.

В 6 часов утра я ушел из штаба, площадь была пуста, никаких караулов, никакой охраны. Говорили, что броневики вышли поддержать Временное Правительство, но

оказалось, что у броневиков отвинтили магнето и унесли. Кто и когда это сделал — неизвестно. Министр-председатель начал сам энергично распоряжаться и делал, что мог, но уже было поздно. Все обещания и сведения при проверке оказывались неверными. Я заснул от 7 до 8 часов утра. В 8 часов мне позвонил городской голова и сообщил, что телефонная станция занята ротой кекгсгольмцев. В 9 часов утра, когда я позвонил по телефону в штаб о положении дела, полковник Полковников сообщил, что он пишет рапорт министру-председателю о том, что положение критическое и в распоряжении Временного Правительства никаких солдат нет.

Такое сообщение Коновалову показалось совершенно невероятным, и он решил проверить посредством телефонных переговоров с начальником штаба генералом Яковом Герасимовичем Багратуни. Оказалось, Багратуни находится в той же комнате, где сидел Полковников, и тут же, не кладя трубку (так что Коновалов мог слышать этот вопрос), спросил Полковникова, действительно ли он пишет такой рапорт. Очевидно, ответ получился утвердительный, потому что Багратуни спокойным тоном подтвердил, что Полковников действительно такой рапорт пишет.

А. Ф., узнав об этом, решил сейчас же поехать в штаб и взять на себя все распоряжения обороной, но Коновалов заявил ему, что, по его мнению, положение настолько серьезно, что необходимо немедленно созвать заседание Временного Правительства и совместно все обсудить и выработать меры. А. Ф. все-таки отправился и оттуда около 11 часов уехал на автомобиле английского посольства вместе с Козьминым в Лугу, оставив Коновалову директиву собрать Временное Правительство и сделать его заседание перманентным.

В 12 час. 30 мин. Вердеревский в дополнение к сообщению Коновалова сообщил, что из Гельсингфорса вышли три миноносца под флагом «Долой коалицию. Подчинение Революционному комитету». По имеющимся у него сведениям, Балтийский гвардейский экипаж предполагает захватить штаб округа. Коновалов. Я забыл еще упомянуть о том, что, когда мы с А. Ф. проходили по коридорам и дортуарам Зимнего дворца и А. Ф. говорил с юнкерами, юнкера интересовались силами правительства. Кроме того, во дворце был Гоц и сказал, что с фронта поддержка может быть лишь в том случае, если требование оттуда войск будет контрассигновано ЦИК Советов с. и р. д. Командир 14-го казачьего полка заявил, что казачий полк выходит на площадь и находится в распоряжении Временного Правительства.

Некоторые члены совещания министров начали выражать неудовольствие по поводу недостаточного принятия мер к обороне и по поводу деятельности Полковникова вообще.

Кишкин предложил: 1) вызвать Полковникова и выслушать его; 2) оставаться в Зимнем дворце до приезда министра-председателя; 3) выбрать лицо, которому поручить все распоряжения по борьбе с восставшими большевиками, и 4) немедленно выяснить все силы, находящиеся на стороне Временного Правительства.

Туманов сообщил о своих переговорах с казаками. В общем подтвердил то, что было уже известно из сообщения Коновалова.

12 час. 45 мин. Пришел ген. Левицкий (Борис Антонович). Передал свой разговор по аппарату с Духониным о посылке подкреплений с фронта. Он уверен, что до прихода войск с фронта казаки и юнкера отразят все наступления.

Вердеревский: В чьих руках Петропавловская крепость?

Левицкий: В руках Революционного комитета.

Коновалов: Может ли дальше оставаться у власти Полковников?

Все отвечали: «Не может».

Коновалов: Кем заменить? Гражданским или военным лицом?

12 час. 50 мин. Секретарь Коновалова сообщил, что опять пришла депутация от казаков и желает с ним говорить. Коновалов уходит и передает председательство Вердеревскому.

Маслов. Мы слишком много говорим, в такие минуты необходимо: 1) сменить немедленно Полковникова и, может быть, его арестовать; 2) занять штаб округа сильным отрядом; 3) вверить командование особому лицу; 4) занять почту, телефон и телеграф.

Вердеревский отказывается от председательства: «Такие важные вопросы должны решаться не при временном председателе».

Малянтович предлагает выбрать Кишкина в качестве особоуполномоченного лица по восстановлению законного порядка в Петрограде, предоставив ему выбрать себе помощников. Третьяков поддерживает кандидатуру Кишкина и рекомендует в помощники генерала Свечина. Никитин против Кишкина, так как имя Кишкина, безусловно популярное в Москве, не пользуется особым расположением в широких петроградских кругах, в особенности демократических. Кроме того, чтобы распоряжаться в качестве генерал-губернатора, надо знать город и всех нужных лиц. В качестве военного лица, которому можно было бы передать все командование вооруженными силами, Никитин называет генерала Я. г. Баградуни. В это время Никитина вызвали к телефону из Москвы.

Маслов. Я боюсь, что у нас опять начинаются разговоры в такие минуты, когда надо действовать быстро и решительно. Я предлагаю немедленно сменить Полковникова, временно передать власть Багратуни и занять штаб сильными войсками.

Так как в отсутствие Коновалова признается неудобным решать этот вопрос окончательно, то занятия временно прекращаются в 1 час. 5 мин. Во время перерыва пили чай, ели бутерброды с колбасой и сыром.

Кишкин присоединился к Коновалову, который у себя в кабинете уговаривал депутацию от казаков (полки 1-й, 4-й и 14-й) выступить на защиту правительства. Казаки еще раз подтвердили, что они выступят только с пехотой. Когда они уходили из кабинета Коновалова, я случайно последовал за ними и слышал их разговор между собой, который сводился к тому, что «ни один казак не выступит».

В 1 час. 20 мин. заседание возобновляется. Коновалов сообщает о результатах переговоров с казаками. Я дополнил тем, что лично слышал из их разговора между собой.

Никитин сообщил, что городской голова Москвы Руднев передал по телефону, что там положение еще не определилось, но никаких явных выступлений большевиков еще нет. По мнению Руднева, нам надо продержаться 24 часа.

После перерыва в заседании участвует комиссар Северного фронта Станкевич.

Станкевич предлагает обратиться от имени Временного Правительства ко всем войскам фронта и тыла с изложением положения и с призывом к оказанию поддержки. Станкевич предлагает редакцию, которая и принимается.

Бернацкий сообщает, что уже вывешен на улицах список новых министров.

Коновалов возмущается, что до сих пор не все члены Временного Правительства собрались, хотя с 5 час. утра приказано было телефонировать секретарям всех министров о том, что в 9 час. утра назначено заседание Временного Правительства.

Вердеревский говорит, что он не понимает, для чего это заседание собрано и для чего мы будем дальше заседать. У нас нет никакой реальной силы, и, следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание. Было бы лучше созвать заседание Временного Совета республики.

Кишкин. Мы не Петроградское Временное правительство, а Всероссийское Временное правительство. Если у нас нет в Петрограде силы, на которую мы могли бы опереться — это еще не значит, что во всей России ее нет. Наконец, если у нас нет физической силы, то нужно попробовать опереться на моральную силу. Нужно обратиться к общественным группам, к Совету республики. Нужно пригласить сюда сениорент-конвент и представителей от городского самоуправления.

Коновалов предлагает оставаться в Зимнем дворце вплоть до ареста. Предложение принимается без возражений.

Кроме того, Коновалов предлагает выпустить какое-либо обращение к населению Петрограда. Сейчас же следует целый ряд других предложений, но они не обсуждаются и не баллотируются. Начинаются общие разговоры, в результате которых в 1 час 30 мин. Станкевич отправляется в штаб за Багратуни, чтобы лично от него все члены Временного правительства могли узнать о положении дела и убедиться, возможно ли ему вручить власть (по телефону почему-то не удалось его вызвать).

Маслов опять напоминает, что надо немедленно сместить Полковникова.

Опять общие разговоры, смысл которых сводится к тому, что надо сделать еще попытку подействовать на казаков. Туманова просят использовать свое знакомство в казачьей среде. В результате Туманов с Гутенбергом решили поехать к Савинкову для переговоров с ним об этом же предмете, т.е. о более активном выступлении казаков.

Никитин читает телеграмму, отправленную им всем губернским комиссарам.

Кишкин: А в чьих руках телеграф?

Никитин: В наших. Нам необходимо было бы пригласить сюда для участия в нашем заседании Всероссийский ЦИК Советов с.и р.д. и городскую думу, т.е. городского голову и того, кого он признает необходимым.

1 час 35 мин. дня. Пришли в заседание А.А. Маниковский и П.И. Пальчинский.

Пальчинский что-то тихо говорит Коновалову. Оказывается, Совет республики разогнан. Все выходы из него заняты матросами. Арестован князь Оболенский Владимир Андреевич. На Васильевском острове большие отряды красногвардейцев.

Коновалов вкратце сообщает вновь пришедшим предположения правительства и спрашивает Маниковского, на кого бы он мог указать как на лицо, которому можно было бы вручить командование всеми силами Временного правительства.

Маниковский: Я занимался все время, с марта месяца, чисто технической деятельностью, поэтому стоял далеко от командного состава и не могу никого указать. Разве что Краковецкий?

1 час 50 мин. Приходит Багратуни.

Багратуни: Положение чрезвычайно трудное. Действительное настроение гарнизона неизвестно. Гарнизон ни-

каких приказаний штаба округа не исполняет, но, по-видимому, и не выступает против правительства. Для окарауливания Зимнего дворца и вообще центра (т.е. штаба, площади и прилегающих улиц) были сосредоточены все наиболее действенные части, т.е. школы прапорщиков. Позавчера у нас была одна школа, затем были призваны сюда же, в центр, другие школы. Мы старались не дробить сил. Нами была занята телефонная станция, но пришли кексгольмцы, и юнкера сдали ее без сопротивления: просто сменились и ушли. Государственный банк охраняла пехотная часть и два броневика, но сегодня утром броневики были окружены и, не оказав никакого сопротивления, сдались.

Коновалов: Я желаю получить от вас, генерал, определенные ответы на три вопроса: были ли подсчитаны силы, какие сейчас имеются силы, кто будет ими командовать?

Багратуни: Силы были — 3 казацких полка и 9-й кавалерийский полк, но по нашему приказанию ни один полк не вышел. У нас остались училища и школы; это сила большая, но она инертна. Здесь около 900 юнкеров. Первая Петергофская школа разошлась. Все находятся в Зимнем дворце и некоторая часть в штабе округа. Кроме того, в нашем распоряжении имеется до сотни офицеров. Командовать будет полковник Рынейский.

Кишкин: Можно ли освободить Мариинский дворец?

Багратуни сомневается и добавляет, что вообще, по его мнению, силы для охраны Временного правительства недостаточны.

Коновалов: Почему же вчера были выведены из Петрограда женские батальоны?

Багратуни: По условиям расквартирования. Кроме того, мне было доложено, что на фронт они охотно идут, но вмешиваться в политическую борьбу не желают.

Кто-то сообщает, что сейчас перехвачена радиотелеграмма о том, что Революционный комитет рассчитывает на деятельную поддержку «Авроры».

В 2 час. 10 мин. Багратуни уходит.

Никитин сообщает полученные им по телефону некоторые сведения об обстоятельствах разгона Совета республики и о положении Мариинского дворца.

Пальчинский уходит.

Коновалов ставит на голосование вопрос о назначении особоуполномоченным по обороне. Баллотируются Кишкин и Пальчинский. Большинство высказалось за Кишкина.

2 час. 20 мин. Получена записка об аресте Прокоповича. Он после ареста отправлен в Смольный.

2 час. 25 мин. Объявлен перерыв для оформления назначения Кишкина, Пальчинского и Рутенберга и для составления воззвания к населению.

Воззванием занялись Карташев, Маслов, Гвоздев. Принимается редакция Малянтовича. Около трех часов пришел Терещенко.

3 час. 30 мин. Раздались первые выстрелы около Зимнего дворца. Из окон, выходящих на Адмиралтейство, было видно, как матросы, солдаты и красногвардейцы побежали. Юнкера, стоявшие в виде караула у моста, не сдвинулись с места. Кто, куда и почему стрелял, осталось неизвестным. Выяснилось, что нет продовольствия для юнкеров. Принимают меры.

К 4 часам все нужные указы Временного правительства написаны и подписаны. Решено, что Кишкин с Пальчинским и Рутенбергом для удобства руководства

делом обороны перейдут в штаб. Их телефоны: 5-76-62 и 2-65-40.

4 часа 15 мин. Кишкин, Пальчинский и Рутенберг уходят в штаб.

4 час. 20 мин. Получено известие, что журналист Климов, посланный на автомобиле с воззванием Временного правительства для доставления его в какую-либо типографию, задержан матросами, и автомобиль у него отобран.

4 часа 45 мин. Рассказ Станкевича о переговорах со Ставкой. Надо продержаться 24 часа, а может быть 48 часов.

5 часов. Я передал по телефону Константинову для передачи по телеграфу всем воззвание Временного правительства.

5 час. 30 мин. Пришел А.Г. Хрущов. Рассказ его о посещении Министерства финансов комиссаром Менжинским.

6 час. Возобновилось официальное заседание Временного правительства. Поставлен вопрос, оставаться или разойтись. Предложение Вердеревского. Речь Гвоздева. Речь моя. Решено оставаться. 6 час. 15 мин. Получено известие, что из находившихся в нашем распоряжении 6 орудий — 4 ушли с офицерами, а с юнкерами остались только 2, которые поставлены в главных воротах.

6 час. 30 мин. Пошли обедать наверх, в столовую Керенского. Все министры плюс Солдатенков. Генерал Борисов присутствовал, но не обедал (суп, рыба, артишоки).

За особым столом Коновалов, Терещенко, Карташев и я. Мысль Карташева о массивных серебряных ложках 1843 г.

6 час. 45 мин. — 7 час. Никитин говорит по телефону с Москвой.

7 час. 5 мин. Ораниенбаумская школа уже получила пропуск от Революционного комитета и уходит. Сейчас

ождается пропуск для Петергофской школы. Коновалова вызвали вниз, с ним ушел Терещенко. 7 час. 10 мин. Терещенко вернулся и от имени Коновалова пригласил всех вниз. Собрались в кабинете Коновалова.

Сообщено, что сейчас двумя делегатами от Революционного комитета доставлен ультиматум. Требуется наша сдача — дано 20 мин. на размышление, после чего будет открыт огонь по Зимнему дворцу с «Авроры» и Петропавловской крепости. Вызвали по телефону Кишкина.

7 час. 15 мин. Пришел Кишкин с Рутенбергом. Решено единогласно не отвечать на ультиматум, оставаться в Зимнем дворце и сопротивляться.

Депутация от юнкеров: они желают знать точку зрения Временного правительства. Пошли с ними разговаривать Кишкин, Гвоздев и Коновалов.

Ультиматум: «Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов: «Авроры», «Амура» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба.

Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены. Для ответа Вам предоставляется 20 мин. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 час. 10 мин., после

чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета

Антонов.

Комиссар Петропавловской крепости Г. Б.

25 октября 1917 г.».

8 час. Вернулись Кишкин, Коновалов и Гвоздев и заявили, что юнкера изъявили желание видеть все правительство. 8 час. 10 мин. Разговор с Пальчинским.

8 час. 15 мин. Вердеревский и Карташев подняли вопрос о действительности в обстоятельствах текущего момента наших полномочий. Все от нас откололось. Не должны ли мы сдать власть?

8 час. 40 мин. — 9 час. Разговор в коридоре с юнкерами. Речи Коновалова. Маслова, Малянтовича.

9 час. Отправлен отряд отнимать штаб.

9 час. 15 мин. Пили чай.

9 час. 30 мин. Началась стрельба из пулеметов. Наши ответили несколько раз из орудий».

Радиограмма Временного правительства. 25 октября 1917 г.

«9 час. вечера. Всем, всем, всем... Петроградский Совет р.и с.д. объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве. Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, а поэтому постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка ответила о посылке отряда. Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся Армии».

Дневник А.В. Ливеровского:

«9 час. 35 мин. Прорвался сквозь двойную охрану в Зимний дворец молодой вольноопределяющийся, светлый блондин небольшого роста, унтер-офицер. Он прошел без оружия со стороны Миллионной по ходу, который никем не охраняется. По его словам, осаждающих немного, правильных отрядов нет; имеются небольшие кучки разного сброда.

9 час. 45 мин. Полковник Ананьев, начальник инженерного училища, которому специально был поручен Зимний дворец, доложил, что казаки уходят. Их было всего около трех сотен. Вслед затем пришли делегаты от этих казаков и юнкеров и инженерной школы и подтвердили слова Ананьева. Коновалов, Маслов и Терещенко пошли к этим частям переговорить.

10 час. Вернулся Терещенко и объявил, что школа решила остаться. Коновалов и Маслов остались разговаривать с казаками.

10 час. 5 мин. Поручик Данилевич читает свои переговоры по прямому телеграфному проводу со Ставкой о подходе войск. Вечером сегодня должны были подойти самокатные батальоны, а завтра утром должны прибыть 6 полков казаков и кавалерии с артиллерией.

10 час. 15 мин. По предложению Терещенко Временное правительство постановляет назначить части, которые продержатся до подхода подкреплений, «войсками национальной охраны Учредительного собрания».

10 час. 20 мин. Приходит маленький офицер-армянин посмотреть Временное правительство.

10 час. 40 мин. Меня вызвали к прямому проводу для переговоров со Ставкой на телеграф, который помещается в другом корпусе Зимнего дворца (направо от главных ворот). В сопровождении телеграфного чиновника я

вышел из кабинета в коридор и спустился по маленькой лестнице в нижний этаж, откуда узким коридором вышел в нижнюю галерею. В галерее много юнкеров, некоторые с вещами, собираются уходить, настроение у них подавленное. При переходе через двор видел броневик и два орудия в главных воротах. Броневик не стрелял. Только что миновали мы светлую полосу под воротами, началась стрельба. По винтовой лестнице поднялись наверх в телеграф, в антресоли. Телеграфистки не сменялись со вчерашнего дня и жаловались, что нечего есть. При возвращении пришлось ожидать несколько минут, пока не затихнет стрельба. Обрато меня провожал молодой офицер с «Георгием».

В нижней галерее встретили юнкера с захваченными во дворе пленными красногвардейцами. При обыске у них отобраны, кроме ружей, револьверы и ручные гранаты.

До 11 час. 40 мин. я читал свой разговор по аппарату.

11 час. 50 мин. Раздался странный треск и вслед выстрелы в соседней комнате. Оказалось, в коридор с верхней галереи была брошена бомба матросами, пробравшимися по черным внутренним ходам через лазарет.

Через несколько минут к нам внесли раненого в голову юнкера, а другой пришел сам. Кишкин сделал перевязки. Бернацкий дал свой платок. Затем тушили пожар, возникший в коридоре от взрыва бомбы.

12 час. 20 мин. Пришел член комитета Крестьянского союза — унтер-офицер части, служащей в Управлении по квартирному довольствию войск. Он пробрался во дворец вместе с несколькими матросами в то время, когда выходил из него женский батальон. Оставленная этим батальоном часть дворца была, по его словам, без охраны и туда свободно мог проникнуть с улицы всякий желающий. Пробравшиеся вместе с ним матросы были арестованы».

Из воспоминаний Малянтовича:

«...А там у двери тревога все нарастала и стало страшно, что кровь прольется, что мы можем не успеть предупредить это, и мы все тревожно кричали:

— Идите скорей! Идите и скажите это! Мы не хотим крови! Мы сдаемся!

Юнкер вышел».

Калейдоскоп событий. 25 октября 1917 г.

По Дворцовой площади понеслось победное «ура!». Людской поток перехлестнул баррикады. Юнкера без шапок, без ремней, с бледными лицами, с поднятыми руками толпой сгрудились среди разваленных полениц баррикад.

Короткая схватка на ступенях лестницы. На узкой извилистой боковой лестнице трудно атаковать и юнкера отражают первый натиск. Но вот и они бросают оружие.

В обширном зале у порога — неподвижный четкий ряд юнкеров с ружьями на изготовку.

Антонов-Овсеенко и Чудновский во главе отряда подошли к этой горстки юнцов — последней гвардии Временного правительства.

Они словно окаменели.

С трудом красногвардейцы вырвали у юнкеров винтовки из одеревеневших от страха рук.

— Здесь Временное правительство?

— Здесь, здесь! — заюлил юнкер и, заглядывая Антонову в глаза, видимо, неожиданно для самого себя шепнул, глупо улыбаясь: «Я ваш».

Антонов усмехнулся и открыл двери.

За ними новая стена юнкеров, дрожащих и растерянных. Внезапно откуда-то на свет вынырнула фигура в сюртуке.

— Что вы делаете?! Разве не знаете! Наши только что договорились с вашими. Сюда идет депутация городской думы и Совета с Прокоповичем и красным фонарем! Сейчас будут здесь!

Чудновский не утерпел, схватив «генерал-губернатора» за отвороты сюртука, он швырнул его в ряды красногвардейцев, процедив сквозь зубы:

— Вы арестованы, господин Пальчинский!

Подхваченный на лету, «генерал-губернатор» барахтался в руках рабочих и матросов, обиженно повторял:

— Товарищ Чудновский... товарищ Чудновский!..

Антонов и Чудновский вошли в комнату. Вот оно — правительство временщиков. Застыли за столом, сливаясь в одно размытое белое пятно.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!

Дневник Ливеровского:

«1 час 50 мин. Арест.

2 час. 10 мин. Отправились под конвоем.

3 час. 40 мин.

Прибыли в крепость.

5 час. 5 мин. Я в камере № 54».

Телефонограмма Междурайонного совещания районных Советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда и окрестностей Петергофскому Совету. 26 октября 1917 г.

«2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев. Комендантом Зимнего дворца назначен Чудновский».

Калейдоскоп событий. 26 октября 1917 г.

По коридору шел солдат-самокатчик в черной кожаной куртке. На плече у него висел планшет.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — спросил он у часовых-красногвардейцев.

— А тебе кого?

— Ленина. Донесение.

Один из часовых приоткрыл дверь:

— Так что требуется разводящий. Прибыл курьер в штаб. Без пропуска. Требуется Ленина.

Вышел разводящий, спросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца. От главнокомандующего Подвойского.

— Донесение! — четко сказал самокатчик, входя в соседнюю комнату. — Требуется Ленин.

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин? — с любопытством глядя на него, спрашивает самокатчик, и лицо его невольно, на мгновение, расплывается в радостную улыбку. Он быстро расстегивает планшет, достает лист бумаги, бережно передает его, отдает честь и рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ, — говорит Ленин и протягивает руку солдату.

Тот смущен, берет руку обеими руками, встряхивает, улыбается. Потом снова отдает честь, резко, по-военному, поворачивается кругом и, на ходу кладя в сумку листочек, на котором Ленин расписался в получении донесения, выходит из комнаты.

— Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано. Отвезено в Петропавловку. Керенский бежал! — взволнованно читает вслух Ленин.

Услышав это, красногвардейцы и члены Военно-революционного комитета, все кто находился здесь, закричали «ура». Через несколько мгновений весь Смольный знал великую новость, и своды института дрожали от победного клича.

Когда радостно-возбужденный Подвойский под утро вбежал в комнату Ленина, то застал его чрезвычайно сосредоточенным — он писал декрет о земле.

Выслушав доклад председателя ВРК, который тот закончил словами «теперь, Владимир Ильич, все уже кончено», Ленин снова углубился в работу.

Подвойский тихо вышел из комнаты, внезапно поняв, насколько неправильна его последняя фраза.

Сообщение Петроградского Военно-революционного комитета. 26 октября 1917 г.

«26 октября в 2 часа 10 мин. ночи арестован членом Военно-революционного комитета исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Антоновым по постановлению Комитета контр-адмирал Вердеревский, министр госпризнания Кишкин, министр торговли и промышленности Коновалов, земледелия Маслов, путей сообщения Ливеровский, управляющий военным министерством Маниковский, Гвоздев, Малянтович, Третьяков, генерал для поручений Борисов, контролер Смирнов, просвещения Салазкин, финансов Бернацкий, иностранных дел — Терещенко, помощник особоуполномоченного Временного правительства Рутенберг, почт и телеграфа Никитин, исповеданий Карташев, Пальчинский. Прочие офицеры и юнкера обезоружены и отпущены. Взяты 3 папки и портфель министра народного просвещения».

Калейдоскоп событий. 26 октября 1917 г.

На территорию Гренадерского полка ввели окруженных конвоем женщин-ударниц. Комиссар полка Ильин-Женевский впервые видел их и смотрел с особенным интересом на это порождение «керенщины». В общем они производили довольно-таки жалкое впечатление. По стри-

женым головам и простым, грубым обветренным лицам их можно было принять за молодых солдат, но сразу же бросался в глаза их рост (по сравнению с гренадерами они казались карликами), маленькие ручки и нелепо выглядывшие в обмотках толстые ноги. Три из них, в том числе командир, едва вошли в казарму, упали в обморок, их усадили и дали воды.

— Эх, не нужно бы вам воевать! — невольно вырвалось у кого-то из солдат.

— Да разве мы знали? — возмутилась пришедшая в себя «командирша». — Нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили предписание явиться туда для парада, а вместо этого оказались впутанными в какую-то войну.

***Донесение комиссара гвардии Гренадерского полка А. Ильина.
26 октября 1917 г.***

«В полку постановлением общего собрания комитетом арестовано 7 офицеров. Павловское училище разоружено усилием команды солдат училища и при поддержке солдат запасного огнеметного химического батальона и 16-й пешей Ярославской дружины. В полку в настоящее время находится под арестом 137 солдат-женщин ударного батальона, арестованных в Зимнем дворце».

***Постановление Военно-революционного комитета.
26 октября 1917 г.***

«Военно-революционный комитет постановляет: немедленно освободить 130 женщин женского ударного батальона, арестованных в помещении Гренадерского полка.

Председатель Антонов.
За секретаря Карахан».

Приказ А.Ф. Керенского главнокомандующему Северным фронтом генералу Черемисову. 26 октября 1917 г.

«№ 315. 5 час. 30 мин. Приказываю с получением сего продолжить перевозку 3-го конного корпуса к Петрограду. Верховный главнокомандующий Керенский».

**Радиограмма Центробалта по флоту.
26 октября 1917 г. 19 час. 15 мин.**

«Морские силы. Центробалтом объявляется к сведению. 25 октября власть перешла в руки Советов. Временное правительство арестовано. Керенский бежал. Принять все меры, задержать его и отправить в распоряжение Петроградского революционного комитета. Всем бдительно следить за сохранением боевой мощи, охраной постов. Все постановления Центробалта исполнять точно, немедленно. Соблюдать спокойствие, помня, что Центробалт стоит на страже революции. Дыбенко».

Предписание помощника главного комиссара Кронштадтского сводного отряда Смирнова временному коменданту Зимнего дворца Второву. 26 октября 1917 г.

«Диспозиция тов. Второву. Предлагается строго охранять Зимний дворец и к нему никого не подпускать, выставив соответствующие караулы. Пом. глав. ком. П. Смирнов» .

**Сообщение газеты «Пролетарское дело». 26 октября 1917 г.
Экстренный выпуск:**

«Кронштадтцы в первых рядах. Зимний дворец взят. Наши товарищи матросы Машинной школы и Минного отряда шли в первых рядах бесстрашно с винтовками в руках против пулеметного огня. Честь и слава товарищам кронштадтцам! Они вплели новые розы в увядае-

мый венок их славы борцов и защитников пролетарской революции!

Полная победа пролетарской революции!

Члены Временного правительства — в Петропавловской крепости.

Вся власть в руках Временного революционного комитета.

За мир, за землю, за свободу!

Весь Северный фронт с нами за революцию.

Керенский выступал в Гатчине — где он теперь, неизвестно».

«Воззвание Всероссийского комитета спасения родины и революции.»

Граждане Российской республики!

25-го октября большевиками Петрограда, вопреки воле революционного народа, преступно арестована часть Вр. Правительства, разогнан Временный совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир. Гражданская война, начатая большевиками, грозит свергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного Правительства, которое, опираясь на силы

демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии.

Всероссийский комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане:

Не признавайте власти насильников!

Не исполняйте их распоряжений!

Встаньте на защиту родины и революции!

Поддерживайте Всероссийский комитет спасения родины и революции!

Всероссийский комитет спасения родины и революции в составе представителей Петрогр. гор. Думы, Временного совета Российской республики, Центральн.Исп. Ком. Всер. Сов. Кр. Деп., Центр, Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп., фронтовых групп, представителей II съезда Сов. Раб. и Солд. Деп., фракций с.-р., с.-д. (меньш.), народн. социал., группы «Единство» и др.»

Резолюция собрания солдат 180-го пехотного полка.

26 октября 1917 г.

«Мы, солдаты 180-го полка, собравшись 26 октября сего года и заслушав доклад члена Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов товарища Кузнецова о падении Временного правительства и переходе государственной власти в руки Военно-революционного комитета, заявляем, что до тех пор, пока власть находится в руках Революционного комитета, мы будем с ним вместе вести борьбу против врагов народа и каждый шаг Революционного комитета по пути передачи власти в руки Советов мы будем поддерживать всеми силами, имеющимися в нашем распоряжении.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует мир между народами!

Да здравствует всемирное освобождение всех угнетенных!»

Греческий поверенный в делах Какламанос — в Афины.

26 октября 1917 г.

«Совет захватил власть. Судьба министров неизвестна, за исключением Керенского, который, говорят, уехал в Ставку. Совет выпустил воззвание, в котором заявляет, что, беря власть в свои руки, он выдвигает в качестве программы предложение демократического мира, распределение земель между крестьянами, контроль рабочих над промышленностью и т.д. Всю ночь шла ружейная перестрелка, а крейсер «Аврора», пришедший из Кронштадта с несколькими миноносцами, стрелял в упор. Верные правительству войска укрылись в Зимнем дворце, но в 2 часа утра сдались».

Обращение ЦК ПСР. Газета «Дело народа», № 191.

26 октября 1917 г.

«Партия социалистов-революционеров.

В борьбе обрешь ты право свое.

Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты и матросы!

Вас подло и преступно обманули!

Захват власти произведен одними большевиками.

Они злоупотребили именем Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, потому что большевики скрывали свой план от других социалистических партий, входящих в Совет.

Захват власти произведен за три недели до Учредительного собрания, за один день до открытия Всероссийского съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Открывшийся съезд, признавший уже совершенный захват власти, неправомочен, потому что его покинули все социалистические партии и фронтовые делегаты, там остались одни большевики и плетущиеся у них в хвосте социалисты-революционеры-максималисты.

Голос трудового крестьянства не был выслушан. Крестьянские Советы отказались ехать на съезд, потому что теперь надо работать на местах над выборами в Учредительное Собрание. Всероссийский Исполнительный Комитет Советов Крестьянских Депутатов протестует против безумия большевиков. Большевики арестовали № 147 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и типографию закрыли, задушив своей жандармской рукой свободный голос трудового крестьянства. Вам обещали хлеба, но хлеба не будет. Восстание большевиков окончательно расстроит железные дороги, а мы и прежде с трудом справлялись с доставкой хлеба.

От того, что власть у большевиков, не появятся новые паровозы и вагоны, не увеличится добыча каменного угля, а от того, что большевики вызвали гражданскую войну накануне Учредительного собрания и разрушили весь государственный аппарат, мы останемся совершенно и без железных дорог и без угля.

Из-за того, что государственная власть разрушена, банки вынуждены прекратить свои операции. Денег не будет. Вы не получите ни жалованья, ни заработной платы.

Большевики ведут вас к закрытию фабрик и заводов, к безработице и голодной смерти.

Вам обещали немедленный мир и дали новую резолюцию, с которой никто не считается — ни враги, ни союзники. Посольства уезжают. Большевики развязали союзникам руки, чтобы те заключили с германцами мир лишь за счет России.

Вам обещали немедленный мир, а вместо того дадут новую тягчайшую войну на фронте и новую гражданскую войну в стране.

Вам обещали землю и волю, но контрреволюция использует посеянную большевиками анархию и лишит вас земли и воли.

В резолюции большевистской Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, в объявлении о захвате власти нет ни слова об Учредительном собрании.

Вы были накануне Учредительного собрания — большевики его сорвали.

Единственное средство подавить и анархию и уже ликующую контрреволюцию — это создать новую революционную демократическую власть, которую признает вся страна.

Сплотитесь вокруг Всероссийского комитета спасения родины и революции, вокруг социалистических партий. Они создадут новую однородную революционно-демократическую власть, и эта власть немедленно передаст землю в ведение земельных комитетов, предложит всем воюющим странам всеобщий демократический мир, подавит и анархию и контрреволюцию и доведет страну до Учредительного собрания. Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты и матросы.

Вас подло и преступно обманули.

Не слушайте большевиков, покидайте их, пусть останется одинокой эта кучка отщепенцев революции, и тогда их восстание закончится немедленно и без всякого кровопролития.

Центральный Комитет партии соц.-револ.

26 октября».

Разговор по прямому проводу Ставки с начальником политического управления Военного министерства поручиком В.В. Шером. 26 октября 1917 г. 3 часа ночи.

«Шер: У аппарата поручик Шер.

Ставка: Не можете ли Вы сказать обстановку данного момента в Петрограде?

Шер: Обстановка такова. Невский до Мойки свободен для движения. От Мойки до Зимнего дворца и кругом,

замыкая и вправо и влево на Неву, Зимний дворец был оцеплен, никого не пропускали патрули матросов и солдат петроградских полков. Остальные улицы свободны для движения, в частности трамвайного, вокзалы заняты восставшими войсками, которые патрулируют по улицам, задерживая не имеющих документов. Около Смольного института, где помещался штаб восставших войск, дежурят два броневика и несколько пулеметов на автомобилях, в общем же на улицах спокойно, столкновений в течение дня почти не было.

В Думе сейчас заседает Комитет спасения революции, составленный из представителей Думы и той части ЦИК, которая удалилась из Смольного института, порвав с большевиками. Восставшие поддерживают порядок и дисциплину, случаев разгрома или погрома не было совсем. Фактическое соотношение сил таково, что до позднего вечера, когда началась осада Зимнего дворца, восстание проходило бескровно. Подходя к тому или иному зданию, охраняемому правительственным патрулем, восставшие снимали его без всякого сопротивления. План восстания был несомненно заранее разработан и проводился неуклонно и стройно.

Комитет спасения революции в данное время никакими силами не обладает, но может рассчитывать на части, идущие с фронта. Сутки тому назад штаб округа должен был констатировать, что он опирается лишь на женский батальон, две-три роты юнкеров, роту ударников и группу офицеров, пришедших из госпиталей; броневые машины заявили, что не желают активно бороться за Временное правительство, и к утру ушли.

Ставка: Где сейчас члены Временного правительства?

Шер: Они были в Зимнем дворце и были арестованы час тому назад, где находятся, не знаю, министр Прокопович был арестован днем, но затем освобожден; все ли члены

Временного правительства, точно сказать не могу, ибо в Зимнем дворце находилось большинство, но не все.

Ставка: Кто у нас сейчас главковерх?

Шер: Александр Федорович Керенский.

Ставка: Где он?

Шер: Мне только что сообщил Вырубов, что он в Пскове, нам было известно, что он выехал навстречу войскам, идущим с фронта.

Ставка: Известно ли Вам, что генерал Черемисов остановил посылку в Петроград поездов, движение коих было приказано произвести распоряжением главковерха Керенского?

Шер: Да, известно, но комиссарсев передал, что это распоряжение главкосева было фактически отменено, ибо поезда продолжали идти; проверить это не могли.

Ставка: Как реагирует Военное министерство на смещение Временного правительства, упразднение Совета республики и захват власти большевиками?

Шер: Военное министерство случайно не занято еще восставшими войсками и провод является, должно быть, единственным в Петрограде не захваченным. Здесь сейчас находятся лишь офицеры политического управления, решившие отказаться от всякой работы в случае захвата власти. Здесь, в управлении, ГУГШ и Главный штаб заняты восставшими еще днем, управляющий военным министерством генерал Маниковский был на заседании Временного правительства и, очевидно, арестован».

***Заявление Петроградского управления уголовного розыска.
26 октября 1917 г.***

«Экстренно. Петроградское столичное управление уголовного розыска имеет честь просить Военно-революционный комитет не отказать в командировании в целях охраны сего управления (Морская ул., № 26, кв.10) наря-

да воинских чинов в количестве не менее десяти человек для несения суточного дежурства.

За начальника управления Игнатьев».

Приказание № 3 комиссара по Петрограду Нестерова комиссарам частей Петрограда. 26 октября 1917 г.

«20 час. 20 мин. Предлагаю вам принять меры, чтобы солдаты не несли караульную службу более суток, т.к. до моего сведения дошло, что некоторые части несут бес-сменно несколько дней.

Комиссар Военно-революционного комитета по городу Петрограду Нестеров».

Майор Р. Робинс, заместитель главы миссии американского Красного Креста в России:

«Я убежден, что русская революция является наименее жестокой и наименее мстительной из всех великих революций в истории человечества».

«26 октября 1917 г. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства.

«Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет: Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров... Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин)...»

«Всем Советам.

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и ка-

ких бы то ни было погромов. Честь рабочей, солдатской и крестьянской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены.

Красная гвардия в Петрограде, революционный Петроградский гарнизон и матросы обеспечили столице полный порядок.

Рабочие, солдаты и крестьяне всюду должны поступать по примеру петроградских рабочих и солдат. Товарищи солдаты, казаки, на вас в первую очередь ложится обязанность обеспечить подлинно революционный порядок.

На вас смотрит вся революционная Россия и весь мир.

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Петербург, 26 октября 1917 г.»

Из дневника Л. Троцкого за 1935 г.

«Не будь меня в 1917 г. в Петербурге, Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться (в этом для меня нет ни малейшего сомнения!). Если б в Петербурге не было Ленина, я вряд ли справился бы с сопротивлением большевистских верхов, борьба с «троцкизмом» (т.е. с пролетарской революцией) открылась бы уже с мая 1917 г., исход революции оказался бы под знаком вопроса. Но, повторяю, при наличии Ленина Октябрьская революция все равно привела бы к победе».

И. Сталин «Октябрьский переворот».

«Правда», 6 ноября 1918 г.

«Роль наиболее выдающихся деятелей партии.

Вдохновителем переворота с начала до конца был Ц.К. партии во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил

тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире. 24-го окт., вечером, он был вызван в Смольный для общего руководства движением. Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградск. Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого».

В.И. Ленин. «Доклад о мире»:

«Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство: Декрет о мире (принят около 11 часов вечера 26 октября 1917 г., в начале 2-го заседания съезда) «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии — таким миром правительство считает немед-

ленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ее, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилем. Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности,

правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны. Правительство

предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, должно немедленно начать переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы против тайной дипломатии и будем действовать открыто перед народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия, и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы и обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах и создавшим могучие организации.

В манифесте 14 марта мы предлагали свергнуть банкиров, но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского флота, подавленное юнкерами палача Вильгельма. Наконец, надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно. Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму. (Долгие аплодисменты)».

Д. Рид. «Десять дней, которые потрясли мир».

«Было ровно 10 часов 35 минут, когда Каменев предложил всем, кто проголосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку.. Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, сидящий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай

потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшие небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!». И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвой пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...»

В.И. Ленин. «Доклад о земле»:

«Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй, Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но все меры правительства, одобряемые авксентьевским и дановским Советами, шли против крестьян и вынудили их на восстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало. Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, которые должно выпустить ваше советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов.

Декрет о земле:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений. Для определения того, до какого размера участка и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов в редакции «Известий Всероссийского Совета Крестьянских депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).»

Крестьянский наказ о земле:

«Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием. Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяются навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

2) Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

3) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведования ими местными органами самоуправления.

4) Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. д. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их. Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

5) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в ис-

ключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

6) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

7) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжении 2 лет сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности на этот срок, прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности, утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

8) Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

9). Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные само-

управления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным. Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению. Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч. должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению».

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем решать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам.

Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело решить земельный вопрос с помощью не смененной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса бюрократия только боролась против крестьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действия. Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь (*шумные аплодисменты*)».

Д. Рид. «10 дней, которые потрясли мир»:

«В два часа ночи декрет о земле был поставлен на голосование и принят всеми голосами против одного. Крестьянские делегаты были в неистовом восторге...

Так, большевики неудержимо неслись вперед, отбрасывая все сомнения и сметая со своего пути всех сопротивляющихся. Они были единственными людьми в России, обладавшими определенной программой действий, в то время как все прочие целых восемь месяцев занимались одной болтовней».

Приложение

Синяков О.Н.

Биографии некоторых политических деятелей, упоминающихся в данной книге¹

Гучков Александр Иванович

Гучков А. И. родился 14 октября 1862 года в Москве, в богатой семье, отец — купец первой гильдии, мануфактур-советник, председатель правления Московского учетного банка.

В 1893—1897 годах А. Гучков — член Московской городской управы. В 1895 году — совершил неофициальную поездку по территории Османской империи для сбора материалов о положении турецких армян. Предприятие было отмечено императорской наградой — орденом святого Станислава второй степени.

В 1896 году Александр Иванович совершил переход через Тибет. В 1897—1899 годах служил младшим офицером в охране Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Маньчжурии. Наблюдал «боксерское восстание» в Китае, смысл которого был в организованном протесте китайцев против системного приучения населения к потреблению опиума, завозившегося британцами из индийских колоний. Прекрасные и так романтично воспетые английскими классиками парусники возили не толь-

¹ В работе были использованы материалы сайта www.hrono.ru. — Примеч. авт.

ко чай и пряности. Основным средством обогащения служила реализация опия, принося колоссальные доходы.

На рубеже веков А. Гучков доброволец на фронте англо-бурской войны. Воюет на стороне буров. Попал в плен к англичанам, которые вошли тогда в историю как новаторы — организаторы первых концентрационных лагерей. Однако Гучкова они освободили.

В 1903 году — наблюдатель в Македонии, где шли военные действия между сербами и турками. Во время Русско-японской войны А. Гучков — представитель Московской городской Думы и Красного Креста на театре военных действий. После Мукденского сражения вместе с ранеными оказался в плену, из которого японцами был отпущен. Два раза этот политический деятель попадал в плен (к британцам и японцам) и оба раза оказывался невредимым и на свободе.

Удачливый коммерсант, директор Московского учетного банка, член советов Петербургского учетного и ссудного банков, страхового общества «Россия», Товарищества А.С. Суворина — «Новое время». К началу 1917-го стоимость принадлежащего Гучкову имущества оценивалась примерно в 600 тысяч рублей — крупной по тому времени сумме.

Политик-либерал, один из инициаторов партии «Союз 17 октября», создатель газеты «Голос Москвы», рупора октябристов. Лидер Третьей Государственной Думы, с марта 1910 года был избран председателем, но в должности проработал ровно год, в знак протеста подал в отставку.

Политическую карьеру начал как внешне активный сторонник царя, заканчивал как непримиримый оппонент. Низложение Николая II было для А. Гучкова венцом его политической карьеры.

После Октябрьской революции — А. Гучков участник финансирования белой Добровольческой армии.

В 1919 году по поручению А. И. Деникина выехал на переговоры с французским правительством. Остался в эмиграции. В более позднее время в противоборстве Троцкого и Сталина

поддерживал Троцкого. Дочь А. Гучкова — Вера Александровна, наследница знатного имени и средств, великосветская дама, знавшая элиту белой эмиграции, сотрудничала с ОГПУ через своего возлюбленного С. С. Родзевича. В 1932 году вступила в компартию Франции.

Умер А. Гучков 14 февраля 1936 года от рака кишечника

Шульгин Василий Витальевич

Родился в Киеве 1 января 1878 года. Отец — профессор всеобщей истории Киевского университета; ученый, блестящий лектор, отдавший преподавательской работе 30 лет жизни. Скончался в год рождения сына. Мать В.В. Шульгина, Мария Константиновна, вскоре вышла замуж за профессора Дмитрия Ивановича Пихно, который преподавал политическую экономику в том же Киевском университете, что и покойный В.Я. Шульгин.

В 1886 году Пихно был приглашен в Петербург на службу в министерство финансов, однако его пребывание там было недолгим. Причина — расследование обстоятельств его женитьбы, проведенное по инициативе К.П. Победоносцева, в результате которого было установлено, что отчим В. Шульгина вступил в брак «в несоответствии с регламентом нашей церкви, следовательно, незаконно», о чем было доложено Александру III.

В 1900 году В. В. Шульгин окончил университет. Один год пробыл в Киевском политехническом институте. Стал земским гласным и почетным мировым судьей. Одновременно являлся ведущим журналистом, с 1911 года редактором либерально — умеренной газеты «Киевлянин».

Во время выборов во II Государственную думу летом 1906 года Шульгин проявил себя отличным агитатором. Он избирался как помещик от Волынской губернии (где имел 300 десятин земли) сначала во II, а после в III и IV Думы, где был одним из лидеров правых, а затем — националистов.

Несколько раз его принимал Николай II, Шульгин неоднократно выступал с поддержкой действий П. А. Столыпина. В 1913 году, в связи с делом Бейлиса («о ритуальных убийствах»), В. Шульгин выступил в «Киевлянине» с резкой критикой действий правительства. За эту статью был приговорен к тюремному заключению на 3 месяца «за распространение в печати заведомо ложных сведений о высших должностных лицах...». Номер газеты был конфискован. После этого правая печать обрушилась на него, как на «предателя». От дальнейших преследований Шульгина спасло вмешательство Николая II.

Первую мировую войну В. Шульгин встретил в Киеве и поспешил в столицу, чтобы принять участие в заседаниях Думы. Затем пошел на фронт добровольцем. В звании прапорщика 166 Ровенского пехотного полка Юго-Западного фронта участвовал в боях. Был ранен, после ранения возглавлял земский передовой перевязочно-питательный отряд. В 1915 году Шульгин с думской трибуны неожиданно выступил против ареста и осуждения по уголовной статье социал-демократических депутатов. Затем в августе того же года он вышел из фракции националистов и образовал «Прогрессивную группу националистов».

27 февраля 1917 года Шульгин был избран в состав Временного Комитета Государственной думы. 2 марта, вместе с А.И. Гучковым направлен во Псков для переговоров с императором и присутствовал при подписании манифеста об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича. На следующий день, 3 марта, присутствовал при отказе Михаила Александровича от престола и участвовал в составлении и редактировании акта отречения.

В ноябре 1917 года принял участие в формировании Добровольческой армии. В январе 1918-го, когда красные заняли Киев, Шульгин был арестован, но вскоре освобожден.

Во время гражданской войны сотрудничал с верховным командованием Добровольческой армии. С осени 1922 года по август 1923 года Шульгин живет под Берлином. С момента обра-

зования Русского Общевоинского Союза в 1923 году, является членом этой организации и выполняет поручения начальника врангелевской контрразведки Е.К. Климовича, по заданию которого нелегально посещает СССР. В ночь на 23 декабря 1925 года переходит границу и прибывает в Минск, откуда переезжает в Киев, а затем в Москву.

Проживая на даче, около Москвы, проводит несколько встреч с А.А. Якушевым, а также с другими членами фиктивной организации «Трест», организованной ОГПУ. В феврале 1926 года переходит границу Польши и оттуда убывает в Югославию, где информирует Климовича о результатах своей поездки. Впечатления от поездки в СССР Шульгин изложил в книге «Три столицы», изданной в 1927 году в Берлине.

После того как выяснилось, что приезд Шульгина в СССР, все его перемещения по стране и встречи проходили под контролем ОГПУ, доверие к нему в среде эмигрантов было подорвано.

В 1933 году Шульгин вступил в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП) — праворадикальную организацию русской эмиграции. Выступал с лекциями и участвовал в дискуссиях.

В октябре 1944 года Сремские Карловцы, где жил Шульгин, были освобождены Советской Армией. 24 декабря 1944 года он был доставлен в югославский город Нови-Сад, а 2 января 1945 года — задержан оперуполномоченным контрразведки «Смерш». После проведения первичного допроса Шульгин был вывезен сначала в Венгрию, а затем в Москву.

После предъявления обвинения и проведения следствия, которое продолжалось более двух лет, Шульгин, по решению Особого совещания при МГБ СССР, был приговорен к тюремному заключению сроком на 25 лет. Срок Шульгин отбывал во Владимирской тюрьме.

В 1956 году, после смерти Сталина, В. Шульгин был освобожден. Ему позволили поселиться вместе с женой, которую так-

же привезли из ссылки. Вначале жил в доме престарелых города Гороховца, Владимирской области, затем во Владимире.

Закончил свои дни Шульгин 15 февраля 1976 года, на 99-м году жизни.

Родзянко Михаил Владимирович

Родился 31 марта 1859 года. Из потомственных дворян Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область Украины), сын полковника гвардии, вышедшего в запас в чине генерал-лейтенанта. Малоросс. Крупный землевладелец. Окончил Пажеский корпус, после чего в 1877 году вступил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский Е.В. полк.

В 1882 году вышел в запас в чине поручика. Жил в Екатеринославской губернии, где в 1883 году был избран почетным мировым судьей, в 1886—1891 был предводителем дворянства Новомосковского уезда. В 1884 году женился на княгине Анне Николаевне Голицыной, дочери сенатора и обер-гофмейстера Двора.

Являлся одним из организаторов «Союза 17 октября». В Думе с 1910 года, возглавил фракцию октябристов, а 22 марта 1911 года сменил А.И. Гучкова на посту председателя Думы. Переизбранный в IV Думу, М. Родзянко, умело лавируя между фракциями и группировками палаты, стал ее председателем и в дальнейшем ежегодно переизбирался на эту должность.

Начав с почти безоговорочной поддержки власти в первые месяцы военных действий, под влиянием поражений на фронте перешел в оппозицию. 27 февраля 1917 года был избран председателем Временного комитета Государственной думы. От имени комитета вел по телеграфу переговоры со Ставкой, завершившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в которое, однако, не вошел.

Находился на посту председателя Думы вплоть до ее роспуска. После Октябрьской революции участвовал в создании белого движения. Умер в эмиграции в Югославии в 1925 году.

Алексеев Михаил Васильевич

Родился в 1857 году. Сын солдата сверхсрочной службы. Тверская гимназия, Московское пехотное юнкерское училище (1876 год), Академия Генерального Штаба (1890 год). Генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий Русской Армией до 11 сентября 1917 года. Участвовал в Русско-турецкой (1877-1878 годах) и Русско-японской (1904-1905 годах) войнах.

С началом 1-й мировой войны М. Алексеев стал начальником штаба Юго-Западного фронта, затем — главнокомандующим армиями Северо-Западного и Западного фронтов. В августе 1915 года Николай II, взяв на себя верховное командование, назначил генерала Алексеева начальником штаба Ставки.

В феврале 1917 года Алексеев приложил все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать отъезду Николая II из Ставки и тем самым предотвратить отречение. После отречения генерал Алексеев получил повышение, был назначен Временным правительством Верховным Главнокомандующим Русской армией.

После Октябрьской революции — основоположник и верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 года «в связи с болезнью сердца» в г. Екатеринодаре.

Генерал от инфантерии Н. В. Рузский

Родился 6 марта 1854 года. Генерал от инфантерии с 29.03.1909 года, генерал-адъютант с 22.09.1914 года. Участник русско-турецкой войны 1878 — 1878 годов, во время русско-японской войны 28.9.1904 года был назначен начальником полевого штаба 2-й Маньчжурской армии. В 1909 году был снят с командования корпусом по слабости здоровья и назначен членом Военного совета. Принимал участие в разработке уставов и наставлений, автор Полевого устава 1912 года.

С началом мировой войны 19.7.1914 года был назначен командующим 3-й армией Юго-Западного фронта. С 3.9.1914 года главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта.

13.3.1915 года не добившись существенных успехов, заболел и покинул театр военных действий, сдав командование ген. М.В. Алексею. 17.3.1915 года назначен членом Государственного, а 20 мая того же года — Военного совета. По выздоровлении 30.6.1915 года получил 6-ю отдельную армию, а 18.8.1915 года, когда Северо-Западный фронт был разделен на два, назначен главнокомандующим армиями Северного фронта, прикрывавшего пути на Петроград.

Принял активное участие в том давлении, которое оказали высшие командиры на Николая II, чтобы побудить его отречься от престола. 25.4.1917 года покинул свой пост и уехал лечиться в Кисловодск. В сентябре 1918 года был взят в число заложников Кавказской Красной армией и в числе прочих — расстрелян.

Великий князь Кирилл Владимирович

Кирилл Владимирович Романов — Великий князь, сын Великого князя Владимира Александровича. Контр-адмирал Свиты Его Величества, командир Гвардейского флотского экипажа. Образование получил в Морском кадетском корпусе и Николаевской морской академии. Выпущен в гвардейский экипаж. Плавал на корветах «Россия» (1897-1898 годы), «Генерал-адмирал» (1899 год), «Ростислав» (1900 год), «Пересвет» (1901—1902 годы). В 1902-1903 годы старший офицер крейсера «Адмирал Нахимов».

С 9.3.1904 года начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом Тихого океана. Участник русско-японской войны 1904—1905 годов. Во время взрыва на броненосце «Петропавловск» в результате подрыва мины, где погибло большинство штаба, спасся.

В 1905 году исключен со службы за вступление в недозволенный брак с двоюродной сестрой, разведенной женой брата императрицы Александры Федоровны — Викторией, герцогиней Саксен-Кобург-Готской.

В 1909—1910 годы старший офицер, 1.1—14.9.1912 командир крейсера «Олег». С 25.7.1914 штаб-офицер для делопроизводства и поручений военно-морского управления при Верховном главнокомандующем. С 16.3.1915 года командир гвардейского экипажа, одновременно с 23.2.1915 года начальник морских батарей в действующей армии. Во время февральских событий 1917 года в Петрограде во главе экипажа прибыл в здание Государственной думы и объявил о своей поддержке новой власти.

В июне 1917 года уехал в Финляндию. Затем жил в Швейцарии, Германии, Франции. В 1924 году самозванно провозгласил себя «Главой Императорского Дома Романовых», передав в 1938 году «титул», своему сыну Владимиру Кирилловичу (1917—1992).

Скончался в Париже 12 октября 1938 года от склероза.

Великий Князь Николай Николаевич

Николай Николаевич Романов (младший) — внук Николая I, дядя Николая II, великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, родился в 1856 году. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в 1905—1914 гг. — командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, одновременно (в 1905—1908 гг.) — председатель Совета государственной обороны. В 1914 г. — августе 1915 г. — верховный главнокомандующий: с августа 1915 г. по март 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта.

11.3.1917 года был отчислен от должности и уволен от службы. Позднее эмигрировал в Италию, затем во Францию. Умер в эмиграции в 1929 году.

Генерал-адъютант А. А. Брусилов

Алексей Алексеевич Брусилов родился в 1853 году в семье генерала. В связи с потерей родителей воспитывался у родственников. Окончил Пажеский корпус. Участник русско-турец-

кой войны 1877-1878 гг., более 15 лет прослужил в офицерской кавалерийской школе, начав с инструктора верховой езды и закончив ее начальником.

В 1906—1912 гг. командовал различными воинскими соединениями. В 1912 году получил чин генерала от кавалерии. С начала Первой мировой войны назначен командующим 8-й армией, с марта 1916 года — главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Приобрел особую известность за разработку и проведение наступления русской армии летом 1916 года.

В мае 1917 года назначен Верховным главнокомандующим русской армией. После смещения с этого поста в июле 1917 года остался в распоряжении Временного правительства.

После Октябрьской революции отказался поехать на Дон и примкнуть к М. В. Алексееву. Единственный сын Брусилова Алексей, служивший в Красной кавалерии, был взят в плен белыми и расстрелян. В 1920 году А. Брусилов стал служить в Красной Армии: был инспектором кавалерии. Умер от воспаления легких 17 марта 1926 года в Москве в возрасте 73 лет.

Генерал-адъютант А. Е. Эверт

Алексей Еромолаевич Эверт родился в 1857 году. Генерал от инфантерии с 1911 года, генерал-адъютант с 23.12.1915 года. Участник русско-турецкой войны 1877-78 годов. Служил при штабе Московского военного округа. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. занимал пост генерал-квартирмейстера полевого штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии.

С 24.3.1905 начальник полевого штаба 1-й Маньчжурской армии. С 19.6.1912 года командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска.

В августе 1914 года был назначен командующим 4-й армией, участвовал в Галицийской битве. С августа 1915 года — главнокомандующий армиями Западного фронта. После отрече-

ния царя в феврале 1917 года, снят с поста, 22 марта уволен от службы. Жил в Верее, занимаясь пчеловодством. Умер 10 мая 1926 года.

Генерал от кавалерии В. В. Сахаров

Владимир Викторович Сахаров родился 20 мая 1853 года. Генерал от кавалерии с 13.4.1908 года. Образование получил в 1-м Павловском училище (1871 год) и Николаевской академии Генштаба (1878 год). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. После начала русско-японской войны был назначен начальником полевого штаба Маньчжурской армии, позднее — начальник штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии.

После Мукденского поражения, 17.3.1905 года был снят с поста, в дальнейшем — прикомандирован к Главному штабу. К началу Первой мировой войны командир армейского корпуса.

После взятия германскими войсками Бухареста и полного разгрома Румынии, Россией был создан Румынский фронт. С 12.12.1916 года В. Сахаров назначен помощником августейшего главнокомандующего армиями фронта (главнокомандующим номинально являлся румынский король Фердинанд I).

После отречения царя, 2 апреля 1917 года был отстранен от командования фронтом. Остался в Румынии, затем переехал на юг России. Во время Гражданской войны находился в Крыму. В августе 1920 года был захвачен «зелеными партизанами» и расстрелян.

Вице-адмирал А.И. Непенин

Адриан Иванович Непенин родился 21 октября 1871 года, вице-адмирал с 28.6.1916 года. Образование получил в Морском корпусе (1892 год). Служил на Балтийском море и в Сибирской флотилии.

Участник Китайской кампании 1900—1901 годов и русско-японской войны. Участник обороны крепости Порт-Артур, где некоторое время командовал миноносцем «Сторожевой».

После войны в 1906-07 годах служил старшим офицером крейсера «Адмирал Корнилов». В 1907—1908 годах командир миноносца «Прозорливый», в 1908—1909 годах — 2-го дивизиона миноносцев Балтийского моря. В 1909—1911 годах командир канонерской лодки «Храбрый». С 1911 года начальник службы связи штаба действующего флота Балтийского моря. В 1911—1914 годах начальник службы связи штаба командующего морскими силами Балтийского моря. С 17.7.1914 года — начальник службы связи Балтийского моря. С 6.9.1916 года командовал Балтийским флотом. После отречения царя, 4 марта был убит матросами.

Генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов

Юрий Никифорович Данилов родился 13 августа 1866 года. Генерал от инфантерии с 1914 года. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886 год) и Академию Генштаба (1892 г.). В 1908—1909 годах обер-квартирмейстер, с 1909 генерал-квартирмейстер Главного управления Генштаба, участвовал в разработке стратегических планов 1-й мировой войны.

В августе 1915 года назначен командиром корпуса, затем был начальником штаба Северного фронта (1916-17) и командующим 5-й армией (1917 год).

Участник переговоров об отречении императора Николая II от престола. В феврале 1918 года возглавив группу военных консультантов при советской мирной делегации в Брест-Литовске.

Осенью 1920 года начальник военного управления в правительстве генерала Врангеля. Эмигрировал сначала в Константинополь, затем в Париж. Скончался 3 ноября 1937 года около Парижа.

Генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 года в семье волостного писаря, казака. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1892 год) и с золотой медалью Николаевскую академию Генерального штаба (1898 год). Офицер в штабе Туркестанского Военного округа, 1889—1904. Участник русско-японской войны 1904—1905 годов: штаб-офицер 1-й стрелковой бригады (в ее штабе).

С апреля 1905 года полковник, с декабря 1912 года — генерал-майор. Генерал-лейтенант (26.08.1914), генерал от инфантерии (30.06.1917).

Военный атташе в Китае, 01.04.1907 — 24.02.1911. Участник 1-й мировой войны: командир 48-й пехотной дивизии 8-й армии. При общем отступлении 48-я дивизия попала в окружение, и получивший ранение генерал Корнилов в апреле 1915 года был захвачен в плен. В июне 1915 года, переодевшись в форму австрийского солдата, бежал.

В дальнейшем — командир 25-го стрелкового корпуса. С одобрением встретил Февральскую революцию 1917 года и приход к власти Временного правительства. 2 марта 1917 г. по просьбе М.В. Родзянко Николай II одновременно с отречением от престола назначил Корнилова командующим Петроградским военным округом.

8 марта, по приказу Гучкова, Корнилов арестовал в Царском Селе семью свергнутого с престола царя (сам Николай II был арестован в этот же день в Ставке армии, в Могилеве). В марте — апреле 1917 года Л. Корнилов командует Петроградским гарнизоном.

Командовал 8-й армией, затем Юго-Западным фронтом. Верховный Главнокомандующий в июле — августе 1917 года. В августе 1917 года двинул часть войск на Петроград, призвав «всех русских людей к спасению умирающей Родины».

Акция вошла в историю как «Корниловский мятеж» против Временного правительства. Успехом не увенчалась, 27 августа 1917 года Корнилов был снят Керенским с поста Верховного Главнокомандующего, арестован и помещен в тюрьму в городе Быхове вместе с другими представителями «военной партии».

После Октябрьской революции бежал на Дон вместе с другими пленниками. С генералами Алексеевым и Деникиным участвовал в организации Добровольческой армии. С 25.12.1917 года командующий Добровольческой армией (генерал Алексеев — Верховный руководитель).

13 апреля 1918 года при штурме Екатеринодара был убит.

Генерал-лейтенант А.И. Деникин

Антон Иванович Деникин родился в 1872 году в Варшавской губернии в семье отставного майора. Мать А. Деникина принадлежала к польскому обедневшему дворянскому роду. В 1882 году было окончено Киевское пехотное юнкерское училище, в 1899 году по окончании Академии Генштаба был произведен в капитаны.

Во время русско-японской войны 1904 — 1905 проявил отличные качества боевого офицера, дослужившись до звания полковника, был награжден двумя орденами. К революции 1905 отнесся крайне отрицательно, но приветствовал Манифест 17 октября, считая его началом преобразований. Полагал, что реформы П.А. Столыпина смогут разрешить главный вопрос России — крестьянский. В 1914 году был произведен в генерал-майоры.

С началом Первой мировой войны командовал бригадой, дивизией. Слыл «военным либералом». Командовал Западным, затем Юго-Западным фронтом. Увидев сильную личность в Корнилове, поддержал мятеж, за что впоследствии был арестован.

После Октябрьской революции бежал на Дон, где наряду с М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А. М. Калединым занимал-

ся формированием Добровольческой армии. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе.

После гибели Корнилова в 1918 году занял пост Главнокомандующего вооруженными силами Юга России. Летом-осенью 1919 года был близок к взятию Москвы, однако потерпел военное поражение и отступил, понеся большие потери.

Весной 1920 года остатки армии были эвакуированы в Крым. 4 апреля 1920 года на английском миноносце покинул Россию.

Отказавшись от вооруженной борьбы с большевиками, Деникин написал 5-томное воспоминание-исследование «Очерки русской смуты», важный источник по истории Гражданской войны.

Выступал с осуждением эмигрантских организаций, сотрудничавших с фашистской Германией. В 1945 году под влиянием слухов о возможности насильственной депортации в СССР эмигрировал в США. Умер 8 августа 1947 года от сердечного приступа.

Адмирал А. В. Колчак

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября 1874 года. Вице-адмирал (28.06.1916), Адмирал (18.11.1918), звание присвоено созданным в день переворота Советом министров.

Известен как военный деятель, ученый и писатель. Участник полярных экспедиций 1900—1903 годов и 1908—1911 годов. Во время русско-японской войны командовал эсминцем и батареей в Порт-Артуре. После сдачи крепости был в японском плену.

Участник 1-й мировой войны: помощник командующего Балтийским флотом по оперативному планированию морских операций. С 09.1915 года — Командующий минной дивизией и морскими силами в Рижском заливе. Командующий Черноморским флотом, 28.06.1916-06.06.1917 года.

Признал власть Временного правительства. 6 июня 1917 года, ввиду общей дезорганизации войск, Колчак приказал контр-адмиралу Лукину вступить в командование Черноморским флотом. Отправил телеграмму в Петроград, в которой объявил о своем уходе с поста командующего. 27.07.1917 года убыл из Петрограда в США (через Дальний Восток); приступил к работе в США и Англии.

В конце декабря 1917 года поступил на военную службу Великобритании с назначением и отправкой на фронт в Месопотамию (Ближний Восток).

По распоряжению английского генерала Райденда 16.03.1918 года был направлен в Шанхай для дальнейшей работы в Маньчжурии и Сибири. Прибыл из Владивостока в Омск 13.10.1918 года вместе с английским генералом Ноксом.

Военный министр в правительстве Уфимской директории, при поддержке начальника гарнизона и его войск, произвел переворот 18.11.1918 года.

Собравшийся утром в этот день Совет министров на своем заседании принял ряд государственных актов, включая введение в России поста Верховного Правителя и присвоение вице-адмиралу Колчаку звания полного адмирала, а также передачу ему «временного осуществления Верховной власти ввиду тяжелого положения государства».

Колчак объявил себя Верховным правителем Российского государства и Главнокомандующим новой, создаваемой им армии. После разгрома этой армии был взят под охрану возвращающимся на родину через Владивосток Чехословацким корпусом.

Выдан чехами советским властям на станции Иннокентиевская близ Иркутска. Расстрелян 07.02.1920 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Часть первая. Февраль</i>	7
<i>Часть вторая. Октябрь</i>	165
Приложение. <i>Синяков О.Н.</i> Биографии некоторых политических деятелей, упоминающихся в данной книге	335

Стариков Николай Иванович

ХРОНИКИ КРАСНОГО ОКТЯБРЯ

Редактор *О. В. Селин*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Подписано в печать 17.08.2007. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 4000 экз. Заказ № 3629.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ХРОНИКИ КРАСНОГО ОКТЯБРЯ

Поток бессовестной и гнусной клеветы на революцию не ослабевает, тем более важным представляется нам издание этой книги. В ней показаны события Февраля и Октября семнадцатого года глазами участников тех событий. Концепция этого труда состоит в том, чтобы показать основное действующее лицо революции — народ, тех "рядовых" людей, руками которых, собственно, она и делалась. Автор попытался с помощью свидетельств ее участников и документов той эпохи дать объективную картину происходящего, из которой следует, что именно народ сверг бездарного «Николашку Кровавого», доведшего страну до глубочайшего кризиса, именно народ не захотел терпеть гибельную политику Временного правительства, пустую болтовню Керенского — и установил в России советскую власть, власть рабочих и крестьян, действительно демократическую власть, учитывающую интересы подавляющего большинства населения.



ХРОНИКИ КРАСНОГО ОКТЯБРЯ

Николай
СТАРИЛОВ